

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 8 № 2
2024

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки –
национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается
за счет средств Кемеровского государственного
университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов,
архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте
издания: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions,
DOAJ, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379.
Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине
периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный
университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская
область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities
and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-
Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation. The Journal
belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals
as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Journal
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University.
Authors do not have to pay any article processing charge
or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics,
instructions for authors, and archives of full-text issues,
please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases:
Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms
of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store
of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Kemerovo
State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St.,
Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Ass. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Prof., Lomonosov
Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ

(Екатеринбург, Россия).
Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof.,
Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ

(Великий Новгород, Россия).
Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд

Кемеровской области (Кемерово, Россия).
Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России)

(Москва, Россия).
Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Лясковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
(Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ
(Екатеринбург, Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Росинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).
Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

Уважаемые читатели!

25 мая 2024 г. свое 50-летие отмечает Юридический институт Кемеровского государственного университета.

С образованием в 1943 г. Кемеровской области появилась насущная потребность в подготовке профессиональных кадров для правоохранительных органов Кузбасса. Прежняя модель пополнения кадрового состава выпускниками Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) и специалистами, прибывавшими в Кузбасс по распределению из Свердловского юридического института и Томского государственного университета (ТГУ), уже не могла устраивать быстро-развивающийся молодой индустриальный регион.

В 1969 г. в Кемерове был открыт учебно-консультационный пункт ТГУ. К 1974 г. в нем насчитывалось 658 студентов заочной формы обучения, а учебный процесс обеспечивался преподавателями ТГУ, работавшими вахтовым методом.

В 1974 г. в структуре создаваемого Кемеровского государственного университета был образован Экономико-правовой факультет, в состав которого, в соответствии с Приказом Минвуза РСФСР № 328 (июнь 1973 г.), вошли учебно-консультационный пункт ТГУ и филиал Всесоюзного заочного финансово-экономического института. В том же году факультет встретил своих первых студентов. Первый набор составлял всего 100 человек, а в составе сформированных групп юридического профиля было всего лишь 50 студентов.

В последующие годы факультет дважды проходил процедуру реорганизации, каждая из которых открывала новую главу его истории.

В 1978 г. Юридический факультет обрел организационную самостоятельность, выделившись из состава Экономико-правового факультета.

30 июня 2016 г. приказом Ректора Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» А. Ю. Просекова № 415/10 «О создании институтов» на основании решения Ученого совета КемГУ от 29 июня 2016 г. образован юридический институт Кемеровского государственного университета.

Не менее значимым событием в истории флагмана юридического образования Кемеровской области – Кузбасса стало открытие при поддержке Губернатора Кузбасса С. Е. Цивилева в День юриста, 3 декабря 2021 г., нового современного корпуса Юридического института КемГУ, позволяющего успешно разрешать все задачи, стоящие перед институтом в сфере подготовки кадров высшей профессиональной юридической квалификации, и своевременно отвечать на юридические запросы региона.

Юридический институт Кемеровского государственного университета сегодня – это квалифицированный профессорско-преподавательский состав. В составе института 7 кафедр, на которых работает 12 докторов и 36 кандидатов наук.

Юридический институт Кемеровского государственного университета сегодня – это центр юридического образования Кузбасса. На всех образовательных направлениях и специальностях института в 2024 г. обучается 1747 студентов. В институте реализуются три магистерские программы, по трем научным специальностям ведется подготовка аспирантов.

Юридический институт Кемеровского государственного университета сегодня – это неотъемлемый элемент судебной и правоохранительной системы региона. За всю историю своего существования институтом подготовлено 16500 специалистов. Более 65 % сотрудников судебных и правоохранительных органов Кемеровской области являются выпускниками Юридического института (ранее – факультета) КемГУ. Юридический институт взаимодействует с юридическим сообществом страны, Сибирского федерального округа и Кемеровской области – Кузбасса, является партнером Ассоциации юристов России. Преподаватели юридического института являются членами квалификационной коллегии судей Кемеровской области, экзаменационной коллегии судей Кемеровской области. Институт на постоянной основе взаимодействует

и проводит совместные мероприятия с Законодательным собранием Кемеровской области – Кузбасса, Правительством Кемеровской области – Кузбасса, Избирательной комиссией Кемеровской области – Кузбасса, Восьмым кассационным судом общей юрисдикции, Кемеровским областным судом, Арбитражным судом Кемеровской области, Прокуратурой Кемеровской области – Кузбасса, Следственным управлением Следственного комитета России по Кемеровской области.

Юридический институт Кемеровского государственного университета сегодня – это авторитетный центр правовой науки. В научной копилке института более 6300 научных публикаций и более 1100 проведенных научных мероприятий. В структуре института функционируют специализированные научные подразделения: природоохранная лаборатория и лаборатория правового сопровождения городских агломераций. Юридический институт является организатором Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Тенденции развития юридической науки на современном этапе», Международной научно-практической конференции молодых ученых «Правовое образование – Гражданское общество – Справедливое государство». Юридический факультет установил тесные научные связи с Юридическим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Институтом государства и права РАН, Исследовательским центром частного права при Президенте РФ им. С. С. Алексеева, Российским университетом дружбы народов им. П. Лумумбы, Московским государственным юридическим университетом им. О. Е. Кутафина, Уральским государственным юридическим университетом им. В. Ф. Яковлева, НИИ Генеральной Прокуратуры РФ, юридическими институтами и факультетами Томского, Алтайского, Сибирского федерального госуниверситетов.

Юридический институт Кемеровского государственного университета сегодня – это центр передовых юридических практик. Институт является площадкой для проведения крупных научно-практических мероприятий федерального и регионального уровней: Сибирского налогового форума, Банкротного форума, Экологического форума, Всероссийской студенческой юридической олимпиады. Значительную роль в жизни института с 2014 г. играет Юридическая клиника, предоставляющая бесплатную правовую помощь социально незащищенной категории граждан, взаимодействующая в этих вопросах с Кемеровским региональным отделением Ассоциации юристов России и Государственным юридическим бюро Кузбасса, а также реализующая самостоятельные проекты, такие как волонтерский проект «Словом и делом».

Одним из ключевых юбилейных мероприятий станет VII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе», которая состоится 24–25 мая 2024 г. Участники конференции – выдающиеся ученые и практики, представляющие различные научные школы и профессиональные юридические корпорации. В текущем выпуске журнала «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» представлены статьи участников этой конференции, посвященные актуальным вопросам теории и истории государства и права, публичного права, цивилистического процесса, частного права, правоохранительной деятельности. Редакционная коллегия журнала выражает слова благодарности коллегам, любезно согласившимся представить материалы своих исследований еще до начала конференции.

Встречая свой юбилей, коллектив Юридического института уверен в его будущем. Неурядицы и проблемы не могут повлиять на наш традиционный оптимизм. При этом очевидно, что все это возможно лишь в условиях командной игры. Наша команда – это юридическое сообщество Кузбасса! Наша команда – это наша Alma mater, Кемеровский государственный университет! Наша команда – это наши студенты, лучшие в мире! Наша команда – это заведующие кафедрами и дирекция. Наша команда – это весь Юридический институт! С днем рождения, институт!

Директор Юридического института Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор

Гаврилов Станислав Олегович

Публично-правовые (государственно-правовые) науки	
Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления <i>Липчанская М. А., Шиндина А. В.</i>	159
Правовая природа публичной власти: доктрина и закон <i>Филиппова Н. А.</i>	167
Демократизм как базовый принцип в организации законотворческого процесса федеральной территории в России <i>Фомичева О. А.</i>	177
Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики <i>Шугрина Е. С.</i>	187
Теоретико-исторические правовые науки	
Формирование профессиональной судейской корпорации в России (XVIII–XXI вв.) <i>Лонская С. В.</i>	195
Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века <i>Минникес И. В.</i>	205
Становление и развитие институтов прямой демократии в США: историко-правовой аспект <i>Чечелев С. В.</i>	214
Уголовно-правовые науки	
Модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность <i>Бахтеев Д. В., Цветкова А. Д.</i>	222
Частно-правовые (цивилистические) науки	
К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов <i>Абросимова Е. А.</i>	231
Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств <i>Курносов А. А.</i>	241
Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе <i>Моторина И. С.</i>	253
Современные тенденции определения подведомственности споров <i>Терехова Л. А.</i>	263
Критерии соответствия первичного встречного обеспечения его каузе <i>Трезубов Е. С., Колмогоров С. А.</i>	271

Public and State Law

Concept of Local Government Development during Digital Management Transformation
Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. 159

Legal Nature of Public Authority: Doctrine and Law
Filippova N. A. 167

Democratism as a Basic Principle for Legislative Processes on Russia's Federal Territories
Fomicheva O. A. 177

Reauthorization of Local Issues in Law Enforcement Practice
Shugrina E. S. 187

Theoretical and Historical Legal Sciences

Development of Professional Judicial Corporation in Russia in XVIII–XXI centuries
Lonskaya S. V. 195

Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire
 in the Early XIX Century
Minnikes I. V. 205

Legal History of Direct Democracy Institutions in the USA
Chechelev S. V. 214

Criminal Law

Models of Integrating Modern Technologies into Law Enforcement Activities
Bakhteev D. V., Tsvetkova A. D. 222

Private and Civil Law

Contractual Responsibility of Marketplaces
Abrosimova E. A. 231

Subpoena of Evidence from Arbitration Court
Kurnosov A. A. 241

Benefits of Conciliation Procedures in Legal Practice
Motorina I. S. 253

Modern Trends in Determining the Jurisdiction of Disputes
Terekhova L. A. 263

Primary Undertaking in Damages and its Cause: Criteria for Compliance
Trezubov E. S., Kolmogorov S. A. 271

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jgzmoq>

Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления

Липчанская Мария Александровна

Российский государственный университет правосудия,

Россия, Москва

Государственный университет управления, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

lipchan_maria@mail.ru

Шиндина Анна Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия,

Россия, Саратов

Государственный университет управления, Россия, Москва

Elibrary Author SPIN: 2716-2596

Аннотация: В настоящее время регламентация государственных процессов ориентируется на стратегированный концептуальный подход, выражающийся в принятии таких важнейших документированных актов, как *концепции*, направленных на системное, комплексное и последовательное развитие многих сфер общества и государства, включая публичное управление на муниципальном уровне. Цель – рассмотреть необходимость разработки Концепции развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации на основе теоретических обобщений и практики конституционно-правового регулирования. Проанализированы виды и предметная определенность актов государственного стратегического планирования, определено место концепций в указанной системе. Показаны иерархическая соподчиненность и соотношение актов стратегического планирования в сфере цифровизации управления в целом и местного самоуправления в частности. Выявлены перспективные цели и предложены генеральные направления развития местного самоуправления с учетом внедрения цифровых технологий: цифровизация отечественного агропромышленного комплекса; нивелирование цифрового неравенства; ликвидация диспропорций финансового и ресурсного обеспечения мелких и средних муниципальных образований при использовании цифровых систем и инновационных технологий. Авторами изучены современные подходы нормотворческой работы, складывающиеся по вопросам принятия концепций устойчивого развития, которые в настоящее время становятся основой регулирующего воздействия в вопросах развития местного самоуправления и в цифровой среде. В результате были обозначены проблемные вопросы современной цифровой трансформации муниципального управления и предложены возможные траектории развития цифровых платформ на уровне местного самоуправления.

Ключевые слова: конституционная система власти, государственная стратегия, концепция развития, органы местного самоуправления, нормотворчество, цифровая трансформация

Цитирование: Липчанская М. А., Шиндина А. В. Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 159–166. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-159-166>

Поступила в редакцию 08.04.2024. Принята после рецензирования 29.04.2024. Принята в печать 29.04.2024.

full article

Concept of Local Government Development during Digital Management Transformation

Maria A. Lipchanskaya

Russian State University of Justice, Russia, Moscow

State University of Management, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

lipchan_maria@mail.ru

Anna V. Shindina

Saratov State Academy of Law, Russia, Saratov

State University of Management, Russia, Moscow

Elibrary Author SPIN: 2716-2596

Abstract: State processes are currently regulated by conceptual strategizing, which means they rely on concepts of systematic, integrated, and consistent development in social and state spheres, e.g., municipal public administration. This research used theoretical generalizations, as well as constitutional and legal practice, to rationalize the need for a developmental concept of local government in the context of digital transformation. Acts of state strategic planning were classified according to subject and concept. Digitalization of management and local governance was described from the perspective of hierarchical subordination and strategic planning acts. The list of prospective goals and directions in the digital development of local government included: digitalizing the domestic agro-industrial

complex; leveling the existing digital inequality; improving the financing of small and medium municipalities using digital systems and innovative technologies. The authors reviewed best foreign practices and modern approaches to standardization in the sphere of sustainable development concepts, which direct the regulation of local government development in the digital environment. They revealed some problematic issues of modern digital transformation of municipal government and prospective trajectories for local digital platforms.

Keywords: constitutional system of government, state strategy, development concept, local governments, rule-making, digital transformation

Citation: Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Concept of Local Government Development during Digital Management Transformation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 159–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-159-166>

Received 8 Apr 2024. Accepted after review 29 Apr 2024. Accepted for publication 29 Apr 2024.

Введение

В XXI в. турбулентные процессы в геополитике и экономике, масштабное объективное формирование цифрового общества актуализируют потребность в выработке концепций устойчивого развития, которые «становятся парадигмой и национального, и международного развития с одновременным поиском институтов – механизмов регулирующего воздействия» [1, с. 247]. Правовым инструментом достижения комплексных конституционных целей устойчивого развития является согласованная научно-обоснованная система государственного стратегического планирования [2, с. 302]. Такая система должна выстраиваться в том числе в отношении внедрения и использования цифровых технологий на всех уровнях единой системы публичной власти, включая местное самоуправление.

В настоящее время регламентация государственных процессов ориентируется на стратегированный концептуальный подход, выражающийся в принятии таких важнейших документированных актов, как *концепции*, направленных на системное, комплексное и последовательное развитие многих сфер общества и государства, включая публичное управление на муниципальном уровне.

Систематизация актов государственного планирования, некоторая их правовая иерархия и предметная определенность представлены в Федеральном законе № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании»¹. Анализ названного федерального закона показывает, что данный акт избегает указание на вид, форму и предметную определенность актов государственного планирования, оставляя это на усмотрение уполномоченных органов, он лишь указывает предназначение следующих правовых актов: целеполагание, планирование, прогнозирование и т. д. Эта проблема неоднократно обсуждалась и критиковалась в публично-правовой науке [3, с. 81; 4, с. 21; 5, с. 26; 6]. Следует отметить,

что концепция как самостоятельный правовой акт стратегического государственного планирования также не упоминается в федеральном законе «О стратегическом планировании». Тем не менее в гуманитарной науке и законодательстве термин *концепция* используется достаточно широко и не является новым. Существует мнение, что концепция как самостоятельный правовой акт – это система взглядов и представлений, сформулированных и утвержденных уполномоченным субъектом по конкретному направлению общественно-политической жизни, облеченная в соответствующую форму [7, с. 63]. ФЗ № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании», формулируя в ст. 3 основные понятия и термины, интерпретирует документы стратегического планирования иначе, понимая под ними *документированную информацию*, имеющую директивный характер и утверждаемую правовыми актами. Такую трактовку сложно признать удачной по нескольким причинам. Во-первых, она не вносит ясность и предметную определенность в многочисленные виды *документированной информации* стратегического планирования. Во-вторых, размывает границы форм данной *документированной информации*, оставляет за пределами разъяснение об иерархии документов стратегического планирования. В-третьих, не нашел должного разрешения вопрос о полномочиях органов публичной власти по подготовке и утверждению документа стратегического планирования под конкретным названием (например, стратегия, концепция, проект, дорожная карта и т. д.).

В связи с этим статья представляет собой попытку аккумулировать суждения авторов относительно природы концепции как самостоятельного документа стратегического планирования и на основе этого предложить основные направления Концепции развития местного самоуправления в условиях цифрового общества.

¹ О стратегическом планировании в РФ. ФЗ № 172-ФЗ от 28.06.2014 (ред. от 17.02.2023). СПС КонсультантПлюс.

Методы и материалы

Работа основана на анализе источников российского права, в частности документов государственного стратегического планирования, а также практических материалов российского и зарубежного права в сфере цифровизации местного самоуправления. Методологической основой выступают признанные общенаучные и частно-научные методы познания, используемые в юридической науке. Применены методы анализа и синтеза, юридической компаративистики, формально-логический и юридико-догматический методы. Выводы опираются на данные научных исследований в области доктринального понимания и апробацию цифровых технологий в системе местного самоуправления.

Результаты

Происходящие в РФ трансформационные процессы нормативного регламентирования публичного управления базируются на нескольких принципах:

1. Стратегирование, т. е. построение акта (документа) стратегического планирования со сформированным целеполаганием конечного результата (например, распоряжением Правительства РФ № 2765-р от 01.10.2021 утвержден «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.», в котором предусмотрено достижение конкретного результата – «увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов»²).

2. Постановка долгосрочных задач развития (все реализуемые национальные проекты³ имеют долгосрочный срок действия, который пролонгируется практической реализацией, т. к. поставленные задачи интегрируются как в деятельность органов государственной власти, так и в общественную деятельность на перманентной основе).

3. Иерархическая соподчиненность и комплексная взаимообусловленность актов, обоснованная в ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Иными словами, применяется комплексный подход в построении системы нормативных правовых актов планирования: государственная стратегия – концепции и доктрины – национальные программы и проекты. Указанный ФЗ выделяет три группы документов стратегического планирования: документы целеполагания; документы планирования и программирования; документы прогнозирования. При этом, как уже отмечалось, закон не конкретизирует форму и предметную определенность данных правовых актов.

Содержательно «стратегическое планирование представляет собой выбор основных долгосрочных приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности» [8, с. 63]. Справедливо считать, что центральное место среди актов целеполагания, т. е. документов первого уровня в системе стратегического планирования, занимают указы Президента РФ о национальных целях развития. Например, Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.»⁴.

Стоит отметить, что в настоящее время сформировался довольно широкий понятийный аппарат, используемый в правовом регулировании перспективных и инновационных направлений государственного и общественного развития. Так, *стратегия, концепция, доктрина, основы государственной политики, национальная программа, национальный проект, федеральный проект, стратегические направления* [9–12] служат формой выражения трансформационных правовых актов. Однако до настоящего времени среди ученых государствоведов и правоприменителей нет единства мнений о соотношении и предметной определенности перечисленных правовых актов.

До принятия ФЗ «О стратегическом планировании» законодательно закрепленной терминологии, затрагивающей государственную деятельность по определению целей развития, не было, и зачастую наименование того или иного документа, направленного на стратегическое планирование, носило релевантные наименования. Теперь же в ст. 3 указанного федерального закона даются определения каждого из перечисленных видов деятельности по стратегическому планированию и предпринята попытка определить содержание этих документов.

В понимании Н. И. Маланыча, стратегия, имея под собой значение для всего государства, является «системой норм, охватывающих, в соответствии с Конституцией РФ, механизмы целеполагания, мониторинга и анализа, прогнозирования и планирования развития законодательства в определенной укрупненной сфере общественных отношений» [13, с. 24]. Кроме того, И. С. Гуменюк считает, что в основе такого подхода заложена методика, применяемая при подготовке Конституции РФ, конечно же, не с точки зрения ее высшей юридической силы (что безусловно), а с точки зрения правового прогнозирования, стратегирования и построения сбалансированных моделей правоотношений [14, с. 40], т. к. нормы Конституции

² Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства РФ № 2765-р от 01.10.2021 (с изм. от 24.12.2021). СПС КонсультантПлюс.

³ Национальные проекты России. Список нацпроектов РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects> (дата обращения: 08.03.2024).

⁴ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

имеют стратегический характер, не только регламентируют уже имеющиеся общественные отношения, а на самом высоком уровне формируют некий задел, к которому стоит стремиться (например, введенные изменения в отношении традиционных семейных ценностей, вопросов делимитации, демаркации и т. п.)⁵.

Т. Я. Хабриева объектами стратегий называет общественные отношения в сфере государственного устройства, важнейшие элементы экономического и политического устройства, понимание личности и реализацию основных прав и свобод [15, с. 19]. Субъектами стратегий, с точки зрения В. В. Киреева и В. И. Майорова, выступают Президент, Правительство, двухпалатный Парламент и органы государственной власти субъектов (в пределах их полномочий) [16, с. 68]. Указанное мнение было высказано в 2017 г. В связи с включением местного самоуправления в единую систему публичной власти в результате конституционных поправок 2020 г.⁶ логично предположить, что органы местного самоуправления являются полноценными субъектами современной государственной стратегии.

Интересна позиция В. А. Григорьевой, которая отмечает, что формами государственной стратегии применительно к развитию законодательства выступают концепции и конституционные доктрины [17]. Получается, что стратегия не рассматривается ей как самостоятельный правовой акт, а трактуется лишь как направление развития, что является ошибочным и подтверждается сложившейся нормотворческой практикой в РФ.

Второй уровень актов стратегического планирования представлен документами планирования и программирования, которые могут приниматься в форме национальных проектов и программ [18]. В идеальной правовой конструкции они выступают взаимообусловленными структурными элементами государственной стратегии, обеспечивают единство и эффективность ее реализации. Данные правовые акты обладают рядом особенностей:

- имеют индивидуальный (узкий) предмет регламентирования (например, нацпроекты «Демография», «Образование», «Семья и дети» и др.);
- выражают максимальную концентрацию государственных усилий для решения конкретной задачи;
- обеспечивают вовлеченность органов исполнительной власти для ускорения принятия управленческих решений.

Одним из основных векторов развития современного российского государства можно обозначить его заинтересованность в обеспечении эффективного взаимодействия органов власти и общества с учетом вызовов цифровой трансформации, интеграции технологий искусственного интеллекта и цифровой экономики [19, р. 760]. Между тем новая концепция построения единой системы публичной власти (с особым вниманием к органам местного самоуправления) требует проработки особого механизма, позволяющего муниципалитетам участвовать в реализуемых государственных проектах наравне с иными *игроками*.

Современная государственная политика цифровизации публичного управления, выраженная в документах стратегического планирования, не избегает формулировки целей и задач для муниципального уровня публичной власти. Национальная программа «Цифровая экономика РФ»⁷ в своей структуре имеет направление «Цифровое государственное управление», предполагающее мероприятия, ориентированные на ускорение цифровой трансформации именно муниципалитетов. Дополнительно приказом Минстроя России утверждена Концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город», среди целей которого имеется «стимуляция изменений любой экосистемы жизнедеятельности человека, прежде всего на уровне российских муниципальных образований»⁸.

Но несмотря на использование в названии проектов муниципально-правовых терминов, эффективная реализация запланированных мероприятий на уровне местного самоуправления ставится под обоснованное сомнение. Как отмечает А. И. Соколова, «Государственный сектор, генерируя более 80 % всех доходов российского рынка IT, играет ведущую роль в политическом определении выгодных территорий для его реализации» [20, с. 756]. Кроме того, автор замечает, что «в РФ невозможно воплотить проект "Умный город" на территории ни одного муниципального образования без государственного решения и финансового участия, в первую очередь, в силу дотационности местных бюджетов, которых не хватит на полноценный "технический рывок", привлечение IT-специалистов» [20, с. 756]. Иными словами, практическая реализация Концепции «Умный город» зависит от политической государственной воли и финансового государственного обеспечения как минимум на стартовом этапе [21; 22]. С этим сложно не согласиться.

⁵ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Там же.

⁷ Национальная программа «Цифровая экономика РФ». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 03.03.2024).

⁸ Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город». Приказ Минстроя России № 866/пр от 25.12.2020. СПС КонсультантПлюс.

Анализ документов стратегического планирования, в том числе и в вопросах цифровизации, позволяет указать на то, что вопросы развития муниципалитета требуют особого рассмотрения. Поэтому считаем возможным предложить разработку отдельного акта, носящего стратегированный характер и направленный на систематизацию и продвижение цифровизации органов местного самоуправления. Беря во внимание опыт реализации программы «Умный город», считаем обоснованным предложить разработку подобной концепции с детальной дифференцированной проработкой критериев трансформационных процессов, в частности, с избирательным использованием адаптированного зарубежного опыта.

Проанализировав концепцию цифровой трансформации местного самоуправления, полагаем, что на уровне государственных документов стратегического планирования и государственного целеполагания стоит закрепить следующие генеральные направления развития местного самоуправления:

– *Цифровизация и внедрение информационных технологий в процессы управления жизнедеятельностью населения муниципального образования.* Рассуждая о новой интерпретации принципов местного самоуправления, М. П. Ряшин и В. В. Таболин обоснованно отмечают, что «механизмы информатизации процессов принятия решений и управления экономикой, системой коммунального хозяйства на муниципальном уровне позволяют объективировать, обеспечить надежность и безопасность их функционирования» [23, с. 46]. Несмотря на то что на конституционном и законодательном уровне не закрепляется принцип безопасности жизнедеятельности населения муниципального образования, представляется логичным включить его в концепцию цифровой трансформации. При этом можно согласиться с мнением Л. Л. Грищенко, что под надежностью жизнеобеспечения следует понимать способность населенного пункта выполнять свое предназначение в повседневных условиях, при возникновении угроз и опасностей природного, техногенного и военного характера [24, с. 11].

– *Цифровизация отечественного агропромышленного комплекса.* Актуальность такого направления обусловлена слабой проработкой системы цифрового сельского хозяйства в нашей стране. Хотя в ряде стран документирование в стратегических актах этапов внедрения цифрового компонента в современное сельское хозяйство используется давно. Более того, цифровая трансформация признается на высшем конституционном уровне. Например, в п. 1 ст. 40 Конституции

Индии закреплено: «Государство организует сельские Панчаяты и наделяет их такими полномочиями и властью, которые необходимы для их функционирования в качестве самоуправляющихся единиц с учетом технологического прорыва и одновременному возвращению к традиционным основам индийской цивилизации»⁹. Часть IX Закона о Панчаяты предусматривает следующую обязательность для муниципалитета: подключение сельских районов к сетям высокоскоростного Интернета, развитие безопасной и стабильной цифровой инфраструктуры, предоставление государственных услуг в цифровом виде и всеобщая цифровая грамотность¹⁰. Стоит обратить внимание на то, что цифровизация государственного управления в Индии сформирована с приоритетным развитием сельских территорий [25, с. 177]. На наш взгляд, указанный опыт свидетельствует о логичности и обоснованности наших предложений.

В этой связи считаем целесообразным подготовку специального программного акта стратегического планирования, направленного на цифровизацию экономики и управления, в котором будут закреплены обоснованные этапы внедрения платформы цифрового муниципального управления сельским хозяйством.

– *Нивелирование цифрового неравенства.* В настоящее время стоит признать наличие цифрового неравенства, наиболее выраженного на уровне отдаленных и малочисленных сельских поселений. Так, согласно данным Росстата, доступа к Интернету нет у 28,6 % российских домохозяйств, причинами которого служат: низкий уровень жизни населения и отсутствие должных знаний в вопросах государственной поддержки в этой области. Кроме того, 38,3 % семей в России живут без какой-либо персональной электронно-вычислительной машины. Мобильного телефона нет у 1,4 % домохозяйств¹¹. Цифровое неравенство свойственно и для работы самих органов местного самоуправления, которые сталкиваются с такими вопросами, как нехватка высококвалифицированного персонала ввиду отсутствия привлекательности отдаленных местностей для молодых граждан; сложность прокладки сетей для проведения устойчивого интернет-соединения в сложно доступных местностях; нехватка финансирования для обновления парка техники органов местного самоуправления из-за финансового неравенства *город – село*; первостепенная интеграция программ государственного управления для современных органов и образований без ориентации на отстающие органы местного уровня.

⁹ Конституция Индии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).

¹⁰ Закон о Панчаяты. URL: <https://studfile.net/preview/1667810/page:13> (дата обращения: 08.03.2024).

¹¹ Росстат: почти треть домохозяйств не имеет доступа к Интернету. *Коммерсантъ*. 15.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900915> (дата обращения: 08.03.2024).

– Ликвидация неравенства финансового обеспечения мелких муниципальных образований в целях развития цифрового потенциала. По мнению И. В. Рукавишниковой, финансовыми ресурсами, необходимыми для полномасштабной реализации стратегии цифрового муниципалитета, обладают только крупные города. Большинство муниципальных образований являются дотационными и не имеют возможности направить свободные средства на развитие обозначенной сферы¹². Мнению, представленному выше, сложно противоречить. Так, по данным результатов мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2022 г., подготовленных Министерством финансов РФ, подавляющее большинство (93,6 %) муниципальных образований выступают получателями дотаций¹⁵.

Стоит отметить, что важность цифровизации местного самоуправления подчеркнута Президентом в послании Федеральному Собранию 2021 г., в котором весьма четко обозначены и время, с которого начинается массовая цифровизация государственных процессов, и масштаб ее интеграции в привычную систему взаимодействия государства с гражданами на местном уровне: «Уже через три года абсолютное большинство государственных и муниципальных услуг должно предоставляться гражданам России дистанционно в режиме 24 часа в сутки семь дней в неделю, т.е. на постоянной основе»¹⁴. Получается, что эта амбициозная задача должна быть выполнена в текущем 2024 г.

Заключение

Перечисленные генеральные направления развития местного самоуправления представляется логичным детализировать в самостоятельном правовом акте, который может называться «Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления». Она бы не только закрепила основные идеи и взгляды на данный процесс, отразила сформулированные критерии такой цифровой трансформации, но и зафиксировала алгоритм их достижения. Основными блоками концепции могут стать:

- повышение на основе внедрения цифровых технологий конкурентоспособности муниципалитетов для постоянного проживания граждан на уровне (или выше) городов (с учетом благоприятного экологического состояния);

- формирование эффективной системы управления муниципалитетом;
- создание уникальных цифровых платформ участия граждан в управлении муниципалитетами с учетом вопросов малочисленных незаселенных пунктов;
- формирование конкурентоспособного отечественного агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения;
- нивелирование цифрового неравенства как граждан, так и органов местного самоуправления;
- развитие транспортной доступности муниципалитетов с использованием цифровых платформ;
- развитие уникальной культурной и исторической самобытности муниципалитетов с использованием современных цифровых технологий.

Считаем, что предложенные направления Концепции развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации и управления подвижны и могут претерпевать изменения в рамках научных дискуссий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01252 «Трансформация института местного самоуправления в Российской Федерации в условиях развития современных цифровых технологий: правовые аспекты». <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01252: Transformation of the Institution of local government in the Russian Federation in the context of the development of modern digital technologies: legal aspects, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>

¹² Цифровизация местного самоуправления. Совет муниципальных образований Краснодарского края. URL: <https://www.smokk.ru/about/smokk-news/4415.html> (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁵ Мониторинг исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2022 г. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetrov.pdf (дата обращения: 08.03.2024).

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021. СПС КонсультантПлюс.

Литература / References

1. Добротворский П. П. Новейшие теории и модели взаимодействия права и социально-экономического развития в западной юриспруденции. *Устойчивый экономический рост и право*, ред. В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто. М.: Юриспруденция, 2021. С. 246–255. [Dobrotvorsky P. P. The latest theories and models of interaction between rights and socio-economic development in Western law. *Sustainable economic growth and law*, eds. Zhuikov V. M., Gutnikov O. V., Sinitsyn S. A., Shelutto M. L. Moscow: Jurisprudentsiia, 2021, 246–255. (In Russ.)]
2. Липчанская М. А. Государственное стратегическое планирование как элемент современного российского конституционализма. *Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина*, ред. В. В. Комарова. М.: Проспект, 2023. С. 302–315. [Lipchanskaya M. A. State strategic planning as an element of modern Russian constitutionalism. *Modern Russian constitutionalism: anniversary of 85th birthday of Academician O. E. Kutafin*, ed. Komarova V. V. Moscow: Prospekt, 2023, 302–315. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfdqjl>
3. Кузьмин В. Н. Предложения по совершенствованию нормативного обеспечения стратегического планирования. *Вестник Всероссийского научно-исследовательского института механизации животноводства*. 2017. № 2. С. 80–84. [Kuzmin V. N. Proposals for improving the regulatory support of strategic planning. *Vestnik Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta mekhanizatsii zhivotnovodstva*, 2017, (2): 80–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytntkwl>
4. Марченко В. В. Отраслевые приоритеты государственной образовательной политики в документах стратегического планирования и нормативных актах РФ. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2022. № 1. С. 13–25. [Marchenko V. V. Branch priorities of the state educational policy in strategic planning documents and regulations of the Russian Federation. *POISK: Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*, 2022, (1): 13–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxqbyf>
5. Игнатьева И. А. Документы стратегического планирования и вопросы определения их места в регулировании экологических отношений. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2021. № 3. С. 3–26. [Ignateva I. A. Strategic planning documents and the issues of determining their place in regulation of environmental relations. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2021, (3): 3–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/febuey>
6. Говорукина Ю. В. Стратегия как правовой акт: дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2021. 226 с. [Govorukhina Yu. V. *Strategy as a legal act*. Cand. Law Sci. Diss. Novgorod, 2021. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/abalkm>
7. Аверьянова Н. Н. Сущность и назначение документов государственного стратегического планирования в современной России. *Законодательство*. 2012. № 7. С. 62–67. [Averyanova N. N. Documents of governmental strategic planning in modern Russia: Essence and purposes. *Legislation*, 2012, (7): 62–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sznqvv>
8. Емельянов А. С. Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования. *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 8. С. 61–75. [Emelyanov A. S. Monitoring and control in the strategic planning mechanism. *Journal of Russian Law*, 2021, 25(8): 61–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.099>
9. Кокотов А. Н. Конституция России и идеология. *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 12. С. 11–23. [Kokotov A. N. The constitution of Russia and ideology. *Actual problems of Russian law*, 2023, 18(12): 11–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023>
10. Мартышин О. В. Конституция и идеология. *Государство и право*. 2013. № 12. С. 34–44. [Martyshin O. V. The constitution and ideology. *State and law*, 2013, (12): 34–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrrbhf>
11. Горохова С. С. Национальные проекты Российской Федерации как инструмент достижения стратегических целей и задач государства. *Российская юстиция*. 2020. № 6. С. 41–44. [Gorokhova S. S. National projects of the Russian Federation as a tool for achieving strategic goals and objectives of the state. *Russian justice*, 2020, (6): 41–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsjcdh>
12. Тихалева Е. Ю. Краудфандинг как способ активизации участия граждан в решении вопросов местного значения. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2020. № 4. С. 14–17. [Tikhaleva E. Yu. Crowdfunding as a means of enhancing the involvement of citizens in solution of local issues. *Municipal Service: legal issues*, 2020, (4): 14–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfstgu>
13. Маланыч Н. И. Государственная стратегия как конституционно-правовой институт. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2007. № 1. С. 23–32. [Malanych N. I. State strategy as a constitutional and legal institution. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2007, (1): 23–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khrimp>

14. Гуменюк И. С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2016. № 1. С. 37–44. [Gumenyuk I. S. On the relation between spatial, concepts, strategic and territorial planning in the Russian Federation in the context of the development of the Kaliningrad / Vistula lagoon region. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, 2016, (1): 37–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxxyiv>
15. Хабриева Т. Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций. *Государственная служба*. 2019. Т. 21. № 1. С. 17–25. [Khabrieva T. Y. Constitutional development in the context of modern challenges and global social transformations. *Scientific political Journal*, 2019, 21(1): 17–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-17-25>
16. Киреев В. В., Майоров В. И. Стратегия конституционного развития современной России (ценности, цели, риски). *Lex Russica*. 2017. № 6. С. 68–74. [Kireev V. V., Mayorov V. I. A strategy for constitutional development of modern Russia (values, goals, risks). *Lex Russica*, 2017, (6): 68–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.068-074>
17. Григорьева В. А. Стратегическое экономическое планирование государства: конституционно-правовой аспект. *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 8. С. 958–966. [Grigorieva V. A. Strategic economic planning of the state: Constitutional and legal aspect. *Actual problems of Russian law*, 2013, (8): 958–966. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qznbzt>
18. Оболенская Л. В., Морева Е. Л. Проблема согласованности целей в документах стратегического планирования на примере машиностроительного комплекса. *Безопасность бизнеса*. 2021. № 4. С. 3–8. [Obolenskaya L. V., Moreva E. L. The problem of coordination of objectives in documents of strategic planning on the example of the machine-building complex. *Business Security*, 2021, (4): 3–8. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2021-4-3-8>
19. Amelin R. V., Channov S. E., Churikova A. Yu., Lipchanskaya M. A., Shindina A. V., Sinitsa A. I. The digital transformation of local government: Notion and peculiarities. *Revista Juridica – UNICURITIBA*, 2023, 2(74): 751–766.
20. Соколова А. И. Концепция «Умный город»: правовые и урбанонологические вопросы. *Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория*, ред. В. В. Таболина. М.: Юстицинформ, 2021. С. 747–778. [Sokolova A. I. Smart city concept: Legal and urban issues. *Legal urbanology. Urbanological theory*, ed. Tabolina V. V. Moscow: Iustitsinform, 2021, 747–778. (In Russ.)]
21. Евплова К. А., Головкин Р. Б. Smart-технологии и муниципальный бюджет – курс на оптимизацию расходов. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2023. № 3. С. 16–19. [Evplova K. A., Golovkin R. B. Smart technologies and municipal budget: The focus on cost optimization. *Municipal Service: legal issues*, 2023, (3): 16–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2023-3-16-19>
22. Фролова Е. А., Щербань Е. Г. Цифровая экономика: муниципальный аспект. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2019. № 1. С. 17–21. [Frolova E. A., Scherban E. G. Digital economy: municipal aspect. *Vestnik Saratov State Socio-Economic University*, 2019, (1): 17–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaxzzr>
23. Ряшин М. П., Таболин В. В. Общие принципы местного самоуправления: новые взгляды и подходы. *Конституционное и муниципальное право*. 2023. № 4. С. 46–49. [Ryashin M. P., Tabolin V. V. General principles of local self-government: New views and approaches. *Constitutional and municipal law*, 2023, (4): 46–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-4-46-49>
24. Грищенко Л. Л. Надежность системы жизнеобеспечения города. *Градостроительное право*. 2023. № 1. С. 10–12. [Grischenko L. L. Reliability of the urban subsistence system. *Town-planning law*, 2023, (1): 10–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2500-0292-2023-1-10-12>
25. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Правовое регулирование цифровой трансформации органов местного самоуправления в Российской Федерации и странах Азии: сравнительное исследование. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2023. № 3. С. 174–189. [Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Legal regulation of the digital transformation of local government in the Russian Federation and Asian countries: A comparative study. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2023, (3): 174–189. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-13>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cpuehm>

Правовая природа публичной власти: доктрина и закон

Филиппова Наталья Алексеевна

Сургутский государственный университет, Россия, Сургут

<https://orcid.org/0000-0002-1643-8117>filippova_na@surgu.ru

Аннотация: Конституционная реформа, состоявшаяся в 2020 г., актуализировала задачу доктринального и легального описания публичной власти. Конкуренция различных, даже взаимоисключающих толкований ее правовой природы требует расширить методологические основания для построения теоретической модели публичной власти. Цель – установить специфику юридического понимания публичной власти через выявление различий в предметах исследования философии, теории управления, политологии и социологии, с одной стороны, и науки конституционного права – с другой. Опираясь на гипотезу о циклическом развитии конституционного права как отрасли права и как науки, автор реконструирует представления о публичной власти в российской доктрине конституционного права на рубеже XIX–XX вв., доказывает их системный и логически заверченный характер, обусловленный пониманием публичной власти как особого субъективного права, реализуемого территориальным коллективом. Была доказана преемственность в развитии концепций публичной власти в национальной науке конституционного права, в частности, через сопоставление с коллективистской теорией публичной власти В. Е. Чиркина. Сделан вывод о недооценке значения публичного представительства для понимания правовой природы публичной власти. Этот дефект понимания свойственен и новейшим теоретическим моделям публичной власти, которые формируются в связи с осмыслением содержания конституционной реформы, что находит отражение в некоторых положениях новейших федеральных законов.

Ключевые слова: публичная власть, формы публичной власти, организация публичной власти, территориальный коллектив, народовластие, публичное представительство

Цитирование: Филиппова Н. А. Правовая природа публичной власти: доктрина и закон. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 167–176. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-167-176>

Поступила в редакцию 26.03.2024. Принята после рецензирования 17.04.2024. Принята в печать 22.04.2024.

full article

Legal Nature of Public Authority: Doctrine and Law

Natalya A. Filippova

Surgut State University, Russia, Surgut

<https://orcid.org/0000-0002-1643-8117>filippova_na@surgu.ru

Abstract: The constitutional reform of 2020 made it relevant to develop a doctrinal and legal description of public power. The existing interpretations of its legal nature are often different, even mutually exclusive. This situation makes it necessary to expand the methodological foundations behind the theoretical model of public power. The author identified public power based on the differences in philosophy, management theory, political science, and sociology, on the one hand, and constitutional studies, on the other. The hypothesis of the cyclical development of constitutional law, both as a branch of law and as a science, made it possible to reconstruct the ideas of public power in the Russian doctrine of constitutional law at the turn of the XIX–XX centuries. These ideas proved systematic and logically complete because they interpreted public power as a special subjective right implemented by the community. The concepts of public power in the national constitutional studies demonstrated continuity, especially against V. E. Chirkin's collectivist theory of public power. However, the importance of public understanding of the legal nature of public power remains underestimated. This flaw is also typical of the latest theoretical models of public power, which were affected by the constitutional reform of 2020, as demonstrated by some recent federal laws.

Keywords: public power, forms of public power, organization of public power, community, democracy, public representation

Citation: Filippova N. A. Legal Nature of Public Authority: Doctrine and Law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2024, 8(2): 167–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-167-176>

Received 26 Mar 2024. Accepted after review 17 Apr 2024. Accepted for publication 22 Apr 2024.

Введение

Конституционная реформа 2020 г. в Российской Федерации (РФ) стала фактором возросшего интереса к феномену публичной власти. Национальное конституционное право, как и все публично-правовые науки в целом, уделяют ему все больше внимания, что хорошо заметно по числу публикаций, вовлекающих научное и экспертное сообщество в обсуждение этого явления. Так, в журналах ядра РИНЦ в 2002–2016 гг. ежегодно публиковалось в среднем по 2 статьи с ключевым словом *публичная власть*. А в 2021 и 2023 г. было опубликовано по 15 таких статей. Из 44 научных статей этой группы, опубликованных в 2020–2023 гг., 27 содержат в перечне ключевых слов упоминание об изменении Конституции РФ в 2020 г. При этом приоритетным направлением исследования стали вопросы *системы* публичной власти, включая порядок взаимоотношения ее уровней и органов, порядок осуществления общественного контроля, отдельные качественные (интегративные) характеристики (такие как форма правления, суверенитет, субсидиарность, открытость, транспарентность и др.).

Как верно отмечено российскими конституционалистами А. Н. Мещеряковым и А. В. Безруковым, «начиная с 1997 г. в практике Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) и с 1999 г. в науке конституционного права последовательно развивались идеи публичной власти и формировалась ее современная концепция» [1, с. 129]. Вместе с тем вопросы о правовой природе публичной власти, о конституционных критериях публичности в целом оказались периферийными. *Публичность* органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных элементов системы публичной власти рассматривается как предзаданная, очевидная и не требующая доказательств характеристика. Но эта очевидность обманчива: юридический смысл публичности заметно меняется в зависимости от контекста использования этого термина как в доктрине, так и в тексте закона.

КС РФ обращался к понятию публичной власти в тех случаях, когда считал необходимым подчеркнуть принципиальное сходство государственной власти и местного самоуправления и обусловленную этим необходимость единообразного подхода к правовому регулированию их организации. Его позиции сформировали доминирующий в отечественной науке подход,

согласно которому публичность власти ассоциируется с общностью конституционных целей, задач и функциональным единством уровней и органов государственной власти и местного самоуправления. Этот подход и нашел отражение в новых формулировках п. «г» ст. 71 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ. Но за пределами этого контекста все более остро звучит вопрос о границах применения термина *публичный* к оценке властотношений и связанных с ними правовых явлений.

Во-первых, предметом дискуссий стал вопрос о включении в единую систему публичной власти еще и общественной власти [2, с. 9–10].

Во-вторых, обоснованные сомнения вызвало использование термина *публичный* применительно к органам власти федеральной территории «Сириус»¹. По мнению Л. В. Андриченко, «органы публичной власти федеральной территории осуществляют отдельные полномочия органов государственной власти РФ, ее субъектов, органов местного самоуправления, но разве этот факт может привести к формированию нового вида органов власти, не обозначенных в Конституции РФ?» [3, с. 54]. В самом деле, в этом случае речь идет уже не о функциональном единстве органов государственной власти и органов местного самоуправления, а об отдельной организационной структуре, которую федеральный закон наделил признаками и тех, и других. Той же логике понимания публичного подчинено наименование ст. 20 «Высшее должностное лицо субъекта РФ как орган публичной власти» Федерального закона № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ»²: эта должность является и федеральной государственной должностью, и государственной должностью субъекта РФ.

В-третьих, само понятие публичной власти шире понятия системы ее органов, на что также обращают внимание конституционалисты [4, с. 60].

Наконец, термин *публичный* в доктрине, нормативных правовых актах и практике правоприменения используется для характеристики территориальных образований и сообществ [5], юридических лиц [6], управления [7].

Важно отметить, что во всех этих случаях исследуются явления, связанные либо с формированием, либо с осуществлением власти государством, субъектом

¹ О федеральной территории «Сириус». ФЗ № 437-ФЗ от 22.12.2020. СПС КонсультантПлюс.

² Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021. СПС КонсультантПлюс.

федерации или муниципальным образованием. Да и с логикой конституционного текста после внесения изменений не все безупречно: «надлежащий вид и правильную форму указанная новелла приобрела бы в случае первоначального установления норм о публичной власти в гл. 1 Конституции РФ» [8, с. 24].

Таким образом, конституционализация термина в 2020 г. ознаменовала очередной, но явно не завершающий этап в построении юридической концепции публичной власти в российской науке конституционного права. И главным вопросом, требующим решения, является вопрос о правовой природе (сущностной характеристике) публичной власти.

Методы и материалы

Власть выступает объектом исследования философии, многих социальных и гуманитарных наук, каждая из которых формирует свое предметное поле и соответствующую ему теоретическую модель власти. Существование юридической модели власти, отличающейся от ее модели в иных науках, как будто не требует доказательств. Индикатором особого подхода служат даже терминологические различия: в иных науках описывают иногда социальную, политическую власть, но не публичную. Вместе с тем само это различие подходов в полной мере не установлено, не понято, что и приводит к некритическому переносу конструкций иных наук на понимание публичной власти в юриспруденции. Достаточно ярким примером такого упрощения можно назвать объяснение природы публичной власти в контексте биологических, а не социальных закономерностей. Так, принадлежностью человека к животному миру нередко объясняют естественное присутствие в обществе доминирования одних людей над другими, что и рассматривается как субстанциональная основа власти: «публичная власть свои истоки берет именно из досоциального уровня развития человека, т. е. со стадии животности» [9, с. 25].

Методологической основой нашего подхода служит, во-первых, признание принципиальной невозможности объяснения более сложных явлений путем их редукции до более простых; во-вторых, убеждение в предметной и методологической общности даже рядоположенных наук, что делает невозможным простой перенос социологических или политологических определений власти в юриспруденцию. Но как раз для того чтобы этого не происходило, необходима систематизация неюридических теорий власти. Это позволит установить и общие подходы к пониманию власти (а они, конечно, есть), и принципиальные особенности юридического взгляда на публичную власть.

В отличие от ранее опубликованных работ о правовой природе публичной власти (на которые мы уже ссылались в первой части статьи), гипотеза нашего

исследования заключается в том, что существует корреляция между формированием отрасли конституционного права в системе национального права, с одной стороны, и появлением юридических теорий публичной власти в национальной юридической науке, – с другой. Иначе говоря, эта теоретическая конструкция в большей степени свойственна тем национальным правовым системам, в которых заметно разграничение отраслей частного и публичного права, достаточно глубоко отраслевая дифференциация права в целом, что возлагает на конституционное право функции их интегратора, а наука национального конституционного права прошла определенный путь своего развития. Не случайно всплеск интереса к проблемам публичной власти пришелся в России на начало XX в., период формирования национального конституционного права (выделения его из более широкого по содержанию государственного права). Именно к нему обычно обращаются исследователи, описывающие проблематику публичной власти. А. Н. Мещеряков и А. В. Безруков полагают, что «для отечественной науки государственного права на дореволюционном этапе понятие публичной власти по большому счету не имело сколько-либо существенного значения, поскольку доминировала теория государственной власти» [1, с. 126]. Отчасти разделяя этот вывод, заметим, что развитие науки конституционного права в России имеет не линейный, а циклический характер. И концепция публичной власти, предложенная, в частности, Федором Кокоскиным, имела вполне системный характер, если воспринимать ее с учетом общеевропейского контекста формирования. Другое дело, что как раз по этой причине многие аспекты его теории не воспринимаются современным российским правосознанием.

С учетом обозначенных методологических и теоретических основ работы в качестве материала исследования определены такие современные (сформировавшиеся во второй половине XX в.) неюридические теории власти, которые в наибольшей степени отражают особенности предмета и метода соответствующих наук, а также концепции публичной власти, предложенные российскими конституционалистами в начале прошлого столетия, и наиболее близкие к ним современные теории. В том же ключе рассмотрены положения актуального российского законодательства, отражающего некоторые характеристики публичной власти.

Результаты

Современные неюридические теории власти

Самыми ранними рациональными теориями власти считаются философские теории. Со времен Аристотеля не подвергается сомнению важнейшее свойство власти – ее инклюзивность. Власть является обязательным признаком любого социума. Она охватывает

каждую составную часть сообщества, объединяет в единое целое любое сложное явление. Однако термин *инклюзивность* применительно к власти был предложен относительно недавно, математиком и философом Бертраном Расселом. Он полагал, что «власть может быть определена как производство намеченных результатов» [10, р. 22], т. е. ее основу составляет индивидуальная воля. Последняя проявляется как определенное желание индивида и действие, направленное на достижение желаемого. Поскольку воля иррациональна, стремление к власти также не имеет рациональных оснований – это одна из страстей, свойственных человеческой природе. Инклюзивность власти – характеристика, которая в полной мере присуща и публичной власти. Конституционная реформа 2020 г. в России повлекла многочисленные (более 200) изменения текста Конституции, при том что формально речь шла об одной поправке³. Аргументом, обосновывающим такую возможность, как раз может быть указание на инклюзивность публичной власти. Она делает множество единым.

Теория власти Б. Рассела интересна, но не утилитарна. Противоположными по задачам и методологии являются управленческие теории власти. В теории менеджмента власть – это не воля, а способ влияния одного человека на поведение другого, которое обусловлено зависимостью второго человека от первого. Представители управленческого подхода резонно замечают, что наряду с властью руководителя имеется и власть подчиненного. Продолжая идею типологизации власти, они определяют виды власти в соответствии с видами поведенческой зависимости. А именно в конкретной ситуации может иметь место: 1) власть, основанная на принуждении; 2) власть, основанная на вознаграждении; 3) экспертная власть; 4) эталонная власть или власть примера; 5) законная власть (легальная) [11]. В более поздних теориях менеджмента речь идет об информационной власти (зависимости от информации как ресурса). Управленческие теории власти, наряду с психологическими, принято относить к группе поведенческих теорий. Власть рассматривается здесь как мотив, предопределяющий поведенческие реакции человека.

Методологически близки к управленческим политологические теории власти. Их существует не один десяток, но достаточно обозначить наиболее известные. Роберт Даль предложил такое определение власти: А обладает властью над В в той мере, в какой он может заставить В делать то, что предоставленный самому себе В не стал бы делать [12, р. 202]. Как видим, и в теории менеджмента, и в теории власти Р. Даля подчеркивается не интегрирующая,

а трансформирующая (принуждающая) функция власти. Главный вопрос политологии – технология политической (в том числе государственной) власти. Уникальное по лаконичности определение политической власти, в котором раскрывается ее технология, было сформулировано канадско-американским политологом Дэвидом Истоном, одним из основоположников современной теории политических систем. Для Д. Истона сущность власти заключается в авторитарном распределении ценностей в условиях их дефицита [13]. Тот, кто имеет исключительную возможность распределять востребованный ресурс, и властвует. Политологические теории власти созвучны с концепцией постиндустриального общества. Периодизация обществ, предложенная Дэниэлом Беллом, основана на критерии дефицитного ресурса. В традиционном обществе таким ресурсом была земля, соответственно, властвующей группой выступали собственники земли; в индустриальном обществе – капитал, и власть была у собственников капитала. В постиндустриальном обществе главным ресурсом стали знания (информация), поэтому ныне господствует класс, производящий знания и технологии [14]. Политологические теории власти преодолевают ограничения поведенческих теорий, они исследуют множество взаимосвязанных поведенческих траекторий как систему социальных ролей. Но в наибольшей степени системность характерна для социологических теорий власти.

Современные социологические теории описывают обе функции власти – трансформирующую и интегрирующую. С одной стороны, власть – это особый вид асимметричного взаимодействия (властелин и подвластный). Макс Вебер писал, что власть означает любую закрепленную социальными отношениями возможность настаивать на своем даже при наличии сопротивления [15, р. 38]. С другой – это способ (механизм) системной интеграции. По мнению Толкотта Парсонса, власть «является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [16, с. 241]. Еще более последовательно эту мысль выразила Ханна Арендт: «Власть означает способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми. Власть не является собственностью одного индивида, она принадлежит группе до тех пор, пока эта группа действует согласованно» [17, с. 132].

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.05.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

Итак, в социологических теориях власть – атрибут социальных систем, фактор интеграции социальной группы и ее проявления вовне как единого субъекта социального действия. Коллективность власти, ее принудительный и вместе с тем интегрирующий характер – те фундаментальные идеи, которые были освоены конституционалистами в целях построения теории публичной власти. Однако в юридических теориях есть такое содержание, которое ускользает от социологических интерпретаций власти.

Теории публичной власти в российской юриспруденции начала XX в.

Проблема власти стала широко обсуждаться в науке европейского (в том числе российского) конституционного права только на рубеже XIX–XX вв. Две наиболее интересные национальные школы (немецкая и российская) к тому же оказались очень близки по своим основным выводам. Стоит напомнить, что этот же исторический период является временем расцвета классической социологии, главным интересом которой было теоретическое описание общества в целом. Эмиль Дюркгейм развил идеи социальных норм и институтов [18]; Питирим Сорокин – социальной стратификации и социальной мобильности [19]. Совокупность этих методологических идей стала фундаментом юридических теорий власти.

Подчеркивая отличие социологического и юридического подхода к обществу, Георг Еллинек предложил взаимосвязанное описание таких категорий права, как *народ*, *государство*, *государственная власть*, *публичное представительство*. С юридической (а не социологической) точки зрения государство – субъект права, участник правоотношений. Это «союзное единство оседлых людей» [20, с. 130], т. е. такое сообщество, которое в пределах ограниченной территории способно выступать как один субъект права. Как раз новое качество интеграции, которая обеспечена властью, позволяет рассуждать о государстве следующим образом: «Интенсивность союза различна в зависимости от силы и значения создающих его целей. Она минимальна в частных союзах, увеличивается в публичных и достигает величайшего напряжения в государстве» [20, с. 130]. Воля государства в определенных правом пределах подчиняет себе и волю граждан, и волю их объединений. Главная же идея Г. Еллинека заключалась в том, что трансформация множества частных интересов в единый публичный интерес, транслируемый далее государством в качестве своей воли, возможна исключительно в системе публичного представительства, где обязательным элементом оказывается гражданское участие (выборы) [21].

В России начала прошлого столетия идеи Г. Еллинека оказали влияние на многих юристов, но наибольший

интерес вызывает работа Ф. Ф. Кокошкина, поскольку природа публичной власти исследовалась им специально [22]. Основные выводы Ф. Ф. Кокошкина таковы: 1) власть – это взаимоотношение воли: господствующей и подчиняющейся господству; 2) в силу этого с правовой точки зрения власть следует понимать как особое *субъективное право* (субъективное право, отмечает Ф. Ф. Кокошкин, это «установление господства одной воли над другой для обеспечения осуществляемого первой волей интереса») [22, с. 161]; 3) у субъективного права, которое юридическая наука называет властью, есть особенность, отличающая его от множества иных субъективных прав (в силу чего далеко не всякое субъективное право можно считать властью): содержание соответствующей такому праву обязанности зависит от усмотрения властвующего. Властвующий субъект всегда обладает усмотрением в установлении границ своего права. Во всех иных случаях и содержание права, и содержание обязанности изначально и однозначно определены правом и не зависят от усмотрения участников правоотношений. Итак, власть есть «специальный вид субъективного права, отличающийся от других видов его тем, что действия, которые составляют предмет обязанности, не определены заранее нормой права, а определяются в известных пределах волей субъекта права» [22, с. 162]; 4) публичная власть – всегда территориальная (термин Ф. Ф. Кокошкина), т. е. обязывающая (принуждающая) к повиновению всех, находящихся на определенной территории. В этом контексте выражение *принудительная власть* не является тавтологией: можно избежать власти работодателя, разорвав трудовой контракт, но избежать территориальной власти нельзя. Она принуждает уже в силу нахождения лица на этой территории.

Таким образом, для Ф. Ф. Кокошкина публичная власть – это субъективное право территориальной корпорации (французская доктрина использовала термин *территориальный коллектив*), которое предполагает *волеустановленность* (свободу усмотрения) в содержании обязанностей, налагаемых на неопределенный круг лиц в пределах территории этой корпорации. Признаки такой корпорации (коллектива) к тому моменту уже были описаны французом Леоном Дюги; в их ряду находится ключевой (и не вызывающий споров) признак – наличие органа публичного представительства [23, с. 166]. Применение этой модели публичной власти к требующему реформы российскому государству подтолкнуло российского конституционалиста к идее автономных областей, к пониманию того, что государственная власть – не единственная публичная власть в государстве. Впрочем, проблемы публичного представительства не были в фокусе научных интересов Ф. Ф. Кокошкина в отличие от значительной части конституционалистов того периода

в России⁴. Возможную деградацию государственной власти вследствие дефектов публичного представительства убедительно описал его современник, правовед М. А. Рейснер: «При таком положении дел партии были бы излишни, и без их посредства создавалась бы "воля нации". Она была бы результатом временных соглашений отдельных депутатов как приказчиков, пославших их хозяев, определялась бы случайной коалицией тех или других экономических интересов. Государство превратилось бы в торговый базар, а парламент – в биржу. Единственным рычагом парламентских операций стали бы выгода и расчет. Путем гражданских сделок являлись бы соглашения о "народном благе" со стороны "хозяев" государства, и в общем разграблении народного достоинства получили бы львиную долю и депутаты в качестве представителей» [24, с. 153].

Итак, для российской конституционной доктрины начала XX в. атрибутивным условием публичности власти стала ее обусловленность волей, формируемой представительным органом общины, области, государства. Определение сути публичного как представительного характеризует специфику конституционно-правового, а не социологического понимания власти. Закономерно, что наука советского государственного права, отражавшая реалии огосударственного конституционного права и апеллирующая к ценностям демократии, а не республики (народовластие, а не народное представительство), практически утратила интерес к проблемам публичной власти.

Наиболее близкой к традициям дореволюционного отечественного конституционного права является коллективистская теория публичной власти В. Е. Чиркина [25; 26]. Для нее характерны: признание интегрирующей функции власти; разграничение свойств частной, общественной и публичной власти; констатация территориальной природы публичной власти; систематизация свойств публичной власти. В дополнение к этому В. Е. Чиркиным были разработаны основы концепции общественной власти. Для оценки перспектив развития теории публичной власти важны два отличия концепции В. Е. Чиркина от представлений дореволюционного российского конституционализма.

Во-первых, это указание на четыре, а не на три уровня публичной власти. Новым уровнем стала публичная власть международного сообщества. И это так, поскольку сформированы надгосударственные представительные органы (например, Европейский парламент, Парламентская Ассамблея государств-участников СНГ). Столетием ранее предельным уровнем публичного представительства был национальный (даже с учетом конфедеративных союзов,

т. к. парламенты конфедератов обладали правом нуллификации). Соответственно, и публичная власть была ограничена этим уровнем.

Во-вторых, это некоторая недооценка В. Е. Чиркиным принципиального значения представительства для констатации публичности власти. Это проявилось в терминологии: там, где дореволюционное конституционное право ограничивалось термином *территориальная корпорация* (или *территориальный коллектив*), ученый настаивал на термине *территориальный публичный коллектив*, т. к. допускал существование территориальных непубличных коллективов. В более поздних работах он также использовал термины *публично-правовое сообщество*, *территориальный публично-правовой коллектив* [27, с. 15]. В науке, однако, закрепился термин *территориальный публичный коллектив* [28]. Для дореволюционного конституционного права такое усложнение было излишним. Сообщество, не имевшее органов публичного представительства, оставалось сообществом и предметом исследования социологии. Сообщество, формирующее такие органы, становилось территориальной корпорацией и юридическим лицом публичного права, и в таком качестве – предметом исследования конституционного права. Конституционализация публичных прав общин и региональных территориальных коллективов трактовалась дореволюционной конституционной доктриной по аналогии с конституционализацией субъективных публичных прав человека и гражданина: эти права признавались, но не даровались конституциями. Придерживаясь иного (этикетского) подхода, В. Е. Чиркин полагал, что конституционализация является не следствием, а причиной преобразования сообществ в территориальные публичные коллективы. Они, в свою очередь, являются основой для публично-территориальных образований [29, с. 8]. А потому для него был важен не факт формирования органов публичного представительства, а включение сообщества в единую систему публичного управления на основании положений национальной конституции и законодательства: «Полагаем, что словосочетание *публичная власть* может быть наиболее общим термином для власти во всех территориальных подразделениях, которые самостоятельно формируют свои органы для публичного управления территориальными сообществами, включая государственно организованное общество» [30, с. 12]. В результате приобретение признаков публичности было представлено как процесс перехода от сообществ к территориальным публичным коллективам, а от них – к публично-территориальным образованиям. Столетием ранее в конституционной доктрине не было понятия *публично-территориальное*

⁴ Феномен представительства в публичном праве в начале XX в. исследовали П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, М. А. Рейснер, В. М. Устинов, А. С. Яценко.

образование: тот смысл, который в него вкладывается сегодня, например в решениях КС РФ, уже отражался категорией *территориальный коллектив* или *территориальная корпорация*. Это было возможно как раз в силу того, что формирование публичной воли в органе публичного представительства признавалось необходимым и достаточным условием властвования в пределах соответствующей территории.

Основные подходы к пониманию публичной власти в российской юридической науке

Дискуссионность термина *публичная власть* способствует тому, что конституционалисты концентрируются на углубленном исследовании ее отдельных проявлений, не претендуя на исчерпывающую характеристику сущности. В качестве примера такого (обозначим его феноменологическим) подхода можно назвать коллективное учебное пособие «Проблематика организации публичной власти в России» [31]. В научных публикациях вопроса о сущности публичной власти избежать сложнее, и спустя несколько лет после состоявшейся конституционной реформы можно указать несколько подходов к решению этой задачи.

Наиболее распространенным остается подход к категории публичная власть как к предельно абстрактной, обобщающей свойства всех форм ее существования. Вариативность авторских позиций при этом сохраняется. Как уже было отмечено, различным образом решен вопрос о включении в содержание этой категории общественной власти, а также надгосударственной публичной власти. Общим же является признание сущности публичной власти как реализованного народовластия [32–34]. Единый источник публичной власти предопределяет единство ее системы. Структурными элементами системы являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные органы, не отнесенные к трем ветвям власти, взаимодействующие между собой для достижения общих конституционных целей. В полной мере этот подход отразился в юридической дефиниции ст. 2 ФЗ № 394-ФЗ от 08.12.2020 «О Государственном Совете РФ»⁵. Это определение таково: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе

по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства». Но в рамках этого подхода остается не решенным вопрос о правовых критериях разграничения форм публичной власти: почему в одном случае народовластие реализуется в форме государственной власти, а в другом – в форме общественной власти?

Противоположным оказывается понимание публичного в федеральных законах «О федеральной территории "Сириус"» и «Об общих принципах организации органов публичной власти в субъектах РФ» в той мере, в какой они допускают не номинальное (общее понятие), а реальное существование органов публичной власти как такого вида органов, который дополняет виды, названные в федеральном законе «О Государственном Совете РФ». Само по себе наложение публично-властных функций не является чем-то исключительным в организации власти. Достаточно вспомнить о присутственной модели формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ в период 1995–2000 гг., о допустимом совмещении портфеля министра и мандата депутата в парламентских системах, о совмещении функций и полномочий главы государства и главы правительства в президентских системах и т. д. Однако это не приводит к изменению видовой характеристики органа или должности. Доктринальное обоснование этого подхода пока сводится к признанию факта сочетания признаков «государственного органа и органа местного самоуправления» [35, с. 68] в правовом статусе органов публичной власти федеральной территории, что представляется недостаточным.

Более перспективным видится развитие и конкретизация второго из названных подходов в понимании правовой природы публичной власти (публичное как общее), например, через соотнесение понятия публичной власти с понятием публичного интереса [36]. Это позволяет надеяться на ренессанс традиций дореволюционного конституционного права в России и восстановление системного понимания публичной власти как особого субъективного публичного права.

Заключение

Формирование концепции публичной власти в российской науке конституционного права обусловлено историческими особенностями развития отрасли конституционного права. Процесс имеет циклический характер и закономерно возвращает современных конституционалистов к задачам, решавшимся на рубеже XIX–XX вв. В этот период истории российская

⁵ О Государственном Совете РФ. ФЗ № 394-ФЗ от 08.12.2020. СПС КонсультантПлюс

конституционная доктрина предложила теоретическую модель описания правовой природы публичной власти, которая учитывала достижения современных социальных наук, но имела свое, обусловленное предметной обособленностью содержание. Публичная власть трактовалась как особое субъективное публичное право. Обусловленность его содержания волей, формируемой органом публичного представительства, рассматривалась как атрибутивный (сущностный) признак. Современное понимание публичной власти также опирается на выводы социальных наук, главным образом на современные философские и социологические теории власти. Однако сущность публичности раскрывается в самом общем приближении. Конкурируют три подхода: публичность как общность форм и организации, обусловленная единым

источником суверенитета; публичность как слитность полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления; публичность как соотносительность с публичным интересом. Идею дореволюционного российского конституционализма об обусловленности публичности власти публичным представительством еще предстоит понять и критически оценить.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Мещеряков А. Н., Безруков А. В. Формирование концепции единой системы публичной власти в отечественном конституционном праве. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020. № 4. С. 124–130. [Meshcheryakov A. N., Bezrukov A. V. Creation of the concept of a unified system of public power in the national constitutional law. *Vestnik of the Siberian law institute of the MIA of Russia*, 2020, (4): 124–130. (In Russ.)] https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_4_124
2. Безруков А. В. Правовая природа публичной власти в России: взгляд конституционалиста. *Конституционное и муниципальное право*. 2023. № 11. С. 7–11. [Bezrukov A. V. The legal nature of public government in Russia: A view of a constitutional scholar. *Constitutional and municipal law*, 2023, (11): 7–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-11-7-11>
3. Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 3. С. 48–59. [Andrichenko L. V. Evolution of the principles of federalism in Russia in view of the 2020 constitutional reforms. *Journal of Russian Law*, 2022, 26(3): 48–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.028>
4. Авакьян С. А., Авдеев Д. А., Гладун Е. Ф., Гордеева И. В., Киреев В. В., Кожевников О. А., Кокотов А. Н., Раздьяконова Е. В., Саленко А. В., Тепляков Д. О., Филиппова Н. А., Чеботарев Г. Н., Юн Л. В. Гражданин и власть. Тюмень: ТюмГУ, 2023. 172 с. [Avakian S. A., Avdeev D. A., Gladun E. F., Gordeeva I. V., Kireev V. V., Kozhevnikov O. A., Kokotov A. N., Razdyakonova E. V., Salenko A. V., Teplyakov D. O., Filippova N. A., Chebotarev G. N., Yun L. V. *Citizen and Power*. Tyumen: TSU, 2023, 172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umgbni>
5. Савенков А. Н., Чиркин В. Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. *Государство и право*. 2018. № 12. С. 18–29. [Savenkov A. N., Chirkin V. E. Constitutional foundations of social and territorial cohesion and the differentiation of public power. The new reading and 25 years of experience with the implementation of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, 1993. *State and law*, 2018, (12): 18–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013207690002197-8>
6. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2022. 352 с. [Chirkin V. E. *A legal entity of public law*. Moscow: Norma, 2022, 352. (In Russ.)]
7. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10. № 4. С. 626–654. [Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal research). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, 10(4): 626–654. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.402>
8. Старилов Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2020. № 1. С. 20–31. [Starilov Yu. N. Public administration in the united public authority system: The terminological results of constitutional reform. *Proceedings of Bulletin of the Voronezh State University. Law*, 2020, (1): 20–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.1/2744>

9. Упоров И. В., Шеуджен Н. А., Швец А. А. Публичная власть как социальный институт и признак государства: социально-правовая природа и генезис в динамике концептуальных подходов. *Право и практика*. 2021. № 1. С. 24–30. [Uporov I. V., Sheudzhen N. A., Shvets A. A. Public power as a social institute and a sign of the state: Social-legal nature and genesis in the dynamics of conceptual approaches. *The law and practice*, 2021, (1): 24–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-1-24-30>
10. Russell B. *Power: A new social analysis*. L-NY: Routledge, 2004, 288.
11. Джордж Дж. М., Джоунс Г. Р. Организационное поведение. М.: ЮНИТИ, 2003. 464 с. [George J. M., Jones G. R. *Organizational behavior*. Moscow: IuNITY, 2003, 464. (In Russ.)]
12. Dahl R. A. *Democracy and its critics*. New Haven: Yale University Press, 2008, 397.
13. Истон Д. Подход к анализу политических систем. *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2015. № 5. С. 17–37. [Easton D. An approach to the analysis of political system. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political science*, 2015, (5): 17–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wdhfmf>
14. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. NY: Basic books, 1973, 507.
15. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss d. verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr, 1980, 945.
16. Парсонс Т. О понятии «политическая власть». *Политология: хрестоматия*, ред. М. А. Василик. М.: Гардарики, 2000. С. 239–247. [Parsons T. On the concept of "political power". *Political science: Textbook*, ed. Vasilik M. A. Moscow: Gardariki, 2000, 239–247. (In Russ.)]
17. Арендт Х. Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V. *Вопросы философии*. 1998. № 11. С. 131–141. [Arendt H. The human situation. Sections 24–26, Chapter V. *Voprosy Filosofii*, 1998, (11): 131–141. (In Russ.)]
18. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. 4-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 308 с. [Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose*. 4th ed. Moscow: Iurayt, 2019, 308. (In Russ.)]
19. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia: LVS, 2005. 588 с. [Sorokin P. A. *Social mobility*. Moscow: Academia: LVS, 2005, 588. (In Russ.)]
20. Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд, испр. и доп. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1908. 599 с. [Jellinek G. *General doctrine of state*. 2nd ed. St. Petersburg: N. G. Martynov, 1908, 599. (In Russ.)]
21. Филиппова Н. А. Публичное представительство интересов как республиканский принцип: теория гражданского участия в осуществлении государственной власти Г. Еллинека. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2009. № 9. С. 481–500. [Filippova N. A. Public representation of interests as a Republican principle: G. Ellinek's theory of citizenship participation in implementation of state power. *Research yearbook. The Institute of philosophy and law. The Urals division of the Russian Academy of Sciences*, 2009, (9): 481–500. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtweed>
22. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало, 2004. 260 с. [Kokoshkin F. F. *Lectures on general state law*. Moscow: Zertsalo, 2004, 260. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwdwmt>
23. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: И. Д. Сытин, 1908. 957 с. [Duguit L. *Constitutional law. General theory of the state*. Moscow: I. D. Sytin, 1908, 957. (In Russ.)]
24. Рейснер М. А. Основные черты представительства. *Конституционное государство*, ред. И. В. Гессен, А. М. Каминка. СПб.: Обществ. польза, 1905. С. 121–178. [Reisner M. A. The main features of the representation. *A constitutional state*, eds. Gessen I. V., Kamenka A. M. St. Petersburg: Obshchestv. polza, 1905, 121–178. (In Russ.)]
25. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. 174 с. [Chirkin V. E. *Public power*. Moscow: Iurist, 2005, 175. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwdtoz>
26. Чиркин В. Е. Современная концепция публичной власти. *Российское государствоведение*. 2015. № 2. С. 16–19. [Chirkin V. E. The modern concept of public power. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie*, 2015, (2): 16–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vedqol>
27. Чиркин В. Е. Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники. *Государство и право*. 2017. № 5. С. 11–20. [Chirkin V. E. Varieties of public power and its social and legal sources. *State and law*, 2017, (5): 11–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrnna>
28. Чихладзе Л. Т., Ларичев А. А. Местное самоуправление в России на распутье: динамика конституционной доктрины и правового регулирования. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право*. 2020. Т. 11. № 2. С. 273–292. [Chikhladze L. T., Larichev A. A. Local government in Russia at a crossroad: The dynamics of constitutional doctrine and legal regulation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, 11(2): 273–292. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.202>
29. Чиркин В. Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии. *Государство и право*. 2011. № 6. С. 5–12. [Chirkin V. E. Constitution and contemporary models of the public power: Ideas and reality. *State and law*, 2011, (6): 5–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nwebmh>

30. Чиркин В. Е. Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники. *Государство и право*. 2017. № 5. С. 11–20. [Chirkin V. E. Varieties of public power and its social and legal sources. *State and law*, 2017, (5): 11–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrnnah>
31. Авдеев Д. А., Николаев А. С., Саленко А. В., Сухоруков А. С., Третьяк И. А. Проблематика организации публичной власти в России. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. 242 с. [Avdeev D. A., Nikolaev A. S., Salenko A. V., Suhorukov A. S., Tretyak I. A. *Organizing the public power in Russia*. Tyumen: TSU-Press, 2023, 242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/otryow>
32. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2018. № 4. С. 7–13. [Avakyan S. A. The structure of public power in Russia: Problems of formation and development. *Vestnik of the Siberian law institute of the MIA of Russia*, 2018, (4): 7–13. (In Russ.)] https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_4_7
33. Баранов П. П. Публичная власть и ее конституционная легитимность в современной России: доктрина и практика. *Администратор суда*. 2017. № 4. С. 3–8. [Baranov P. P. Public authority and its constitutional legitimacy in modern Russia: Doctrine and practice. *Court's Administrator*, 2017, (4): 3–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zthmdn>
34. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Роль юридической ответственности в реализации принципа единства публичной власти в Российской Федерации. *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 4. С. 43–54. [Malko A. V., Lipinsky D. A., Markunin R. S. The role of legal responsibility in the implementation of the principle of the unity of public authority in Russian. *Pravoprimeneniye*, 2021, 5(4): 43–54. (In Russ.)] [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).43-54](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).43-54)
35. Ковтун О. А., Терещенко Н. Д., Шапиро И. В. К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус». *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021. № 11-2. С. 66–69. [Kovtun O. A., Tereshchenko N. D., Shapiro I. V. On the issue of the status of public authorities of the federal territory "Sirius". *Humanities, social-economic and social sciences*, 2021, (11-2): 66–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23672/n1449-8573-1312-k>
36. Бородач М. В. Публичная власть, публичные интересы, публичная собственность: цивилизационные и правовые аспекты сопряжения. *Цивилизация права и развитие России: XIII Всерос. науч.-практ. конф.* (Тюмень, 14 апреля 2017 г.) Тюмень: Вектор Бук, 2017. № 13. С. 25–29. [Borodach M. V. Public power, public interests, and public property: Civilizational and legal aspects of conjugation. *Civilization of law and the development of Russia: Issues of theory and practice: Proc. XIII All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Tyumen, 14 Apr 2017. Tyumen: Vektor Buk, 2017, (13): 25–29. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fizddy>

Демократизм как базовый принцип в организации законотворческого процесса федеральной территории в России

Фомичева Ольга Анатольевна

Орскый филиал Университета МФЮА, Россия, Орск

<https://orcid.org/0000-0002-4000-0924>olga-fomicheva@mail.ru

Аннотация: Одним из ключевых принципов, который является базовым ориентиром в конституционно-правовом регулировании всех нововведений в законотворческом процессе, оказывается демократизм. Цель – изучить вопрос о необходимости создания гарантий на участие публичных органов федеральной территории в законотворческом процессе. Предмет – вопрос проблематики правовой природы статуса федеральной территории «Сириус», который неблагоприятно отражается на правах жителей в реализации политических прав на участие в решении вопросов государственного значения. Приводятся доводы о том, что развитие принципа демократизма сопровождается нарушениями, проявляющимися при реализации его форм органами публичной власти федеральной территории. Поиск баланса интересов между обществом и государством может быть достигнут за счет возможности граждан непосредственно или через представительные органы публичной власти реализовать свое право на участие в законотворческом процессе. По мнению автора, для реализации такого права необходимо установить в нормах общего действия гарантии, а затем детализировать порядок в нормативных правовых актах в зависимости от субъекта, его реализующего. Сущность законотворческого процесса состоит не только в совокупности форм деятельности, приводящих к преобразованию законотворческой идеи в законопроект, но и осуществлении этого процесса на основе конституционных принципов, базовым среди которых является демократизм. Этот принцип должен стать всеобъемлющим, поскольку позволяет обеспечить всем тождественным по своему статусу субъектам в равной степени возможность участвовать в законотворческом процессе, ориентирует всех жителей и / или представительные органы на такое участие и не должен подвергаться ограничениям в зависимости от вида территорий, на которых они проживают / располагаются. Выявленные нарушения гарантий на реализацию права законодательной инициативы и других форм участия в законотворческом процессе предлагается урегулировать в федеральном законодательстве, которое положительно повлияет не только на жителей федеральной территории «Сириус», но и распространит эти гарантии на тождественные территории (например, закрытые административно-территориальные образования, наукограды и др.). Сделан вывод, что от реализации принципа демократизма зависит эффективность законотворческого процесса.

Ключевые слова: законотворческий процесс, принципы, публичная власть, федеральная территория «Сириус», демократизм, законодательная инициатива, местное самоуправление

Цитирование: Фомичева О. А. Демократизм как базовый принцип в организации законотворческого процесса федеральной территории в России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 177–186. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-177-186>

Поступила в редакцию 28.02.2024. Принята после рецензирования 21.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Democratism as a Basic Principle for Legislative Processes on Russia's Federal Territories

Olga A. Fomicheva

Orsk Branch of Moscow Finance and Law University, Russia, Orsk

<https://orcid.org/0000-0002-4000-0924>olga-fomicheva@mail.ru

Abstract: Democratism is a key principle of constitutional and legal regulation of all innovations in the legislative process. Public authorities of Russia's federal territories need guarantees for their participation in the legislative process. The legal status of the Sirius Federal Territory remains dubious, which violates the rights of its residents

to participate in solving national issues. The principle of democratism is violated when its forms are implemented by public authorities of the federal territory. A balance of interests between society and the state would be achieved if citizens could exercise their legislative rights, directly or through representative bodies of public authority. First, guarantees should be established in the norms of the general effect; second, a procedure should be elaborated on regulatory legal acts, depending on the region and its status. A legislative process is not only a set of forms of activity that turns a legislative idea into a draft law. It also presupposes the implementation of this process based on constitutional principles, i.e., democratism. This principle should become comprehensive since it provides all subjects with equal participation in the legislative process. In addition, democratism encourages all residents and / or representative bodies for such participation. As a result, it should not be subjected to restrictions depending on the type of territory. If guarantees for the implementation of the legislative initiative right are violated in the legislative process, they can be regulated by federal legislation. This procedure could help residents of the Sirius Federal Territory and extend these guarantees to identical territories, e.g., closed administrative-territorial entities, university towns, etc. The ultimate effectiveness of the legislative process depends on democratism.

Keywords: legislative process, principles, public authority, federal territory Sirius, democratism, legislative initiative, local government

Citation: Fomicheva O. A. Democratism as a Basic Principle for Legislative Processes on Russia's Federal Territories. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 177–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-177-186>

Received 28 Feb 2024. Accepted after review 21 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Одним из ключевых принципов, который является базовым ориентиром в конституционно-правовом регулировании всех нововведений в законодательном процессе, оказывается демократизм. А. А. Югов называет демократизм важным принципом, который должен сопровождать все стадии законодательного процесса с целью минимизации субъективизма и повышения уровня профессионализма и культуры [1, с. 5, 26]. Принцип демократизма в законодательном процессе необходим при реализации основ конституционного строя. Этот принцип понимается как народовластие. Граждане на современном этапе развития демократии вовлекаются в законодательный процесс непосредственно или через своих представителей. Можно выделить следующие формы участия граждан в законодательном процессе: обращение граждан с законодательными идеями в органы публичной власти, общественное обсуждение законопроектов, референдум и др. Принцип демократизма позволяет всем в равной степени участвовать в законодательном процессе. Он распространяется на всех жителей и не должен ограничиваться в зависимости от вида территорий, на которых они проживают.

Демократический характер Российского государства предполагает создание политико-правовых условий, при которых граждане способны участвовать в принятии решений государства, в том числе через участие в законодательном процессе как одним из элементов государственного управления [2, с. 140].

Участие в законодательном процессе граждан в литературе раскрывается как способ согласования интересов общества и государства в процессе принятия закона, достижения единства мнений. Вовлечение граждан в законодательный процесс обеспечивает прозрачность принятия соответствующих решений [3]. При этом справедливо мнение, что длительное время неэффективность данного процесса была обусловлена недостаточностью связи парламента с народом [4, с. 12].

Участие граждан в законодательном процессе есть средство реализации государственной политики¹, средство реализации народом суверенитета [5, с. 256], поиск соответствия законодательных решений интересам общества [6, с. 316]. Для реализации мнения общества, его установок и ценностей как способа легитимации [7, с. 131] необходимо вовлекать в законодательный процесс широкий спектр социальных групп.

Э. Т. Рамазанова считает исключение граждан из числа субъектов права законодательной инициативы неразумным и противоречащим демократическим принципам [8, с. 53]. А. И. Абрамова присоединяется к этому мнению и обосновывает необходимость провозглашения гражданской законодательской инициативы в федеральном парламенте [9, с. 69]. К. С. Гаджиев отмечает, что гражданское общество должно быть самостоятельным и независимым от государства [10, с. 15]. Однако само общество не способно реализовать статус субъекта права законодательной инициативы. Такой статус не только позволяет вносить в парламент

¹ Злобина Е. А., Батяев А. А. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (постатейный). *СПС КонсультантПлюс*. 2006.

разработанные законопроекты, но и обязывает участвовать в их рассмотрении в структурах парламента. Поэтому требуется участие их представителей (представительных органов публичной власти). Наиболее четко этот вопрос формулируется Т. А. Желдыбиной, которая непосредственное участие народа делегирует представительным органам [11, с. 152].

Создание федеральной территории «Сириус» сопровождается множеством противоречий, особенно в части учреждения публичных органов, которые призваны не только управлять этой территорией, но и обеспечивать реализацию форм демократии, уже встроенных в механизм правового регулирования на других видах территорий в России. Вопросы участия жителей в управлении территорией «Сириус» очень активно и весьма плодотворно обсуждаются в науке конституционного права, в частности, со стороны реализации демократических начал местного самоуправления [12; 13]. Недостаточно изученным остается вопрос о публичных органах исследуемой территории как о субъектах законотворческого процесса и о жителях, которые вправе на равных условиях по сравнению с жителями других территорий участвовать в процедурах по рассмотрению и принятию законов.

Методы и материалы

Научные исследования сферы участия гражданского общества в законотворческом процессе базируются на методах познания, разработанных философской и юридической науками. Всеобщий философский метод познания и общенаучные методы дают возможность установить содержание ключевых понятий, таких как *законотворческий процесс*, *субъект законотворческого процесса* и др. Диалектический метод позволил выявить закономерности развития законотворческого процесса и всесторонне обобщить полученные данные. С помощью формально-юридического метода исследованы и обобщены правовые источники по установлению правил законотворческого процесса и статуса субъектов законотворческого процесса. В связи с поставленными целями были проанализированы правовые акты, определяющие конституционно-правовой статус федеральной территории «Сириус». Это исследование послужило условием для обращения к законодательным основам, определяющим правовой статус органов местного самоуправления, поскольку в силу многих положений эти статусы сопоставимы. Для выявления аналогий и выработки правового инструментария механизма правового регулирования реализации законотворческого процесса необходимо было обратиться к исследованию порядка осуществления законотворческих процедур в государственных органах власти (например, Правительства Российской Федерации).

Результаты

Понятие законотворческого процесса и характеристика его элементов

Законотворческий процесс – это целостная система взаимосвязанных форм законотворческой деятельности, осуществляемых на определенных стадиях и приводящих к преобразованию законотворческой идеи в закон. В этот процесс включен широкий круг субъектов, без которых принятие закона не только невозможно (участие экспертов, парламента и др. обязательных субъектов), но и недопустимо, например, в силу принципа демократизма необходимо участие граждан и представительных органов. В доктрине подчеркивается, что участие граждан в законотворческом процессе обеспечивает легитимность законов, т. е. их *авторитетность* [14, с. 58].

В большинстве исследований дефиниции понятий *законодательный процесс* и *законотворческий процесс* не разделяются. Законодательный процесс трактуется как явление государственной, общественной жизни, результатом которого становятся нормы права, облеченные в форму закона [15, с. 55]. Но подобная его трактовка не дает науке конституционного права возможности раскрыть всю специфику деятельности по принятию законов, особенно с увеличением в последнее время круга участников этого процесса и разновидностей его процедур. Сегодня процесс рассмотрения и принятия законов в России охватывает широкий комплекс мероприятий, что обуславливает выбор объекта и методов законодательного регулирования.

Законодательный процесс является более узким понятием как «дающий проекту силу закона без использования творческого подхода» [16, с. 91]. Законотворческий процесс, в основе которого лежит слово *творить*, расширяет спектр этой деятельности и, соответственно, число ее участников. Этот процесс включает комплекс видов деятельности (мыслительной, аналитической, творческой, научной, составление законопроекта и все что с этим связано). Основными элементами законотворческого процесса являются: субъект, правовые основы, техника, стадии, принципы и др., которые постоянно модернизируются и дополняются.

Теоретико-правовые основы конституционно-правовой категории *законотворческий процесс* наиболее подробно описаны в авторском исследовании [17]. В продолжение изучения данной тематики предлагается обратить внимание на конституционно-правовые основы статуса субъектов органов публичной власти федеральной территории в качестве участников этого процесса для обеспечения реализации принципа демократизма.

Статус публичных органов федеральной территории «Сириус»

Формы участия органов государственной власти и органов местного самоуправления в федеральном или региональном законодательном процессе существенно отличаются и зависят от уровня закона (федерального или регионального), а также от их места и роли в системе публичной власти (орган государственной власти, государственный орган или орган местного самоуправления). При всем разнообразии правовых статусов этих органов и лиц должна быть обеспечена их тождественность при установлении равных прав и обязанностей (полномочий и компетенций для публичных органов). Для участия государственных органов субъектов Российской Федерации в региональном законодательном процессе имеется свой набор полномочий. Важно отметить, что эти полномочия не одинаковы для органов государственной власти и органов местного самоуправления. Круг субъектов прав на реализацию законодательной инициативы устанавливается федеральным законодательством и дополняется каждым субъектом РФ. Этот перечень разнообразен, но имеются гарантии реализации данного права для тождественных должностей государственных органов и органов местного самоуправления в каждом субъекте РФ. В этой связи необходимо определить правовую природу публичных органов федеральной территории «Сириус» для последующей регламентации их прав с учетом имеющихся правил законодательного процесса для тождественных органов и / или граждан.

Ученые в ряде проблем реализации демократических форм на территории «Сириус» обоснованно называют двойственность правовой природы осуществления публичной власти [18; 19]. Для рассмотрения вопроса о реализации прав жителями этой территории самостоятельно или через своих представителей на участие в законодательном процессе следует обратиться к исследованию признака двойственности правового регулирования и статуса публичной власти федеральной территории. Существенную долю правовых основ организации публичной власти федеральной территории составляют признаки, характерные для местного самоуправления:

- данная территория приравнивается к статусу городского округа в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона № 437-ФЗ от 22 декабря 2020 г. «О федеральной территории "Сириус"» (Закон о федеральной территории) с отсылкой на ФЗ № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (Закон № 131-ФЗ);
- система организации публичной власти построена на модели местного самоуправления: наличие представительного органа (Совета федеральной

территории), исполнительно-распорядительного органа, главы администрации, контрольного органа (контрольно-счетная палата), а также право самостоятельно формировать собственные органы для реализации целей управления территории (градостроительный совет, уполномоченный по вопросам местного самоуправления федеральной территории формируются Советом федеральной территории);

- виды нормативных правовых актов публичных органов схожи с актами, издаваемыми органами местного самоуправления (Устав, решения Совета федеральной территории, постановления главы администрации федеральной территории);
- экономическая основа отмечена самостоятельностью регулирования вопросов принятия и исполнения бюджета, принятия решений по использованию собственности, введения правил и порядка правового регулирования местных налогов (гл. 9 Устава федеральной территории «Сириус», утвержденного решением Совета № 1–3/16 от 19 ноября 2021 г.).

Одновременно в систему публичной власти федеральной территории структурированы государственные должности, например: все члены Совета федеральной территории занимают федеральные государственные должности (даже избираемые населением); семь членов указанного органа назначаются органами государственной власти (Президентом РФ – 3, Правительством РФ – 3, губернатором Краснодарского края – 1); некоторые лица, сформированные по решению Совета федеральной территории, являются государственными служащими в соответствии с Указом Президента РФ № 1574 от 31 декабря 2005 г. «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» (аппарат администрации, аппарат Совета, счетная палата и избирательная комиссия).

Субъекты законодательного процесса и их правовая природа

Для соотнесения статусов органов публичной власти федеральной территории в качестве участников законодательного процесса следует определить общие характеристики возможных и обязательных форм их участия в качестве самостоятельных субъектов этого процесса. С. А. Авакян считает, что субъекты права – это «лица, объединения, органы, территориальные образования, которые могут быть участниками (сторонами) соответствующих общественных отношений, причем такая их возможность закрепляется нормами права» [20, с. 40]. В законодательном процессе это означает, что участники и субъекты отличаются степенью вовлечения в процесс. Чтобы субъект стал участником законодательного процесса,

необходимо признать его субъектом конкретной формы законотворческой деятельности и урегулировать его статус в нормах права.

Т. А. Золотухина полагает, что субъект наделен «властными полномочиями на выполнение строго определенных законотворческих функций» [21, с. 57]. Для законотворческого процесса понятие *субъект* означает статус данного участника, имея который он реализует возможность осуществлять законотворческую деятельность.

Процесс принятия федеральных законов отнесен к совместной компетенции органов государственной власти: его рассмотрение и принятие осуществляется Государственной Думой, одобрение – Советом Федерации, подписание и опубликование – Президентом РФ. Аналогично на уровне субъекта РФ: его рассмотрение и принятие осуществляется законодательным органом субъекта РФ, подписание и опубликование – высшим должностным лицом. Право законодательной инициативы принадлежит различным органам публичной власти и лицам, имеет закрепление в нормах права с целью дальнейшей регламентации этого статуса правами и обязанностями. Например, субъект права на реализацию законодательной инициативы обладает правом внести законопроект. При этом у него имеется обязанность подготовить этот законопроект и приложить все необходимые документы.

Деятельность по подготовке законодательной инициативы является составной частью правового регулирования законотворческого процесса и определяется каждым субъектом самостоятельно. Для разработки правил осуществления собственной формы законотворческой деятельности (в частности, по подготовке текста законопроекта) требуется установить это право в нормативном правовом акте общего действия. Для Правительства РФ норма права общего действия (ст. 104 Конституции РФ) определяет пределы компетенции в сфере разработки порядка подготовки законопроекта для реализации механизма законодательной инициативы.

В обеспечение реализации ст. 104 Конституции РФ Правительство РФ обязано подготовить порядок реализации этого статуса как субъекта законотворческого процесса. Процедуры для обеспечения правового статуса Правительства РФ разработаны Приказом Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 3/51 от 10 января 2001 г. «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной

работы федеральных органов исполнительной власти». В методических правилах регламентирован последовательно осуществляемый порядок: 1) разработка и обоснование законотворческой идеи; 2) проверка и обоснование идеи; 3) преобразование идеи в концепцию; 4) подготовка социально-экономического и политического исследования идеи; 5) осуществление правового анализа правоотношения (в рамках идеи).

Субъекты законотворческого процесса, которые не определены в нормах общего права, не охватываются общим понятием *участников процедур создания закона*. Сегодня число субъектов процесса рассмотрения и принятия законов России не ограничено в силу происходящих изменений: появляются новые публичные органы, в общественную жизнь входят новые формы непосредственной демократии. Именно поэтому публичные органы должны исследоваться на предмет их правовой природы с целью учреждения для них в законодательстве тождественных прав субъекта законотворческого процесса с последующей детализацией процедур и порядка реализации законотворческой деятельности.

С целью изучения правового статуса соответствующего субъекта законотворческого процесса необходимо обращаться к базовым принципам. Для регламентации порядка участия граждан, гражданского общества и их представительств таким принципом является демократизм, ограничение которого недопустимо в случаях, если для тождественных лиц другой территории это право нормативно установлено и детально урегулирован порядок реализации таких прав.

Тождественность федеральной территории с местным самоуправлением дает основание соотнести органы публичной власти федеральной территории «Сириус» с органами местного самоуправления и предоставить им соответствующие аналогичные полномочия в законотворческом процессе. Несмотря на то что органы местного самоуправления не названы в ст. 104 Конституции РФ участниками федерального законотворческого процесса, Конституционный Суд РФ предоставляет органам местного самоуправления возможность «регламентировать часть публичных дел и управлять ими, действуя в рамках закона в интересах местного населения»². В законотворческом процессе интересы местного самоуправления представляют органы муниципального образования.

Органы муниципального образования в своей деятельности опираются на специализированный Закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. (и это часто

² О проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе». Постановление Конституционного Суда РФ № 7-П от 02.04.2002. СПС КонсультантПлюс.

устанавливается в нормативных правовых актах органов местного самоуправления³), который, однако, не содержит положений, закрепляющих порядок их участия в региональном законодательном процессе. Право органов местного самоуправления на реализацию законодательной инициативы закреплено в ФЗ № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» (Закон № 414-ФЗ), который адресован публичным органам субъектов РФ.

В силу ст. 10 Закона № 414-ФЗ правом на реализацию законодательной инициативы в региональном парламенте наделен представительный орган местного самоуправления. При этом в конституциях (уставах) субъектов РФ допускается возможность расширения перечня субъектов права законодательной инициативы, выступающих от лица органов местного самоуправления. В Уставе Краснодарского края закреплен перечень субъектов права на реализацию законодательной инициативы в Законодательном Собрании Краснодарского края, в числе которых значатся представительные органы местного самоуправления, но отсутствует представитель от органов публичной власти федеральной территории (ст. 55 Устава Краснодарского края).

В федеральном законе о федеральной территории «Сириус», так же как и в Уставе федеральной территории, отсутствует право на участие публичных органов территории в законодательном процессе (например, нет традиционного закрепления права на реализацию законодательной инициативы в региональном парламенте).

Поскольку федеральная территория по многим признакам схожа с муниципальным образованием, их можно признать тождественными для реализации полномочий от жителей федеральной территории в законодательном процессе. В связи с этим для реализации прав жителей этой территории следует обеспечить гарантию реализации тождественного права в качестве субъекта законодательного процесса.

Пробел требуется устранить, причем не за счет изменения федерального закона о статусе федеральной территории. Перспективным решением этого вопроса будет изменение редакции ч. 1 ст. 17, ч. 10 ст. 35, ч. 4 ст. 36 Закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г., внося в них данное право не только в число полномочий представительного органа, но и глав муниципальных

образований. Одновременно необходимо включить законодательный процесс в сферу вопросов местного значения для городского округа (именно так определено тождество полномочий для федеральной территории по федеральному закону о федеральной территории «Сириус»). После этого нормы Закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. будут распространены на федеральную территорию.

Учреждение федеральной территории как субъекта конституционного права на современном этапе в науке конституционного права рассматривается как *трансформация федерации* и внедрение института, не соответствующего ст. 5 Конституции РФ [22, с. 168]. Обсуждаемые недостатки и противоречия в отношении федеральной территории на площадке конституционного права в некоторой степени обоснованы, поскольку требует своей реализации вопрос участия жителей федеральной территории во всех регламентированных демократических процедурах для жителей других территориальных образований. Эти вопросы исходят из характеристики народа как носителя власти (статьи 3, 12 Конституции РФ), в силу чего участие в законодательном процессе жителей федеральной территории можно рассматривать как один из способов участия в государственном управлении, но в пределах вопросов местного значения.

Определить в норме общего действия органы публичной власти территории «Сириус» в числе субъектов права на реализацию законодательной инициативы в региональном парламенте недостаточно. Потребуется урегулировать порядок реализации таких полномочий (как в примере с Правительством РФ).

В настоящее время порядок реализации законодательной инициативы органами местного самоуправления не лишен недостатков правового регулирования. Ранее в этой сфере действовали специализированные законы, регулирующие порядок реализации органами местного самоуправления права законодательной инициативы, но они были отменены во многих регионах. Сегодня такие специализированные законы действуют только в трех субъектах РФ: Алтайском крае⁴, Оренбургской⁵ и Тюменской⁶ областях. Из-за отсутствия достаточного правового регулирования органы муниципальных образований получают необоснованные отказы в реализации такой инициативы [23]. Существует возможность нарушения прав органов

³ Об утверждении Положения об отделе культуры администрации города Медногорска. Решение Медногорского городского Совета депутатов Оренбургской области № 117 от 24.05.2011; О принятии Программы реформирования муниципальных финансов муниципального образования «Город Березники» на 2008–2010 гг. Решение Березниковской городской Думы № 547 от 17.12.2008. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ О порядке реализации права законодательной инициативы в Алтайском краевом Законодательном Собрании представительными органами муниципальных образований. Закон Алтайского края № 107-ЗС от 06.12.2010. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ О порядке осуществления права законодательной инициативы органами местного самоуправления в Оренбургской области. Закон Оренбургской области № 6/н от 04.09.1996. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ О порядке осуществления права законодательной инициативы в Тюменской Думе представительными органами местного самоуправления. Закон Тюменской области № 26 от 20.06.1996. *СПС КонсультантПлюс*.

местного самоуправления на участие в законотворческом процессе, что негативно отражается на их активности в проявлении своих законотворческих инициатив.

Для регламентации порядка наделения представительного органа федеральной территории статусом субъекта законотворческой инициативы в равной степени с представительными органами местного самоуправления следует обозначить проблемные зоны в практической реализации обеспечения интересов местного населения. Так, для разработки и подготовки текста законопроекта потребуется доказать идею законопроекта и подготовить текст для внесения в законодательный орган. Справедливо мнение С. А. Авакьян о профессионализме авторов законопроектов [24, с. 9], с которым следует согласиться с учетом всей сложности правил осуществления законотворческой инициативы. Для обоснования законотворческой идеи и оценки действующих законов ее автор должен обладать юридическими знаниями. Непрофессиональные в деле составления текста законопроекта субъекты законотворческого процесса в силу принципа демократизма участвуют в данном процессе, но в этом вопросе им потребуется привлечь необходимых специалистов.

Для преодоления этой проблемы предусматривается возможность обратиться не с готовым законопроектом, а с законотворческой идеей к субъекту права законодательной инициативы, либо можно обратиться к специалисту за помощью в разработке законопроекта. Например, в Кемеровской области⁷ устанавливаются правоотношения между инициатором (автором законотворческой идеи или предложения) и субъектом права законодательной инициативы (разработчиком и / или реализатором). Инициатор вправе предложить идею, а субъект права законодательной инициативы обязан принять мотивированное решение о ее отклонении или разработке законопроекта. При таком порядке сохраняется право автора на участие во внутрипарламентском законотворческом процессе на правах субъекта права законодательной инициативы по договору. Такая практика может стать примером для других как практическое воплощение варианта участия представительного органа в законотворческой инициативе.

Для расширения круга субъектов реализации законотворческой инициативы будет перспективным перенять положительный опыт Хабаровского края, где предусмотрено право на обращение других субъектов, желающих представить свою законотворческую идею в региональный парламент, через депутатов муниципального образования. Правом на обращение

в представительный орган муниципального образования в Хабаровском крае с просьбой реализовать законодательную инициативу в Законодательной Думе наделены инициативная группа граждан, депутаты Собрания депутатов, глава муниципального района, органы территориального общественного самоуправления и представительные органы поселений, входящих в состав муниципального района⁸. Применительно к федеральной территории с идеей законопроекта могли бы обратиться представители гражданского общества или группа граждан, проживающих на этой территории, через Совет федеральной территории. При этом Совет федеральной территории станет тождественным представительному органу муниципального образования в правах субъекта законотворческого процесса в региональном парламенте.

Заключение

Исследованная проблема участия населения федеральной территории «Сириус» в законотворческом процессе непосредственно или через создаваемые публичные органы нуждается в детальном осмыслении и дальнейшем разрешении. Предложенные автором изменения в Закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г., а также в Устав Краснодарского края и Устав федеральной территории «Сириус» позволят жителям данной территории получить право на реализацию законодательной инициативы в региональном парламенте, гарантированное для жителей всех территорий муниципальных образований в РФ. Конституционно-правовое закрепление перечня субъектов права законодательной инициативы обеспечивает им гарантии на участие во внутрипарламентском законотворческом процессе. Это право Г. В. Минх справедливо называет юридическим фактом представления и продвижения своего законопроекта [25, с. 93].

Субъективное право на участие в законотворческом процессе нужно рассматривать в рамках реализации *права-поведения и права-требования* [26, с. 503], которые образуют его гарантии. Отсутствие на сегодняшний день нормы общего действия, устанавливающей представительный орган федеральной территории в качестве субъекта права законодательной инициативы в региональном парламенте, лишает возможности жителей непосредственно или через органы публичной власти этой территории реализовать свое право-требование на рассмотрение законотворческой идеи по вопросам местного значения. Соответственно, теряется гарантия реализации статуса субъекта законодательной инициативы – присутствовать на заседании комитета при рассмотрении

⁷ О законодательной деятельности в Кемеровской области. Закон Кемеровской области № 33-ОЗ от 23.06.2003. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Об утверждении Положения «О Собрании депутатов Хабаровского муниципального района Хабаровского края». Решение Собрания депутатов Хабаровского муниципального района № 123 от 31.01.2006. СПС КонсультантПлюс.

представленного законопроекта (участвовать в продвижении своей законотворческой идеи по законопроектам местного значения).

С целью минимизации субъективизма и повышения уровня профессионализма в законотворческом процессе следует развивать формы реализации принципа демократизма, устранять причины, препятствующие его воплощению на практике. Выявленные в работе нарушения гарантий на реализацию права законодательной инициативы представительных органов предлагается урегулировать в федеральном законодательстве, которое положительно повлияет не только на жителей федеральной территории «Сириус», но и распространит эти гарантии на тождественные территории (например, закрытые административно-территориальные образования, наукограды и др. территории, которые также обладают особым статусом).

Идеи, изложенные в статье, могут послужить основой к последующим исследованиям вопросов в науке

конституционного права, касающихся реализации жителями территорий с особым статусом не только практики правового регулирования первой стадии законотворческого процесса (инициативы), но и при обсуждении гражданами и / или представительными органами региональных законопроектов, при опросе и голосовании по законопроектам, а также станут перспективными в исследованиях и научных дискуссиях о нарушении иных политических прав граждан на участие в делах государства с учетом их тождественности для жителей других территорий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Югов А. А. Законотворческий процесс в Российской Федерации как принцип системности. Казань: Бук, 2018. 48 с. [Yugov A. A. *The legislative process in the Russian Federation as a principle of consistency*. Kazan: Buk, 2018, 48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xonnat>
2. Кабышев С. В. Культура законотворчества в Канаде. *Юридическая техника*. 2016. № 10. С. 136–142. [Kabyshv S. V. The culture of lawmaking in Canada. *Iuridicheskaja tekhnika*, 2016, (10): 136–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlkprp>
3. Voermans W. J. M., Napel H.-M., Passchier R. Combining efficiency and transparency in legislative processes. *The theory and practice of legislation*, 2015, (3): 279–294.
4. Овсепян Ж. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации). *Сравнительное конституционное обозрение*. 2007. № 2. С. 9–17. [Ovseryan Zh. The parliament as the foundation of democratic constitutional regime (problems and trends of development in the Russian Federation). *Comparative constitutional review*, 2007, (2): 9–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nchpar>
5. Трифонов С. Г. Конституционно-правовая характеристика народной законодательной инициативы. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9. № 1. С. 253–260. [Trifonov S. G. Guarantees of implementation of the constitutional right of human and citizen to judicial protection. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2023, 9(1): 253–260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygueqz>
6. Сергеев А. А. Проблемы демократизации законодательного процесса. *Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: науч. конф. (Москва, 21–23 марта 2002)* М.: МГУ, 2003. С. 316–321. [Sergeev A. A. Problems of democratization of the legislative process. *Parliamentary procedures: Problems of Russia and foreign experience: Proc. Sci. Conf., Moscow, 21–23 Mar 2002*. Moscow: MSU, 2003, 316–321. (In Russ.)]
7. Ворошилова О. Н., Зуева Т. М. Правовая легитимация и формирование гражданского общества. *Наукосфера*. 2023. № 4-2. С. 130–135. [Voroshilova O. N., Zueva T. M. Legal legitimacy and formation of civil society. *Naukosfera*, 2023, (4-2): 130–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svsrwi>
8. Рамазанова Э. Т. Роль института народной законодательной инициативы в формировании гражданского общества в Российской Федерации. *Гражданское общество и правовое государство*. 2011. Т. 1. С. 51–54. [Ramazanova E. T. The role of the Institute of People's Legislative Initiative in the formation of civil society in the Russian Federation. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*, 2011, 1: 51–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ronyqp>
9. Абрамова А. И. Законодательная идея и форма ее реализации. *Журнал российского права*. 2010. № 12. С. 65–72. [Abramova A. I. Legislative idea and form of its realization. *Journal of Russian law*, 2010, (12): 65–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndlvvp>

10. Гаджиев К. С. Гражданское общество и правовое государство. *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 9. С. 5–18. [Gadziev K. S. Civil society and the rule of law. *World economy and international relations*, 1991, (9): 5–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfzpnx>
11. Желдыбина Т. А. Демократизация законодательства в России в контексте формирования единого мирового правового пространства. *Юридическая техника*. 2014. № 8. С. 150–154. [Zheldybina T. A. Democratization of lawmaking in Russia in the context of the formation of a single global legal space. *Iuridicheskaja tekhnika*, 2014, (8): 150–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rupwj1>
12. Стариков С. С. Участие граждан в управлении федеральной территорией как фактор формирования взаимного доверия общества и органов публичной власти. *Взаимное доверие государства и общества в конституционном строе России: XIII Междунар. конституц. фор.* (Саратов, 15–17 декабря 2021) Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 167–173. [Starikov S. S. Participation of citizens in the management of the federal territory as a factor in the formation of mutual trust between society and public authorities. *Mutual trust of the state and society in the constitutional system of Russia: Proc. XIII Intern. Constitut. For.*, Saratov, 15–17 Dec 2021. Saratov: Saratovskii istochnik, 2022, 167–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbdeqs>
13. Иванников И. А., Остапович И. Ю. Особенности местного самоуправления на федеральной территории «Сириус». *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 7. С. 95–96. [Ivannikov I. A. Ostapovich I. Yu. Peculiarities of local self-government in the federal territory of "Sirius". *Eurasian law journal*, 2022, (7): 95–96. (In Russ.)]
14. Мачин И. Ф. Понятие юридического закона: критический аспект. *Научные труды РАЮН*, ред. В. В. Гриб. М.: Юрист, 2018. С. 57–60. [Machin I. F. The concept of legal law: A critical aspect. *Proceedings of the Russian Academy of Legal Sciences*, ed. Grib V. V., Moscow: Iurist, 2018, 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzhqcd>
15. Пискунова Е. А. Понятие законодательного процесса в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 9. С. 54–58. [Piskunova E. A. The definition of the legislative process in the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*, 2013, (9): 54–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rhaynd>
16. Золотухина Т. А., Тонков Е. Е. Принципы законодательской деятельности: попытка обобщения и теоретического анализа. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2017. № 3. С. 89–95. [Zolotukhina T. A., Tonkov E. E. Principles of lawmaking: an attempt of generalization and theoretical analysis. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2017, (3): 89–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjmnfv>
17. Фомичева О. А. Законодательский процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 400 с. [Fomicheva O. A. *The legislative process in the Russian Federation: a constitutional and legal study*. Dr. Law Sci. Diss. Ekaterinburg, 2022, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lcwsuj>
18. Курячая М. М. Особенности формирования и развития гражданской активности населения федеральной территории «Сириус». *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 9. С. 93–94. [Kuryachaya M. M. Features of the formation and development of civil activity of the population of the federal territory "Sirius". *Eurasian law journal*, 2021, (9): 93–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuekcd>
19. Полякова К. Ю. Право на осуществление публичной власти населением федеральной территории «Сириус». *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 8. С. 51–53. [Polyakova K. Yu. The right to exercise public power by the population of the federal territory "Sirius". *Law and state: the theory and practice*, 2022, (8): 51–53. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_51
20. Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Юрист, 2005. Т. 1. 719 с. [Avakyan S. A. *Constitutional Law of Russia*. Moscow: Iurist, 2005, Vol. 1., 719. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwkmzj>
21. Золотухина Т. А. О некоторых проблемах правового статуса федеральных субъектов и участников законодательской деятельности. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2016. № 7. С. 57–62. [Zolotuhina T. A. Legal status of federal subjects and participants in legislative activity. *Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2016, (7): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wccmzb>
22. Кондрашев А. А. Тенденции развития конституционного законодательства в Российской Федерации: опыт конституционной реформы 2020 года. *Конституционно-правовое развитие современной России: тенденции, приоритеты, проблемы: Междунар. науч.-практ. конф.* (Уфа, 4–5 июня 2021) Уфа: Мир печати, 2022. С. 167–176. [Kondrashev A. A. Trends in the development of constitutional legislation in the Russian Federation: the experience of constitutional reform in 2020. *Constitutional and Legal Development of Modern Russia: Trends, Priorities, and Problems: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ufa, 4–5 Jun 2021. Ufa: Mir pechati, 2022, 167–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axuixy>

23. Фомичева О. А. Право на участие органов местного самоуправления в законотворческом процессе как один из вопросов местного значения. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2021. № 8. С. 32–38. [Fomicheva O. A. The right of local self-government authorities to take part in the law making process as one of local issues. *State Power and Local Self-government*, 2021, (8): 32–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2021-8-32-38>
24. Авакьян С. А. Федеральное Собрание России: перспективы совершенствования организации деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2002. № 2. С. 3–16. [Avakyan S. A. Federal Assembly of Russia: Prospects for improving the organization of activities. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2002, (2): 3–16. (In Russ.)]
25. Минх Г. В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт. *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 89–99. [Minkh G. V. Legislative initiative of the president of the Russian Federation as the constitutionallegal institute. *Journal of Russian Law*, 2016, (1): 89–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/17234>
26. Радько Т. Н. Теория государства и права. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. 744 с. [Radko T. N. *Theory of State and law*. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2009, 744. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqtgbl>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cpmecc>

Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики

Шугрина Екатерина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0001-8765-0249>eshugrina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются первые итоги реализации норм, предоставляющие возможность перераспределения полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в пользу органов государственной власти субъектов РФ. Отмечается, что механизм, предусмотренный в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2014 г., не получил широкого научного теоретического осмысления, обобщения, и анализ правоприменительной практики по данной категории дел только начинает формироваться. Проведенное исследование, выполненное с учетом анализа законов субъектов РФ, решений судов разной юрисдикции, позволяет прийти к выводу, что органы государственной власти субъектов РФ, осуществляя свои дискреционные полномочия, поступают весьма хаотично. Критерии целесообразности, эффективности перераспределения полномочий не сформированы, а имеющиеся примеры свидетельствуют, скорее, об умалении местного самоуправления, нарушении конституционного принципа доверия к власти, закрепленного в ст. 75.1 Конституции РФ. Изъятие полномочий органами государственной власти субъектов РФ в определенной степени соответствует их интересам и создает определенные препятствия для долгосрочного планирования развития муниципального образования органами местного самоуправления. Анализ содержания законов субъектов РФ и правоприменительной практики показывает, что институт перераспределения полномочий в существующем виде идет вразрез с конституционными принципами по поддержанию доверия к власти, приводит к умалению местного самоуправления.

Ключевые слова: перераспределение полномочий, наделение полномочиями, изъятие полномочий, предметы ведения, вопросы местного значения, компетенция местного самоуправления, градостроительная сфера, развитие территории, принцип доверия в праве

Цитирование: Шугрина Е. С. Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-187-194>

Поступила в редакцию 09.04.2024. Принята после рецензирования 02.05.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Reauthorization of Local Issues in Law Enforcement Practice

Ekaterina S. Shugrina

Saint Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0001-8765-0249>eshugrina@yandex.ru

Abstract: This research featured norms that provide an opportunity to redistribute matters of local significance from local government bodies to state authorities. The Federal Law on Organization of Local Governance (2014) provides an algorithm for this procedure. However, it has received poor scientific attention, as has the current law enforcement practice in the corresponding category of cases. The present analysis of the regional and court decisions shows that the state authorities tend to act chaotically in exercising their discretionary powers. Reauthorization has received no criteria of expediency and effectiveness so far. The examples from law enforcement practice are not in favor of local government and violate the constitutional principle of trust in the government (Constitution of the Russian Federation, Article 75.1). Reauthorization prevents local governments from long-term development strategizing of their municipalities. Both the laws of the subjects of the Russian Federation and the law enforcement practice show that reauthorization in its current form contradicts the constitutional principles of maintaining trust in the government, thus reducing the power of local governments.

Keywords: reauthorization, empowerment, withdrawal of powers, subjects of competence, issues of local significance, competence of local government, urban planning, territorial development, principle of trust in law

Citation: Shugrina E. S. Reauthorization of Local Issues in Law Enforcement Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 187–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-187-194>

Received 9 Apr 2024. Accepted after review 2 May 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Проблемы установления юрисдикции органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления являются одними из самых сложных и болезненных. Это касается широкого круга проблем: не всегда бывает понятно, чем отличается вопрос местного значения от полномочия; нередко наблюдается задвоение предметов ведения или полномочий – одни и те же формулировки используются в нормативном описании компетенции разных органов публичной власти.

К числу важных вопросов в контексте определения компетенции органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления с некоторых пор можно смело относить и недавно появившийся институт перераспределения полномочий, который был установлен в 2014 г. Федеральным законом № 136-ФЗ путем внесения соответствующих изменений и дополнений в Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон о местном самоуправлении). В результате этих поправок в ст. 17 появилась часть 1.2. Кстати, этим же законом было предусмотрено введение двухуровневых городских округов, внесены существенные изменения в порядок избрания главы муниципального образования и определения его роли в системе органов местного самоуправления. Удивительно, что ни в пояснительной записке, ни в заключениях к законопроекту о новом механизме перераспределения полномочий ничего не говорилось.

Позднее в указанный механизм вносились некоторые уточнения и дополнения. В частности, Федеральным законом № 494-ФЗ от 28.12.2016 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривалось, что органам государственной власти субъектов РФ разрешено перераспределять только те полномочия, на возможность передачи которых есть прямое указание в федеральных законах.

К настоящему времени сформировался значительный пул экспертных позиций в отношении предложенной новации; подавляющее количество мнений специалистов в сфере муниципального права является негативным [1–8]. Новый механизм стал вызывать большое количество вопросов, поэтому в этом же 2014 г. появилось разъяснение профильного комитета Государственной Думы по местному самоуправлению¹.

Результаты

Общая характеристика использования механизма перераспределения полномочий в субъектах РФ

Теоретически перераспределение полномочий может быть как сверху вниз, так и снизу вверх. Однако в настоящее время этот инструмент используется, как правило, для изъятия у органов местного самоуправления всех или некоторых полномочий по решению соответствующего вопроса местного значения. Использование этого механизма для передачи отдельных полномочий органам государственной власти субъектов РФ органам местного самоуправления обнаружить не удалось.

Для того чтобы посмотреть фактическую сторону перераспределения полномочий, целесообразно обратиться к обобщенным данным, которые собираются Министерством юстиции России, а также материалам правоприменительной практики. Министерство юстиции России в своих ежегодных докладах² о состоянии местного самоуправления в РФ представляет информацию о том, какие регионы и в каких случаях применяют эти механизмы³. Масштабные проекты, предусматривающие перераспределение значительного объема полномочий, относящихся к разным сферам государственного управления, действуют в Волгоградской, Липецкой, Московской, Новгородской, Орловской и Тюменской областях, а также в Приморском крае и Ненецком автономном округе. При этом в Московской и Орловской областях, а также

¹ Разъяснения Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления по вопросу перераспределения полномочий органов местного самоуправления. *Муниципальная Россия*. 2014. № 9(55).

² Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год. М., 2021. 60 с.

³ В статье приводятся данные за 2020 г., поскольку именно тогда Министерство юстиции России сделало достаточно детальное описание применения института перераспределения полномочий в субъектах РФ. В мониторингах за последующие годы такой полной картины представлено не было.

в Ненецком автономном округе у всех муниципалитетов одного вида в пределах одного субъекта РФ изымался один и тот же объем полномочий. Законами ряда субъектов РФ частично или полностью перераспределены и отнесены к ведению органов исполнительной власти субъектов РФ полномочия в области:

- градостроительства и землепользования (30 субъектов РФ),
- предоставления земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена (28 субъектов РФ),
- территориального планирования (23 субъекта РФ),
- электро-, тепло-, газо-, водоснабжения и водоотведения (19 субъектов РФ),
- наружной рекламы (11 субъектов РФ),
- транспортного обслуживания населения, перевозок пассажиров и багажа (8 субъектов РФ),
- муниципального жилищного контроля и других полномочий в жилищной сфере (5 субъектов РФ),
- дорожной деятельности (5 субъектов РФ),
- торговли, общественного питания и бытового обслуживания (3 субъекта РФ),
- сферы ритуальных услуг (3 субъекта РФ).

По данным СПС КонсультантПлюс к концу 2023 г. законы о перераспределении полномочий в градостроительной сфере действовали в 44 субъектах РФ, т.е. налицо тенденция к увеличению практики принятия соответствующих законов (в 2020 г. было 30 законов субъектов РФ).

Экспресс-анализ вышеприведенной статистики позволяет сделать два вывода: во-первых, можно выделить часть субъектов РФ, в которых фиксируется массовое изъятие полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения; во-вторых, полномочия органов местного самоуправления преимущественно перераспределяются в таких важных сферах, как территориальное планирование, землепользование, градостроительная деятельность. То есть речь идет о полномочиях, важных для развития территории. Насколько эффективно органы государственной власти субъектов РФ будут заниматься развитием территории муниципального образования – налицо явный конфликт интересов.

Особенности организации и проведения публичных слушаний

Выше уже отмечалось, что чаще всего перераспределяются полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в градостроительной сфере. В этой связи уместно обратить внимание еще на один аспект. В ст. 28 Закона о местном самоуправлении и ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ указывается, что вопросы градостроительной деятельности, землепользования, территориального планирования и ряд иных выносятся на публичные слушания, общественные обсуждения. Возникает вопрос: кто проводит (кто отвечает за проведение) публичные слушания, общественные обсуждения в случае изъятия полномочий органов местного самоуправления в вышеуказанных сферах – орган государственной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления? В настоящее время особенности организации и проведения публичных слушаний регулируются актами органов местного самоуправления. Как этот вопрос регулируется при перераспределении полномочий – непонятно (актами какого уровня: регионального или местного).

Судебная практика по вопросам перераспределения полномочий

Судебная практика по данной категории дел регулярно формируется. Органы местного самоуправления не любят судиться с органами государственной власти субъекта РФ; в суды обращаются граждане, представители бизнеса. Принятие закона о перераспределении полномочий оспаривалось в первые годы появления этого механизма⁴; в последующих решениях, как правило, речь идет о нарушениях конституционных прав граждан, изменении объема и качества получаемых услуг, порядке их предоставления⁵.

В определении Конституционного Суда РФ № 2634-О от 29.09.2022, в котором исследуется данная проблематика в контексте оказания транспортных услуг, говорится о том, что в действующей системе правового регулирования не предполагается произвольного перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной

⁴ См. напр.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 91-АПГ15-9 от 23.09.2015 (Псковская область). СПС КонсультантПлюс.

⁵ См. напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2634-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каргина Дмитрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 2 ФЗ "Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ"; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 46-КГ23-7-К6 от 01.08.2023 (Самарская область); Определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС22-28942 от 20.02.2023 по делу № А72-7365/2021 (Ульяновская область); Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 71-АПА19-12 от 15.01.2020 (Калининградская область); Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 33-АПА19-13 от 25.12.2019 (Ленинградская область); Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 9-АПА19-33 от 28.11.2019 (Нижегородская область); Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 11ПВ19 от 18.09.2019 (Московская область); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС19-12083 от 10.10.2019 по делу А40-66220/2018 (Ростовская область). СПС КонсультантПлюс.

власти субъекта РФ. Ранее Конституционный Суд РФ под предлогом процессуального характера воздержался от прямых оценок рассматриваемых норм⁶.

Рассмотрим эти и иные особенности отдельных элементов механизма перераспределения полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

Целеполагание или для чего используется механизм перераспределения полномочий

В законах субъектов РФ, пояснительных записках к ним практически не упоминается о том, какие позитивные последствия будут возникать для жителей муниципального образования [9–12]. Очевидно, что использование данной конструкции больше отвечает интересам органов государственной власти субъектов РФ, способствует выстраиванию единой вертикали власти, упрощает принятие решений по ряду чувствительных вопросов [13].

На этом фоне выделяются некоторые субъекты РФ, в которых институт перераспределения полномочий использовался для оформления агломераций [14]. К их числу можно отнести Нижегородскую область, Приморский край. Эксперты вполне закономерно обращают внимание на то, что «поднятие наверх» полномочий в рамках агломерационного строительства не означает снятие необходимости межмуниципального согласования⁷. Более того, подобная практика приводит к коллизиям полномочий федеральных и региональных органов государственной власти, а также федерального и регионального статуса территорий⁸.

Анализ складывающейся правоприменительной практики показывает, что при принятии решения о перераспределении полномочий каких-то критериев разумности, целесообразности, эффективности не формулируется. Эксперты обращают внимание на то, что предварительная оценка эффективности планируемого решения не проводится, хотя инструментарий оценки регулирующего воздействия известен. Суды отклоняют подобные

требования, даже если заявители указывают на их необходимость⁹. В Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 91-АПГ15-9 от 23.09.2015 (Псковская область) говорится, что закон не предусматривает проведение публичных слушаний по вопросу перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

К сожалению, никто не анализирует, как соответствующая деятельность будет осуществляться для тех, кто является выгодоприобретателями от перераспределения полномочий, что произойдет для них, что изменится, если перераспределение состоится, будет ли готова вся регулятивная система¹⁰. Ситуация усугубляется тем, что как эффективность принимаемых решений, так и отсутствие таковой формально не влекут негативных юридических последствий.

Давно выработанный и многократно апробированный принцип субсидиарности, ранее закрепленный в Европейской Хартии местного самоуправления, означает, что передача какой-либо функции какому-либо другому органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии¹¹.

Полнота, комплексность и цельность перераспределяемых полномочий

Многие эксперты, исследуя объем фактически перераспределяемых полномочий, констатируют возникающую асинхронность реализации и хаотичное раздробление перераспределяемых полномочий. Например, в Нижегородской области полномочия по утверждению генеральных планов, правил землепользования и застройки, территориального планирования были перераспределены в пользу органов государственной власти субъектов РФ, а полномочия по утверждению местных нормативов градостроительной деятельности остались за органами местного самоуправления¹². Есть масса примеров того, что полномочия в градостроительной сфере

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации муниципального образования «Городской округ "Город Нарьян-Мар"» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 1.2 ст. 17 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Определение Конституционного Суда РФ № 2575-О от 24.11.2016. *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Материалы круглого стола «Перераспределение муниципальных полномочий в сфере градостроительной деятельности: тенденции к централизации и контроль за их осуществлением», прошедшего 16.11.2023 в Екатеринбурге в рамках Общероссийского форума стратегического развития «Города России: новые рубежи».

⁸ См. напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ N 56-АПГ16-17 от 29.09.2016 (Приморский край). *СПС КонсультантПлюс*.

⁹ См. напр.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 91-АПГ15-9 от 23.09.2015 (Псковская область); Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 1-АПА19-13 от 14.08.2019 (Архангельская область). *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ Материалы круглого стола...

¹¹ Европейская хартия местного самоуправления. Утратила силу на основании ФЗ № 43-ФЗ от 28.02.2023 «О прекращении действия в отношении РФ международных договоров Совета Европы».

¹² Материалы круглого стола...

перераспределяются органам государственной власти субъектов РФ, а корреспондирующие им полномочия в сфере землепользования остаются за органами местного самоуправления. Очевидно, что подобная практика существенно затрудняет деятельность на соответствующей территории, создает препятствия для ее развития.

В законах о перераспределении полномочий, как правило, указывается, какие полномочия изымаются (приводится перечень), у кого (каких муниципальных образований) и на какой срок. При этом не оговаривается, что будет с муниципальной собственностью, сформированной для осуществления соответствующих полномочий, или со специалистами, которые их осуществляли (далеко не всегда на региональном уровне имеются собственные кадры, необходимые для осуществления соответствующей деятельности).

В ст. 50 Закона о местном самоуправлении установлен принцип связанности имущества и вопросов местного значения – в собственности муниципального образования может находиться имущество, предназначенное для решения вопросов местного значения. Если часть полномочий по решению вопросов местного значения перераспределяется на региональный уровень, то что происходит с имуществом? А если оно не передается на региональный уровень, то как там реализуются соответствующие полномочия? На практике органы местного самоуправления вынуждены менять профильность имущества, чтобы сохранить в составе муниципальной собственности.

Поэтому, если на начальном этапе полномочия органов местного самоуправления изымались на 5 лет, то постепенно этот срок был увеличен до 10 лет, а в ряде случаев стал бессрочным. Одна из причин формирования такой практики – гарантия стабильности трудоустройства муниципальных и государственных служащих, участвующих в реализации соответствующих полномочий, защищенность их трудовых прав, в том числе в части сохранения стажа государственной и/или муниципальной службы, льгот и др.

Анализ содержания законов субъектов РФ показывает, что все изъятое у органов местного самоуправления полномочия финансируются за счет средств бюджетов субъектов РФ.

Отмена закона о перераспределении и возврат полномочий органам местного самоуправления

Любопытно, что примеров отмены законов о перераспределении полномочий или прекращения их действия довольно мало. В качестве иллюстрации можно привести практику Владимирской и Свердловской областей [12]. Во Владимирской области был принят закон о прекращении действия ранее принятого закона¹⁵. В Свердловской области были приняты два закона: о внесении изменений в ранее принятый закон и о признании утратившим силу закона¹⁴.

В апелляционном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № 46-АПГ16-10 от 30.08.2016 исследуется вопрос, связанный с возвратом полномочий, ранее перераспределенных на основании закона субъекта РФ, после истечения срока действия закона о перераспределении полномочий. Такой вопрос возник в Самарской области. Дело в том, что возникло недопонимание относительного того, в качестве каких полномочий их возвращать – как полномочия по решению вопросов местного значения или как надельные органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что перераспределение полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления от одного уровня публичной власти к другому не влечет изменения их правовой природы и соответствия их тому или иному предмету ведения или вопросу местного значения (если при этом не меняется принадлежность тому или иному уровню публичной власти самого предмета ведения или вопроса местного значения). Таким образом, перераспределение полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в пользу органов государственной власти не прекращает их статус полномочий по решению вопросов местного значения. Они по-прежнему остаются полномочиями, осуществление которых направлено на решение вопросов местного значения. Государственными они с точки зрения уровня публичной власти не становятся. Государственными становятся лишь органы, которые после перераспределения должны их осуществлять.

¹⁵ О прекращении осуществления исполнительными органами государственной власти Владимирской области полномочий органов местного самоуправления муниципального образования город Владимир Владимирской области в области градостроительной деятельности. Закон Владимирской области № 129-ОЗ от 06.12.2018. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ О внесении изменений в ст. 2 Закона Свердловской области «О перераспределении отдельных полномочий в сфере градостроительной деятельности между органами местного самоуправления муниципального образования "город Екатеринбург"». Закон Свердловской области № 47-ОЗ от 31.05.2017; О признании утратившим силу Закона Свердловской области «О перераспределении отдельных полномочий в сфере градостроительной деятельности между органами местного самоуправления муниципального образования "город Екатеринбург" и органами государственной власти Свердловской области». Закон Свердловской области № 116-ОЗ от 08.12.2021. СПС КонсультантПлюс.

Контроль и ответственность за реализацию полномочий

Данный вопрос практически нигде на законодательном уровне не урегулирован, хотя является достаточно важным. Если вопрос местного значения остается, а полномочия по его решению полностью или частично перераспределяются в пользу органов государственной власти субъектов РФ, то могут ли органы местного самоуправления осуществлять контроль за деятельностью органов государственной власти? Обязаны ли органы государственной власти субъекта РФ отчитываться перед органами местного самоуправления за полноту и качество осуществляемой деятельности (например, в части оказания соответствующих услуг гражданам, бизнесу). Кто несет ответственность?

Стабильность и прогнозируемость регулируемых отношений

Возможность изъятия полномочий органов местного самоуправления делает муниципальные образования незащищенными и уязвимыми в контексте долгосрочного планирования развития территории. В любой момент полномочия могут быть изъятые, и органы государственной власти не обязаны согласовывать свои решения с органами местного самоуправления при принятии соответствующих законов. Но как быть с инвестиционными кредитами, концессионными соглашениями, ГЧП (МЧП) и другими долгосрочными инструментами развития? Аналогичные вопросы возникают и при реализации жителями своих проектов развития территории (в рамках инициативного бюджетирования, инициативных проектов и т. п.).

Массовое перераспределение полномочий в градостроительной сфере возможно и отвечает интересам субъектов РФ (особенно в части реализации национальных проектов, связанных со строительной деятельностью), однако, скорее, демонстрирует неумение выстраивать конструктивные отношения взаимодействия с иным уровнем публичной власти.

Заключение

Принцип поддержания доверия рассматривается в качестве ключевого принципа права [15; 16]. Судьи Конституционного Суда РФ обращают внимание на то, что важным условием поддержания доверия граждан к закону и действиям государства является стабильность правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм [17; 18]. В настоящее время именно об этом говорится в ст. 75.1 Конституции РФ, которая была добавлена в 2020 г.: в РФ создаются условия для взаимного доверия государства и общества [19–22]. Поддержание доверия имеет много аспектов, среди которых особенно следует выделить стабильность и прогнозируемость отношений, а также недопустимость нарушения прав. На последнее, кстати, указывалось в Заключении Конституционного Суда РФ № 1-3 от 16.03.2020. Принцип защиты доверия (законных ожиданий) призван обеспечить стабильность и предсказуемость решений и действий органов публичной власти в отношениях, возникающих с участием невластных субъектов [23; 24, с. 82–83].

Анализ сложившейся регуляторной политики, правоприменительной практики показывает, что институт перераспределения полномочий в существующем виде идет вразрез с конституционными принципами по поддержанию доверия к власти, приводит к умалению местного самоуправления.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бабичев И. В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ. *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 2. С. 51–57. [Babichev I. V. Constitutional novelties for a local self-government: An analysis. *Constitutional and municipal law*, 2021, (2): 51–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-51-57>
2. Кухаренко Л. В. Трансформация полномочий органов местного самоуправления в области градостроительной деятельности в связи с принятием Закона № 494-ФЗ. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2023. № 5. С. 87–93. [Kukharenko L. V. Urban planning powers of local authorities in the context of legal regulation of complex development of territories. *Property relations in the Russian Federation*, 2023, (5): 87–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mzjtap>
3. Гаврилов Е. В. О некоторых проблемах федерального законодательного регулирования перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2020. № 4. С. 17–20. [Gavrilov E. V. On some issues of the federal legislative regulation of redistribution of powers between local self-government and government

- authorities of constituent entities of the Russian Federation. *Municipal Service: Legal issues*, 2020, (4): 17–20. (In Russ.)]
4. Гриценко Е. В. Муниципальная реформа в фокусе решений Конституционного Суда России: новое в материально-правовых и процессуальных подходах. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2016. № 5. С. 43–71. [Gritsenko E. V. The municipal reform in the focus of the Russian Constitutional Court: New substantive and procedural approaches. *Comparative Constitutional Review*, 2016, (5): 43–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2016-5-43-71>
 5. Шугрина Е. С. Некоторые особенности осуществления полномочий по решению вопросов местного значения. *Конституционно-правовые проблемы эффективной власти в России и зарубежных государствах*, ред. А. А. Ларичева. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2017. С. 214–231. [Shugrina E. S. Exercise of powers to resolve issues of local significance. *Constitutional and legal problems of effective government in Russia and foreign countries*, ed. Laricheva A. A. Petrozavodsk: Karelian branch of RANEPА, 2017, 214–231. (In Russ.)]
 6. Бялкина Т. М. Конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения на современном этапе муниципальной реформы. *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 5. С. 69–73. [Byalkina T. M. Constitutional principle of independence of the local government in the settlement of issues of local importance at the modern stage of municipal reform. *Constitutional and municipal law*, 2016, (5): 69–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vwwcrz>
 7. Нанба С. В. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования. *Журнал российского права*. 2016. № 6. С. 32–40. [Nanba S. B. Redistribution of powers: Interrelation of federal and regional regulation. *Journal of Russian Law*, 2016, (6): 32–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/19763>
 8. Соловьёв С. Г. Правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий – конец российских самоуправленческих иллюзий. *Вестник Омской юридической академии*. 2016. № 3. С. 10–16. [Solov'ev S. G. The legal mechanism of redistribution of municipal powers: The end of Russian self-governing illusions. *Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2016, (3): 10–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-3-10-16>
 9. Шугрина Е. С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или опять о перераспределении полномочий. *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 11. С. 71–75. [Shugrina E. S. Entities having authority to address local issues, or once again on reauthorization. *Constitutional and municipal law*, 2016, (11): 71–75. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xegkvz>
 10. Кожевников О. А. Дискуссионные вопросы права субъекта РФ перераспределять полномочия органов местного самоуправления в пользу органов государственной власти субъектов РФ через призму конституционно-правовой и экономической основы местного самоуправления. *Муниципальное имущество: право, экономика, управление*. 2016. № 1. С. 53–56. [Kozhevnikov O. A. Debatable issues of the right of the Russian Federation constituent entity to redistribute powers of local authorities in favor of governmental authorities of the Russian Federation constituent entities through the prism of constitutional law and economic basis of the local self-government. *Municipal property: economics, law, management*, 2016, (1): 53–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wgppvp>
 11. Пешин Н. Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018. № 2. С. 44–48. [Peshin N. L. On the admissibility of redistribution of powers between government bodies and self-government bodies. *State power and local self-government*, 2018, (2): 44–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-2-44-48>
 12. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Функционально-правовые ориентиры местного самоуправления: теоретический аспект. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 5. С. 94–115. [Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V. Functional and legal milestones for local governance: Theoretical aspects. *Comparative Constitutional Review*, 2017, (5): 94–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-5-94-115>
 13. Уваров А. А. О динамике компетенционных возможностей местного самоуправления в России. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2021. № 3. С. 26–29. [Uvarov A. A. On the dynamics of competence opportunities of local self-government in Russia. *Municipal service: Legal issues*, 2021, (3): 26–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2021-3-26-29>
 14. Шугрина Е. С. Модели управления российскими агломерациями. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018. № 2. С. 39–43. [Shugrina E. S. Models of management of Russian agglomerations. *State power and local self-government*, 2018, (2): 39–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-2-39-43>
 15. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: Юрист, 2004. 192 с. [Kokotov A. N. *Trust. Mistrust. Law*. Moscow: Iurist, 2004, 192. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xbnsgv>

16. Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2014. № 5. С. 97–108. [Kokotov A. N. The constitutional principle of trust in the practice of the constitutional court of the Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*, 2014, (5): 97–108. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxldsb>
17. Бондарь Н. С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ). *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 10. С. 4–11. [Bondar N. S. Legal certainty as the universal principle of constitutional norm control at the Constitutional Court of the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*, 2011, (10): 4–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/okrlfh>
18. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии. *Журнал конституционного правосудия*. 2012. № 5. С. 12–20. [Gadzhiev G. A., Kovalenko K. A. The principle of legal certainty in constitutional justice. *Journal of Constitutional Justice*, 2012, (5): 12–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjsnaj>
19. Нарутто С. В., Никитина А. В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе. *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 7. С. 13–18. [Narutto S. V., Nikitina A. V. The constitutional principle of trust in the modern Russian society. *Constitutional and municipal law*, 2022, (7): 13–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-7-13-18>
20. Комкова Г. Н. Взаимное доверие государства и общества – конституционный приоритет современной России. *Взаимное доверие государства и общества в конституционном строе России: XIII Междунар. Конституц. Форум. (Саратов, 15–17 декабря 2021 г.)* Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 81–84. [Komkova G. N. Mutual trust of the state and society – the constitutional priority of modern Russia. *Mutual trust of the state and society in the constitutional system of Russia: Proc. XIII Intern. Constitut. Forum, Saratov, 15–17 Dec 2021. Saratov: Saratovskii istochnik*, 2022, 81–84. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fuezve>
21. Степкин С. П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки. *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 10. С. 30–44. [Stepkin S. P. The doctrine of "trust" in modern constitutional law: Emergence, prospects for development and evaluation. *Actual problems of Russian law*, 2023, 18(10): 30–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044>
22. Каменская Е. В. Взаимное доверие общества и государства. *Взаимное доверие государства и общества в конституционном строе России: XIII Междунар. Конституц. Форум. (Саратов, 15–17 декабря 2021 г.)* Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 69–71. [Kamenskaya E. V. Mutual trust of society and the state. *Mutual trust of the state and society in the constitutional system of Russia: Proc. XIII Intern. Constitut. Forum, Saratov, 15–17 Dec 2021. Saratov: Saratovskii istochnik*, 2022, 69–71. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mrkvec>
23. Кустов С. С. Отмена решений об утверждении генеральных планов и документов градостроительного зонирования муниципальных образований: правовые основы и практика правоприменения. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. № 6. С. 38–40. [Kustov S. S. Cancellation of decisions on approval of master plans and documents of urban development zoning of municipal structures: Legal grounds and the law enforcement practice. *State power and local self-government*, 2023, (6): 38–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-6-38-40>
24. Шугрина Е. С. Основы местного самоуправления. Настольная книга депутата и муниципального служащего. Калининград: Полиграфыч, 2023. 336 с. [Shugrina E. S. *Fundamentals of local government. The handbook of a deputy and a municipal employee*. Kaliningrad: Poligrafych, 2023, 336. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/avhdwe>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/frnnpj>

Формирование профессиональной судебной корпорации в России (XVIII–XXI вв.)

Лонская Светлана Владимировна

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия, Калининград

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

slonskaya@kantiana.ru

Аннотация: В статье комплексно раскрываются теоретико-исторические аспекты формирования профессиональной судебной корпорации в России в XVIII–XXI вв. Цель – уточнить понятийно-категориальный аппарат теоретико-исторических исследований проблем судебной власти и смоделировать процесс формирования профессиональной судебной корпорации в России в XVIII–XXI вв. Проблема профессий и профессиональных корпораций как социальных явлений дискутируется и социологами. Для юристов ответы, полученные социологами, имеют значение в исследовании судебной корпорации, истории ее становления и последующего развития. На основе методологии структурно-функционального подхода и модели профессионализации социолога Г. Виленского предложена авторская трактовка соотношения категорий *профессия судьи*, *судейский корпус*, *судейская корпорация*; установлены направления процесса формирования профессиональной судебной корпорации в России в XVIII–XXI вв.; представлена периодизация указанного процесса. Обоснован вывод, что обособленная и постоянная судебная функция обуславливает возникновение профессионального судебного корпуса, формой организации которого становится профессиональная судебная корпорация. Совокупность всех этих элементов составляет профессию судьи. Формирование судебной корпорации осуществлялось в России в трех направлениях: нормативном, организационном и символическом, с высокой степенью регулирующего воздействия государства. Сделан вывод, что началом формирования судебной профессии и профессиональной корпорации в России стали судебные реформы XVIII в., а завершение процесса – медленного, нелинейного и дискретного – следует отнести только к XXI в. Именно в течение указанного исторического периода завершились все необходимые стадии профессионализации, а профессиональная корпорация окончательно стала формой организации российского судебного корпуса. В истории формирования профессиональной судебной корпорации в России XVIII–XXI вв. выделено пять этапов: первый этап (XVIII в.); второй этап (первая половина XIX в.); третий этап (1864–1917 гг.); четвертый этап (1917–1989 гг.); пятый этап (1989 г. – начало XXI в.).

Ключевые слова: профессия судьи, судейский корпус, судебная корпорация, история суда, Россия

Цитирование: Лонская С. В. Формирование профессиональной судебной корпорации в России (XVIII–XXI вв.). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 195–204. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-195-204>

Поступила в редакцию 04.03.2024. Принята после рецензирования 25.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Development of Professional Judicial Corporation in Russia in XVIII–XXI centuries

Svetlana V. Lonskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

SLonskaya@kantiana.ru

Abstract: The article introduces a comprehensive analysis of professional judicial corporation in Russia in the XVIII–XXI centuries in its theoretical and historical aspects. The research objective was to clarify the concept and categories of judicial power, as well as to model the process of its development in Russia. The issue of professions and professional corporations as social phenomena is a matter of sociology. For lawyers, sociological studies are important in connection with the issue of judicial corporation development, i.e., its theoretical and historical development. The author relied

on the structural and functional approach to the professionalization model developed by sociologist G. Vilensky, who interpreted the categories of judicial profession, judiciary, and judicial corporation. The authors revealed the directions in the development of the professional judicial corporation in Russia in the XVIII–XXI centuries and periodized this process. A separate and permanent judicial function determined the emergence of professional judiciary, organizationally represented by a professional judicial corporation. The profession of a judge is all these elements combined. The judicial corporation developed in Russia in three directions, i.e., normative, organizational, and symbolic, with a prominent regulatory influence of the state. The judicial profession and professional corporation started to develop in Russia during the judicial reforms in the XVIII century. This slow, nonlinear, and discrete process was completed as late as in the XXI century with all the necessary stages of professionalization: the professional corporation finally became the organization form of the Russian judiciary. The authors revealed five stages in the history of the professional judicial corporation in Russia: 1) XVIII century; 2) the first half of the XIX century; 3) 1864–1917; 4) 1917–1989; 5) 1989 – early XXI century.

Keywords: profession of a judge, judiciary, judicial corporation, judiciary history, Russia

Citation: Lonskaya S. V. Development of Professional Judicial Corporation in Russia in XVIII–XXI centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 195–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-195-204>

Received 4 Mar 2024. Accepted after review 25 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Одним из первых в современной отечественной историко-правовой науке обратился к проблемам формирования судейского корпуса и профессиональной судейской корпорации в России Д. О. Серов: вначале в статье 2008 г. [1], а затем в своей классической монографии о судебной реформе Петра I [2]. Он же дал судейскому корпусу и первое в историко-правовой науке определение [2, с. 253–254]. Впоследствии эта проблематика нашла отражение в работах многих других исследователей [3–10].

Проблема профессий и профессиональных корпораций как социальных явлений дискутируется и социологами. Для юристов ответы, полученные социологами, имеют значение в исследовании судейской корпорации, истории ее становления и последующего развития. Существенный вклад в эту область был внесен В. В. Волковым и др., чья монография «Российские судьи: социологическое исследование профессии» значительно расширила наши представления о предмете [11]. В то же время авторы монографии при изучении проблемы сознательно отбросили исторический промежуток до середины XX в., полагая, что он избыточен для изучения судейского корпуса начала XXI в., и период Империи, если и связан с этим временем, то лишь опосредованно, т. е. через послереволюционные преобразования [11, с. 55]. Действительно, разрыв советской системы с предшествующей можно трактовать как дискретность исторического развития в XX в. (хронопаузу, хроноразрыв) [12, с. 19–20]. Однако хроноразрыв не исключает преемственности [12, с. 39–40], и более широкому историко-правовому взгляду на проблему эта трактовка не мешает.

Таким образом, степень разработанности проблемы формирования судейской корпорации в отечественной

науке хоть и довольно существенна, но дает основания дополнительно выдвинуть ряд вопросов, требующих дальнейшего осмысления.

Судейский корпус и судейская корпорация – как соотносятся эти категории? Насколько верно, что в социальной структуре мы можем выделять юридическую корпорацию как группу, которую отличает принадлежность к юридической деятельности в целом, так и отдельные корпорации (адвокатов, нотариусов, судей и т.д.)? Сколько в этих корпорациях профессионального? Как институционализировалась судейская корпорация в России, через какие качественно различные стадии прошла?

Поставленные вопросы определяют главные задачи настоящего исследования: выявить соотношение категорий *профессия судьи, судейский корпус, судейская корпорация*; установить направления, факторы и периодизацию процесса формирования профессиональной судейской корпорации в России.

Методология

В качестве методологической основы исследования приняты структурно-функциональный подход к познанию общественных отношений и модель профессионализации социолога Гарольда Виленского [13], описывающая стадии формирования профессий и профессиональных корпораций. Модель, обоснованная ученым еще в начале 1960-х гг., сохраняет свою эвристическую роль и в современных исследованиях [14], особенно тех профессий, которые давно и прочно приобрели общественное признание (юристы к таковым, безусловно, относятся) [15, р. 34]. По Г. Виленскому, профессии и их корпорации проходят несколько стадий [13, р. 142–146]:

1. Если поначалу большинство профессий выполнялись разово, то со временем они превращаются в постоянное занятие, в полный рабочий день.

2. Постоянный характер работы требует специальных знаний. Им надо обучаться и обучать. Возникают и развиваются учебные заведения, учебные курсы, научные исследования, ученые степени и вся связанная с этим научно-образовательная инфраструктура: университеты, школы, профессора, научные журналы и т. д.

3. Профессионально подготовленные люди, особенно те, кто получил специальные знания в числе первых, создают профессиональную ассоциацию. Те, кто оказался первым, составляют ее костяк, закладывают базовые правила поведения и осуществления деятельности.

4. Наличие профессиональной ассоциации влияет на рынок труда и позволяет не просто конкурировать, а регулировать конкуренцию. Чем более крепнет профессиональная ассоциация, тем больше она стремится к монополизации, исключительности. Для членов ассоциации вводятся квалификационные экзамены и применяются другие меры правовой защиты (например, вводится наказание за работу без соответствующей лицензии и т. п.).

5. Устранение неквалифицированных и недобросовестных лиц, регулирование внутренней конкуренции и внешних коммуникаций, правовая защита, формирование стандартов качества и эталонов поведения воплощаются в формальный этический кодекс – совокупность корпоративных правил.

Модель Г. Виленского основана на эмпирических данных, полученных в индустриальную эпоху, и может адекватно быть применена к периодам Новой и в значительной степени Новейшей истории (XVIII – первая половина XX в.). В новую исследовательскую ситуацию ставят нас постиндустриальная и цифровая эпохи, изменяющие отношение к профессиям и профессионализации и требующие новых подходов к их познанию. Однако известный консерватизм юридической профессии замедляет ее трансформацию, поэтому модель Г. Виленского может быть экстраполирована и на период до начала XXI в., во всяком случае, в приложении к России, где судебная реформа началась в 1990-е гг. на основе принципов, сложившихся еще в индустриальную эпоху.

Следует отметить, что роль государства в формировании профессий и рынка труда, в особенности судейского, имеет принципиальное значение, поскольку суд – это государственная функция. Мысль о роли государственного регулирования в формировании судейской корпорации подчеркивают и исследователи М. Нил и Дж. Морган, выделяя германский (с высокой степенью государственного влияния) и английский (с низкой степенью) варианты [14, р. 20]. Этот подход был использован в настоящем исследовании

при оценке роли государства применительно к российской истории.

Исторический подход применяется в его сравнительно-правовом ракурсе (сравнительно-историческом правовом методе) и в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [12]. Указанный подход дает возможность сравнивать различные состояния профессии судьи, судейского корпуса, судейской корпорации на разных этапах их формирования, устанавливая нелинейный и хронодискретный характер таких явлений и процессов, а также в историко-генетическом методе, позволяющем определить ход этих этапов. Специальные юридические методы формально-юридического анализа и толкования права нашли свое применение в исследовании правовых норм и судебных правоотношений.

Результаты

Профессия судьи, судейский корпус и судейская корпорация

Авторы работы «Российские судьи: социологическое исследование профессии» определяют следующие признаки профессии (профессиональной группы): профессии конституируются особым знанием и компетенциями, самоуправлением и автономией, профессиональной этикой и ограниченным членством; «профессиональные группы используют все вышеперечисленное в конкуренции с другими социальными группами за меру общественного престижа (статус) и за то, чтобы получить и удержать монопольный контроль над сферой деятельности, максимизируя тем самым свой доход в долгосрочной перспективе» [11, с. 9]; юридическая профессия, как полагают исследователи, сегментирована, и профессия (профессиональное сообщество) судьи – один из таких сегментов [11, с. 13–14]. Из такого социологического понимания профессии судьи мы и будем исходить далее. Профессия, таким образом, не сводится только к функции. Род деятельности и функция – лишь исходная точка. *Профессия судьи* – это вид юридической профессии, деятельность на постоянной основе по отправлению правосудия, осуществление которой требует от лица позиционирования себя как носителя судебной власти и части сообщества, наличия специальных знаний и компетенций, соблюдения этических правил поведения, личной и деловой дисциплины.

Определение судейского корпуса, предложенное Д. О. Серовым, носит не столько юридический (формально-правовой), сколько социологический характер: «круг должностных лиц, основная профессиональная обязанность которых состоит в отправлении правосудия» [2, с. 253–254]. В определении обозначен признак профессионализации, единства профессиональной функции для определенной

группы субъектов. Профессия судьи влечет своим появлением и возникновение судейского корпуса. В судейском корпусе можно выделить состав, установить способы его формирования и другие характеристики. Юридическая институализация судейского корпуса происходит через правовой статус судьи. *Судейский корпус* – это совокупность лиц, принадлежащих к профессии судьи, т. е. лиц, чьей профессиональной обязанностью является отправление правосудия.

Термин *судейская корпорация* встречается в научной литературе как синоним судейского сообщества [16; 17]. Корпорация, как правило, определяется через родовые понятия сообщества или объединения. В то же время Е. В. Бурдина приходит к выводу, что судейское сообщество – это особый феномен: профессиональное публично-правовое образование, имеющее признаки и корпорации, и учреждения [18, с. 91]. С точки зрения правовой характеристики такая трактовка современного российского судейского сообщества обоснована. Но очевидно, что в другие эпохи, в других государствах корпорация (объединение, сообщество) судей может приобрести иную организационно-правовую форму, эволюционировать.

В качестве инструментального определения, позволяющего изучать судейское сообщество, предпочтительнее, на наш взгляд, остановиться также на социологическом понимании профессиональной корпорации. Для нее в социологическом смысле характерны профессиональный признак объединения, самоуправление и автономия. Основная задача такой корпорации – представление и защита профессиональных интересов как среди своих членов, так и во внешних отношениях. Она обладает организационным единством (в том числе и органами управления), внутренними стандартами поведения. Все эти признаки должны быть присущи и профессиональной судейской корпорации, юридически институализированной через какую-либо организационно-правовую форму.

Судейская корпорация возникает, если следовать стадиям Г. Виленского, на третьем шаге, когда появилась постоянная судейская функция и затем профессиональная группа (тот самый судейский корпус), которая составит «тело» судейской корпорации. Корпорация, в свою очередь, становится формой организации судейского корпуса. На следующих стадиях она развивается до зрелого уровня, а вместе с ней и профессия судьи. От того, насколько развита профессия судьи, настолько можно и рассуждать об уровне профессиональности судейской корпорации.

Итак, *профессиональная судейская корпорация* – это форма организации судейского корпуса, обладающая организационным и профессиональным единством, обособленностью, самоуправлением и автономностью, внутренними стандартами поведения, выступающая от имени судей и судейского корпуса и представляющая их интересы.

Направления формирования профессиональной судейской корпорации в России

Как заметил Д. О. Серов, только при Петре I (в Кратком изображении процессов или судебных тяжб¹, ст. 6 гл. 1) слово *судья* стало употребляться в современном смысле [2, с. 254], хотя слова *суд*, *судья* уже встречаются в древнеславянском (старославянском) языке и праве в ранних письменных памятниках (Повесть временных лет² (ПВЛ), Русская Правда и др.).

Этимология слова *суд* восходит к индоевропейской приставке *som* (co-) и корню *dhē* (дело)³ и изначально может пониматься как *сделанное вместе*. ПВЛ, однако, употребляет эти слова чаще всего в библейском контексте и, пожалуй, только во фразе Олега Святославича (Гориславича) *Ньсть льпо судити епископомъ и чернъцемъ или смердомъ* в слове *судити* можно усмотреть политико-правовую реальность. Русская Правда, начиная с заголовка (*Суд Ярославль Володимерич*), открывает традицию называть судьями государственных агентов, которые осуществляют государственную функцию рассмотрения правовых конфликтов: судья – тот, кто судит. Позднее, с XV в., *суд* будет противопоставляться *сыску*, а затем и *розыску*, как состязательная форма процесса – инквизиционным. И только в XVIII столетии, как и отмечено Д. О. Серовым, судья – это не любой глава приказа, а конкретное должностное лицо, за которым стоит определенная функция.

До первой четверти XVIII в. судебная функция в российском государстве была растворена в администрации: она осуществлялась исключительно административными органами, которые представляли собой одновременно и специализированные суды. Многочисленность органов и пересечение их компетенции создавали типичную для домодерной государственности ситуацию, образно определенную Д. О. Серовым как *судебная чересполосица*.

Изменяется ситуация в период судебных реформ XVIII в., а затем и Великих реформ XIX в. Важнейшим следствием этих преобразований стало создание государственных органов, специализирующихся на осуществлении правосудия, а также обособление

¹ Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Полное собрание законов Российской империи: 1-е собр. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. С. 382–411.

² Повесть временных лет. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. С. 216.

судебной функции (но не отделение ее в смысле теории разделения властей). Таким образом, преимущественно судебные реформы XVIII в. создали условия для выделения должности судьи из ряда других государственных должностей, приобретения судьями своего особого статуса, формирования судейской профессии, т. е. придали начальный импульс процессу формирования профессиональной судейской корпорации в России.

Представляется, что формирование судейской профессии, а затем и судейской корпорации осуществлялось в России в XVIII–XIX вв. (это наблюдение может быть распространено и на реалии XX–XXI вв.) в трех направлениях: нормативном, организационном и символическом.

В рамках нормативного направления в результате активного законодательства складываются правовые отрасли и институты, регулирующие судебно-правовые отношения, в том числе: статусные нормы (например, наделение полномочиями), институт юридической ответственности судей, судоустройство, процессуальное право. Фактически можно рассматривать это и как становление комплексной отрасли судебного права [19]. Накопление нормативно-правового материала в сфере судебной власти в течение XVIII–XIX вв. логично подытоживается добавлением в 1892 г. к Своду Законов Российской империи самостоятельного судебно-правового 16-го тома. Законодательская активность в этот период была неравномерной, ее пики приходится на правления Петра I и Екатерины II (судебные реформы XVIII в.), Александра II и Александра III (Великие реформы и контрреформы).

В рамках организационного направления формирования профессиональной судейской корпорации происходила специализация государственных органов на судебной функции, не до конца доведенная и даже откатившаяся в период судебной реформы Петра I (например, совмещение суда и администрации в коллегиях и Сенате) и завершенная в целом Екатериной II (созданием сословного суда равных). Существенным шагом вперед стало нормативное закрепление штатов судебных органов, в составе которых выделялись как судьи, так и аппарат судебных учреждений, отнесение штатных должностей к государственной службе и вписывание их в Табель о рангах. С XVIII в. шел процесс упорядочения судебных инстанций, завершившийся четкими очертаниями судоустройства в период Судебной реформы 1864 г. Появились специальные органы судебного управления: Юстиц-коллегия, а в начале XIX в. – Министерство юстиции. Была создана система контрольных органов (сенатский генерал-рекётмейстер, фискалитет, прокуратура), надзирающих за законностью в деятельности судебных и административных учреждений.

Третьим направлением стала символизация судебного пространства государства, установление и освоение различных форм судебной символики (материальных, ментальных, вербальных, невербальных). Судебной коммуникации имманентен символизм, он сопровождает ее с древнейших времен. Но именно в период реформ Петра I символика правосудия обновляется, активно продвигается государством, способствуя решению задач специализации судебной функции, укреплению идеи единого имперского судебного пространства [20]. Судебная символика со временем пополнялась, например, нагрудными цепями и знаками для судей и служащих судебного аппарата. Все это выделяло судей из массы прочих государственных агентов, напоминало о принципах (стандартах) профессиональной деятельности, профессиональной этике.

Процесс формирования профессиональной судейской корпорации в России

Начиная с первой четверти XVIII в. и к концу этого столетия судебная функция в России достаточно обособилась, а судейство стало постоянным занятием для целой когорты государственных служащих. Первая стадия формирования профессии может быть зафиксирована [13]. А что же с профессиональной квалификацией этих лиц и переходом ко второй стадии профессионализации и далее к третьей, к началу формирования собственно профессиональной корпорации (ассоциации)?

До середины XIX в. нормативно установленные квалификационные требования к судьям отсутствовали. Судебные уставы 1864 г., утвердив таковые, не сделали их исключительно юридическими: наличие аттестата об окончании курса юридических наук в качестве альтернативы могло быть заменено подтверждением на службе своих познаний по судебной части (ст. 202 Учреждения судебных установлений⁴). К мировым судьям ценз юридического образования и вовсе не предъявлялся, и даже служба не менее трех лет в должностях, где можно приобрести практические сведения о производстве судебных дел, была альтернативным и необязательным условием (ст. 19 Учреждения судебных установлений). Ситуация отсутствия строгого образовательного ценза для судей сохранялась не только до падения монархии в 1917 г., но и почти до распада СССР: требование наличия высшего юридического образования было впервые закреплено только в 1989 г. в ст. 8 закона СССР «О статусе судей в СССР».

На деле ситуация *de jure* не всегда детерминировалась *de facto*. В XVIII в. предъявлять требования юридического образования было попросту не к кому: подготовка квалифицированных юристов

⁴ Учреждение судебных установлений. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Б. м.: Б. и., 1864. С. 1–65.

в России практически не велась. Обучение юристов в Академическом университете, в Московском императорском университете или в иностранных университетах можно считать несостоявшимися проектами [21, с. 31–33; 22].

В первой четверти XIX в. университетская сеть растет, учреждаются специализированные высшие учебные заведения. Однако с 1840 по 1863 г. юридическое образование в России получили лишь 3650 человек [23, с. 105–106], за всю историю Императорского училища правоведения – около 2,5 тыс.⁵ Это еще раз подкрепляет мнение Д. О. Серова, что в XVIII – первой половине XIX в. «наибольшими знатоками законодательства стали не судьи, а служащие аппарата суда» [2, с. 267]. Судебная реформа 1864 г. способствовала популярности юридического образования (в 1914 г. во всей Империи обучались праву 12,5 тыс. человек [24, с. 5–6]), но доля лиц с аттестатом об окончании курса юридических наук в судебном корпусе стала падать к концу 1870-х гг., а к концу 1880-х гг. вновь пошел рост (например, у мировых судей [25]).

Ситуация с юридическими кадрами после Великой русской революции и вовсе начала развиваться с нуля: советских юристов надо было готовить совершенно по-новому. Несмотря на период фактического уничтожения университетского юридического образования в 1930-е гг., накануне Великой Отечественной войны ежегодный выпуск юристов в СССР составлял около 3 тыс. человек [26, с. 162], а в 1960-е гг., когда увеличивалось число и университетских факультетов, и ведомственных специализированных вузов, эта цифра удвоилась [24, с. 5]. Общее число судей и прокуроров в СССР в 1939 г. составляло 20,2 тыс. человек, а в 1959 г. – 23 тыс. человек (всех работников юридической сферы – 62,4 тыс. человек и 78,7 тыс. человек соответственно)⁶. Произошла деквалификация судебного корпуса. Заполнить все, даже только судебские вакансии, кадрами с высшим юридическим образованием не представлялось возможным. Не стремилось к этому и государство, не проявляя соответствующей политической воли. Как точно подметил Д. О. Серов, «советский законодатель оказался столь же загадочно "медлительным", как и императорский» [27, с. 81]. Естественное накопление массы дипломированных юристов в СССР к концу 1980-х гг. все же позволило полностью довести укомплектованность судебного корпуса лицами с высшим юридическим образованием: на 1 января 1989 г. 99,9 % народных судей имели высшее юридическое образование (судьи областных и приравненных к ним судов, судьи Верховных судов союзных

республик и Верховного суда СССР – на 100 %)⁷. С этим процессом совпал политический курс, направленный на построение правового государства и судебную реформу, что и привело к появлению исторической новеллы о требовании к кандидатам в судьи обязательного ценза высшего юридического образования.

Таким образом, профессиональная функция судьи в России как род занятий хоть и сложилась в XVIII–XIX вв., но вплоть до конца XX в. оставалась работой, не требующей строгих квалификационных требований. Могло ли в таком случае судебское сообщество прийти к своей профессиональной ассоциации? Да, могло, но только при активной помощи и регулирующем воздействии государства, т. е. по германскому варианту.

Вряд ли можно обнаружить автономию и самоуправление судей как некоего *профессионального тела* (корпорации) до второй половины XIX в. Суд того времени – хоть и специализированный орган, но вписанный в систему государственной бюрократии и сословного общества. Поэтому бюрократического судебного управления там достаточно, а элементы самоуправления растворены в сословных корпорациях (реформы Екатерины II закрепили сословную судебную организацию) [28; 29].

Все меняется в период Судебной реформы 1864 г.: Судебные уставы создают систему судебского самоуправления сверху, по воле законодателя. Но эту систему нельзя назвать ни единой в организационном плане, ни автономной, т. к. в ней четко считывается несколько сегментов: коронные суды, мировая юстиция, сословно-специализированные суды (военные, духовные и др.). Общий контроль над органами самоуправления осуществлял министр юстиции. Это самоуправление не предусматривало отдельной системы органов. Фактически они совпадали с судебными учреждениями. Уездные съезды мировых судей стали основным органом судебской корпорации в сегменте мировой юстиции, структурно отделенной от коронных судов, преимущественно выборной, причем с низкими квалификационными требованиями к судебскому корпусу. В сегменте коронных судов аналогичную роль играли общие собрания судебных мест (отделений окружных судов, департаментов судебных палат и кассационных департаментов Сената). При дифференцированности судебной системы и правового статуса судьи [30], а значит, соответствующей дифференцированности судебного корпуса, такой же дифференцированной будет и сама судебская корпорация.

⁵ Пашенный Н. Л. Императорское училище правоведения и правovedы в годы мира, войны и смуты. Мадрид: Комитет правovedской кассы, 1967. С. 415–453.

⁶ Народное хозяйство в СССР в 1960 г. *Статистический ежегодник*. М.: Госстатиздат, 1961. С. 34.

⁷ Народное хозяйство в СССР в 1988 г. *Статистический ежегодник*. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 258.

В советский период, помимо временного отката к деквалификации судейского корпуса в 1920–1930-е гг., происходит неразрывно с этим связанный откат и одновременно хроноразрыв и в развитии судейской корпорации. Автономной и самоуправляемой профессиональной ассоциации судей в советский период не существовало: все сводилось к управлению (обеспечению деятельности) в лице вышестоящих судов и органов юстиции при общем советско-партийном воздействии [31]. И только на рубеже XX–XXI вв. в СССР, а затем и в Российской Федерации постепенно сложились организационно-правовые контуры подлинной профессиональной судейской корпорации: в 1989 г. Законом СССР «О статусе судей в СССР» введены первые органы самоуправления – конференции судей и квалификационные коллегии судей, в 1993 г. появился первый этический кодекс – «Кодекс чести судьи РФ»⁸, в 2002 г. принят ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ»⁹. При этом в конце 1980–1990-х гг. судейский корпус сам активно способствовал формированию своей профессиональной корпорации: в октябре 1991 г. был проведен Первый Всероссийский съезд судей, где при участии органов судейского сообщества разрабатывались ключевые судебно-правовые законы¹⁰.

Таким образом, к хроноразрыву Великой русской революции российская судейская корпорация последовательно вошла в заключительные три стадии профессионализации по Г. Виленскому, но только первую можно считать завершённой. Ни исключительности специальных знаний, ни квалификационных экзаменов, ни монополизации, ни этического кодекса российская судейская корпорация к началу XX в. так и не приобрела, оставаясь дифференцированной и недостаточно зрелой. Возможно, это связано с тем, что ей не хватило исторического времени, а государственное регулирование было слишком избыточным и медлительным. Исходя из такой оценки, вполне определенно можно ответить на вопрос: мировые судьи Российской империи, к которым не предъявлялось требование юридического образования и часть из которых (например, почетные мировые судьи) исполняли свои обязанности непостоянно, являлись ли частью профессиональной юридической корпорации или, как полагает М. В. Немытина [6, с. 67], не входили в нее? Мы допускаем, что эта корпорация была еще настолько рыхлой, что сама оказалась недостаточно профессиональной, нежели входящие в нее мировые судьи, которые заслуживали в ней членства. Более того, можно предположить, что в силу

своей изначальной существенной обособленности, выборности, связи с органами местного самоуправления как раз наибольшей завершенности и зрелости внутри судейской корпорации в дореволюционный период достиг именно сегмент корпорации мировых судей. Эта проблема заслуживает дальнейшего исследования.

Отдавая должное Судебной реформе 1864 г., сыгравшей действительно великую роль в истории отечественного государства и права, уточним ее значение в формировании юридической профессии, ее специализаций (судейской, адвокатской, нотариальной и т.д.) и профессиональной юридической корпорации. В данном случае следует вести речь о решающем, но не начальном и не завершающем этапе этого процесса. Что касается отдельных профессиональных юридических корпораций (судейской, адвокатской, нотариальной и др.), то их формирование идет собственными траекториями. Судебная реформа 1864 г. стала исторической контрольной точкой, придала этим процессам новый импульс. Но вопрос, насколько синхронно или асинхронно до и после Судебной реформы такие процессы шли, требует дополнительного изучения.

Стадии профессионализации не всегда точно совпадают с историческими этапами формирования профессиональной судейской корпорации. Как мы показали выше, этот процесс нелинеен (движение вперед чередуется с откатами) и дискретен (включает хроноразрывы). Опираясь на содержание стадий профессионализации и особенности исторического процесса, можно выделить следующие этапы:

Первый этап (XVIII в.): судебные реформы XVIII в., приведшие к тому, что судейство становится постоянным родом деятельности, которая требует полной занятости и специальных познаний; возникает судейский корпус. Этап в основном совпадает с первой стадией профессионализации.

Второй этап (первая половина XIX в.): начало развития научно-образовательной инфраструктуры, создающей условия для получения специальных знаний, поставляющей квалифицированные кадры для судейского корпуса. Это создание основ и начало второй стадии профессионализации, укрепляющей профессиональную функцию и судейский корпус.

Третий этап (1864–1917 гг.): судебная реформа 1864 г.: установление первых квалификационных требований к судьям, создание судейского самоуправления, начало формирования профессиональной судейской корпорации (на данном этапе неавтономной). Пройдя периоды Великих реформ, контрреформ

⁸ Кодекс чести судьи РФ. Утв. Постановлением Совета судей РФ от 21.10.1993. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Об органах судейского сообщества в РФ. ФЗ № 30-ФЗ от 14.03.2002. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ История Совета судей. *Совет судей РФ*. 12.03.2006. URL: <http://ssrf.ru/o-sovietie-sudiei/istoriia/istoricheskie-ochierk/452> (дата обращения: 10.02.2024).

и предреволюционной ситуации, к началу Великой русской революции процесс формирования профессиональной корпорации в этих условиях неопределенности и *политического маятника* не продвинулся дальше третьей стадии по модели Г. Виленского, и в большинстве эти стадии не были завершены.

Четвертый этап (1917–1989 гг.): в советский период произошел откат к состоянию середины XIX в.: деквалификация судебного корпуса, разрушение юридической научно-образовательной среды, сведение самоуправления судей к функции управления судами (обеспечения деятельности судов). Постепенное восстановление качества судебного корпуса началось в 1960-е гг. (годы оттепели), что подготовило реформы судебной власти периода перестройки, а движение по направлению к четвертой и пятой стадиям профессионализации на этом этапе было прервано.

Пятый этап (1989 г. – начало XXI в.): завершение процесса формирования профессиональной судебной корпорации в России (завершение стадий профессионализации), установление строгих квалификационных цензов, развитие системы юридического образования и в целом юридической научно-образовательной инфраструктуры, создание органов судейского самоуправления, принятие этических кодексов.

Заключение

Обособленная и постоянная судебная функция обуславливает возникновение судебного корпуса, формой организации которого становится профессиональная судебная корпорация. Совокупность этих элементов (постоянная функция, судейский корпус, профессиональная судебная корпорация) составляет профессию судьи.

Формирование судейской профессии и затем профессиональной судейской корпорации осуществлялось в России XVIII–XXI вв. в трех направлениях: нормативном, организационном и символическом, по германскому варианту, т. е. с высокой степенью регулирующего воздействия государства. Это воздействие заключалось в закреплении судейской должности как постоянной, установлении основ ее правовой защиты и обособления, инициации сверху и организационно-правовом оформлении судейской профессиональной корпорации (ассоциации) и т. д. Регулирующее воздействие, как и формирование судейской корпорации, осуществлялось в основном медленно, нелинейно, дискретно, с хроноразрывами в историческом времени. Завершение процесса формирования судейской корпорации в России следует отнести только к концу XX – началу XXI в., когда за короткий период с конца 1980-х до начала 2000-х гг. были пройдены и завершены все необходимые стадии профессионализации, а сама профессиональная корпорация, основанная на особой квалификации, автономии и самоуправлении, профессиональной этике и ограниченном членстве, окончательно стала формой организации российского судебного корпуса.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

- Серов Д. О. Зарождение судебного корпуса России (из истории судебной реформы Петра I). *Россия и мир: панорама исторического развития*, ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Волот, 2008. С. 552–560. [Serov D. O. The emergence of the judicial corps of Russia: Peter the Great's judicial reform. *Russia and the World: Panorama of Historical Development*, ed. Redin D. A. Ekaterinburg: Volot, 2008, 552–560. (In Russ.)]
- Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с. [Serov D. O. *Judicial reform of Peter the Great: Historical and legal research*. Moscow: Zertsalo-M, 2009, 488. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxvww>
- Гинзбург Ю. В. Формирование судебного корпуса в СССР в период с 1930-х по 1950-е годы: основные принципы и подходы. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 4. С. 166–175. [Ginzburg Y. V. Formation of the judicial corps in the USSR in 1930s–1950s: Main principles and approaches. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2019, (4): 166–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwdaml>
- Ильина Т. Н. Основные направления реформирования механизма формирования судебного корпуса в России в конце 1980 – начале 1990-х годов. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 4. С. 176–182. [Ilina T. N. Main directions of reforming the mechanism of forming the judicial corps in Russia in the late 1980s – early 1990s. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2019, (4): 176–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxgjgy>
- Ильина Т. Н. Государственная политика в сфере формирования судебного корпуса в России во второй половине XIX – начале XX века. *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. Т. 3. № 12. С. 432–446. [Ilina T. N. State

- policy in the field of the formation in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. *Current issues of the state and law*, 2019, 3(12): 432–446. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-12-432-446>
6. Немытина М. В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 3. С. 66–75. [Nemytina M. V. Judicial reform of 1864 in Russia and the formation of the legal corporation. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2019, (3): 66–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fwrvtbw>
 7. Пашин В. М., Сергунин К. Н. Организация профессиональной подготовки судей и формирование судейского корпуса в советский период Российской государственности. *Вестник Российской правовой академии*. 2020. № 2. С. 104–111. [Pashin V. M., Sergunin K. N. Organization of professional training of judges and formation of the judicial housing in the soviet period of the Russian state. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2020, (2): 104–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-2-104-111>
 8. Саламатова М. С. Образовательный ценз судейского корпуса: особенности становления в России. *Серовские чтения 2022: Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 27–28 октября 2022 г.)* Новосибирск: НИИХ, 2023. С. 55–61. [Salamatova M. S. Judicial educational requirement: Features of evolvement in Russia. *Serov Readings 2022: Proc. All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 27–28 Oct 2022*. Novosibirsk: NSUEM, 2023, 55–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdyghy>
 9. Севрюков Д. С. Особенности формирования судейского корпуса в ходе разработки и принятия Конституции СССР 1936 г. *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 651–671. [Sevryukov D. S. Judicial corps during the development and adoption of the USSR Constitution of 1936. *Genesis: Historical research*, 2015, (3): 651–671. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.3.14460>
 10. Филонова О. И. Статус судьи и кадровая политика формирования судейского корпуса в период нэпа. *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 1. С. 60–66. [Filonova O. I. The status of a judge and personnel policy of forming the judicial corps in the period of New Economic Policy. *Genesis: Historical research*, 2018, (1): 60–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.1.23773>
 11. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М.: Норма, 2015. 272 с. [Volkov V. V., Dzmityrieva A. V., Pozdnyakov M. L., Titaev K. D. *Russian judges: Sociological study of the profession*. Moscow: Norma, 2015, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzsibp>
 12. Демичев А. А., Демичев К. А., Илюхина В. А., Леонов А. П., Лонская С. В., Парамонов А. В., Тимошук А. С. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии. М.: Русайнс, 2021. 176 с. [Demichev A. A., Demichev K. A., Iliukhina V. A., Leonov A. P., Lonskaya S. V., Paramonov A. V., Timoshchuk A. S. *Chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence: Problems of methodology*. Moscow: Rusains, 2021, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lzmmhu>
 13. Wilensky H. L. The professionalization of everyone? *American journal of sociology*, 1964, 70(2): 137–158. <https://doi.org/10.1086/223790>
 14. Neal M., Morgan J. The professionalization of everyone? A comparative study of the development of the professions in the United Kingdom and Germany. *European sociological review*, 2000, 16(1): 9–26. <http://dx.doi.org/10.1093/esr/16.1.9>
 15. Maestripieri L. Professionalization at work: The case of Italian management consultants. *Ephemera: theory and politics in organization*, 2016, 16(2): 31–52.
 16. Бурдина Е. В. Мировые судьи как члены судейского сообщества. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2012. № 1. С. 118–121. [Burdina E. V. World judges as members of judicial community. *Economic problems and legal practice*, 2012, (1): 118–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ovzwyx>
 17. Ельцов Н. С. Профессиональные юридические объединения: понятие, признаки, виды. *Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 3. С. 39–43. [Elsov N. S. Professional juridical non-governmental associations: Concept, signs, types. *The rule of law state: Theory and practice*, 2015, (3): 39–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulnosx>
 18. Бурдина Е. В. Судейское сообщество как особое профессиональное публично-правовое образование: понятие и признаки. *Право и государство: теория и практика*. 2012. № 11. С. 88–91. [Burdina E. V. Judicial community as a special professional public-law professional body: Concept and features. *Law and state: The theory and practice*, 2012, (11): 88–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkbhsn>
 19. Ефремова Н. Н. Источники судебного права в Российской империи XVIII–XIX вв. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. 2016. № 4. С. 24–30. [Efremova N. N. The sources of judicial law in the Russian empire in the XVIII–XIX cc. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2016, (4): 24–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xa9rjb>

20. Лонская С. В. Символизация российского судебного пространства в эпоху Петра Великого. *Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение*, ред. А. А. Дорская. СПб.: Астерион, 2022. С. 186–190. [Lonskaya S. V. Symbolization of Russian judicial space in the era of Peter the Great. *Anniversary dates in the official memory policy of Russia: Legal dimension*, ed. Dorskaya A. A. St. Petersburg: Asterion, 2022, 186–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jbcybc>
21. Ящук Т. Ф. Очерки по истории юридического образования. Омск: Омский государственный университет, 2005. 167 с. [Yashchuk T. F. *Essays on the History of Legal Education*. Omsk: Omsk State University, 2005, 167. (In Russ.)]
22. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с. [Andreev A. Yu. *Russian students in German universities XVIII – first half of XIX century*. Moscow: Znak, 2005, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quheox>
23. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: ВГУ, 1989. 185 с. [Korotkikh M. G. *Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia*. Voronezh: VSU, 1989, 185. (In Russ.)]
24. Шебанов А. Ф. Студенты юридических вузов в СССР. Правила приема и условия обучения в юридических вузах СССР. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2016. № 15. С. 5–15. [Shebanov A. F. Students of legal higher education institutions in the USSR. Regulations of admission and conditions of training in legal higher education institutions of the USSR. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2016, (15): 5–15. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wmigbf>
25. Лонская С. В. Мировые судьи дореволюционной России: опыт профессионального портрета. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2009. № 2. С. 216–222. [Lonskaya S. V. Justices of the peace of pre-revolutionary Russia: experience of a professional portrait. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2009, (2): 216–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwvdux>
26. Смыкалин А. С. История судебной системы России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 232 с. [Smykalin A. S. *History of the judicial system of Russia*. Moscow: UNITY-DANA, 2022, 232. (In Russ.)]
27. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование. *Высшее образование в России*. 2013. № 10. С. 77–82. [Serov D. O. Russian judges and higher legal education: historical aspect. *Higher education in Russia*, 2013, (10): 77–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rlzcxh>
28. Серов Д. О. Судебное управление в России: становление и организационные модели. *Администратор суда*. 2011. № 2. С. 19–24. [Serov D. O. Judicial administration in Russia: formation and organizational models. *Court's Administrator*, 2011, (2): 19–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuxktj>
29. Захарова П. В. Эволюция судебного управления в России (XVIII–XX века). *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2018. № 4. С. 63–87. [Zakharova P. V. Evolution of judicial administration in Russia in XVIII–XX centuries. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2018, (4): 63–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoogdz>
30. Лонская С. В. Дифференцированность судебной системы России. *История государства и права*. 2012. № 16. С. 21–25. [Lonskaya S. V. Differentiation of the judicial system of Russia. *History of state and law*, 2012, (16): 21–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfawex>
31. Абдулин Р. С. Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.). М.: Юрлитинформ, 2014. 360 с. [Abduln R. S. *Judicial administration in the Russian Federation in 1917–1990*. Moscow: Iurlitinform, 2014, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syiouz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mvklfg>

Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века

Минникес Ирина Викторовна

Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ivminnikes@mail.ru

Аннотация: Юридической практике Российской империи в начале XIX в. известно несколько форм нормативных правовых актов. Некоторые, обозначенные в данной работе как *узаконенные*, предусмотрены особой ст. 53 Свода Законов Российской империи. Это манифесты, указы, инструкции и др. Цель – установить, какие формы нормативных правовых актов применялись для воплощения правовых предписаний в обозначенные хронологические периоды, и выявить формы нормативных актов, которые не были предусмотрены статьями Свода законов. На основании изучения Полного собрания законов Российской империи установлено, что применялись и иные формы нормативных актов, о которых ничего в Своде не сказано. Обозначенные группы форм актов в исследовании именуется *узаконенными* и *иными*. *Иные* формы актов представляют собой обширную группу, куда входят Высочайше утвержденные Табели, Плакаты, Планы, Журналы и т. п. Наиболее часто используются законодателем такие формы, как Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции и Записки. Высочайше утвержденные Штаты определяли состав конкретного хозяйствующего субъекта или элемента государственного механизма: министерства, канцелярии, полицейского или военного подразделения, иногда с указанием должности и соответствующего ему жалования. Высочайшие Резолюции – это письменная реакция, ответ императора на действия (сообщение, акт) представителя любого органа государства или официального лица. Записка – это направленное императору представителем власти предложение конкретных мер и действий (законопроектов). Император придает им юридическую силу определенными формулировками: *Исполнить*, *Быть по сему*. Отмечено, что наиболее активно эти формы актов используются в период реформ. В результате было определено место Штатов, Резолюций и Записок в системе *иных* форм нормативных актов, рассчитаны их количественные характеристики.

Ключевые слова: право, источники права, нормативный правовой акт, право XIX в., российское законодательство, Полное собрание законов Российской империи

Цитирование: Минникес И. В. Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 205–213. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-205-213>

Поступила в редакцию 05.03.2024. Принята после рецензирования 25.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire in the Early XIX Century

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ivminnikes@mail.ru

Abstract: In the early XIX century, the legal practice of the Russian Empire used several forms of normative legal acts. The *legalized* forms were provided for by Article 53 of the Code of Laws of the Russian Empire. The list included manifestos, decrees, instructions, etc. The author matched normative legal acts with the legal prescriptions that implemented them, as well as identified the forms of normative acts that were not provided for by the Code of Laws. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire also contained some *other* forms of normative acts, not mentioned in the Code. These *other* forms included timesheets, posters, plans, journals, etc., approved by the Emperor. States, resolutions, and notes were the most popular variants. States determined the composition of a specific business entity or element of a state mechanism, e.g., a ministry, an office, a police or military unit, etc. Sometimes, they indicated positions and corresponding salaries. Resolutions were Emperor's written responses to an action (message

or act) of a government representative. Notes were proposals of specific measures and actions sent to the Emperor by a government representative. The Emperor gave them legal force with certain formulas, e.g., *To Execute* or *So Be It*. These forms of acts were quite wide-spread during the reform period. The article describes the place of states, resolutions, and notes in the system of normative acts, as well as provides their quantitative analysis.

Keywords: law, sources of law, normative legal act, law of the XIX century, Russian legislation, Complete Collection of Laws of the Russian Empire

Citation: Minnikes I. V. Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire in the Early XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 205–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-205-213>

Received 5 Mar 2024. Accepted after review 25 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Российское законодательство первой половины XIX в. представляет собой ключевой этап развития русского права. С одной стороны, оно является результатом многовековой эволюции, своеобразным итогом, знаменующим переход от архаичных форм и казуального содержания к упорядоченной системе формализованных предписаний в условиях «бережного отношения к нормам отечественного права» [1, с. 11], но признавая тот факт, что обычное право уже не справляется с запросами развивающегося общества [2, с. 380]. С другой стороны, в праве этого этапа заложены основы современного права и угадываются черты его важнейших источников [3, с. 78].

Первенство среди источников права в период империи, равно как и в современную эпоху, принадлежало нормативному правовому акту¹ [4, с. 42; 5, с. 11; 6, с. 90; 7]. Разумеется, четкая современная иерархия нормативных актов, в которой главенствующее место отведено закону, в XIX в. еще не сложилась, хотя некоторые авторы [8, с. 244] указывают на наличие определенной системы источников позитивного права в Своде законов Российской империи² (Свод, Свод законов). Трудно построить систему актов на основании их юридической силы, т. к. большинство актов либо исходили напрямую от императора, либо получили высочайшее подтверждение посредством подписи, наложения резолюции, выражения одобрения.

Имеется уточнение, изложенное в ст. 53 Свода «Изъяснения закона, коими устанавливается токмо образ его исполнения, или же определяется истинный его разум, могут быть излагаемы по словесным Высочайшим повелениям в виде указов, объявляемых местами и лицами, от Верховной Власти к сему уполномоченными». Другими словами, акты данного содержания не требуют письменного утверждения

императора. Однако изучение списка актов, вошедших в Полное собрание законов Российской империи, порождает сомнения в том, что сам законодатель следовал собственному принципу.

Сложность разграничения отмечали и современники: так, Н. М. Коркунов не раз говорил о возможности формального разграничения закона и указа в период абсолютной монархии [9; 10]. Однако С. А. Котляревский серьезно сомневался в этом применительно к практике, ссылаясь на особый о том Указ Сената [11]. М. М. Сперанский считал существенным недостатком то, что «к законам причислены уставы и учреждения, которые уже не суть законы, но меры, к исполнению законов прилагаемые» [12, с. 91].

По справедливому заключению Т. Н. Ильиной, «в условиях самодержавной монархии строго разграничить законодательные акты и акты управления невозможно» [13]. Причины невозможности «выстроить четкую иерархию нормативных актов» автор видит и в несовершенстве законодательных процедур, и в постоянной смене круга лиц и органов, имеющих право принимать такие акты, и, на чем необходимо сделать акцент в контексте данного исследования, в большом количестве форм закона [13].

Систематизация различных форм проведена в ст. 53 Свода законов Российской империи: «законы издаются в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения. *Примечания* Высочайших повеления в порядке управления изъясняются сверх сего рескриптами и приказами».

Иными словами, в статье предусмотрено несколько форм для изложения законодательных предписаний и две формы – рескрипты и приказы – для актов

¹ Термин *нормативный правовой акт* широко используется в научной литературе (см. список) применительно к источникам права начала XIX в. и даже более ранним эпохам.

² Здесь и ниже статьи Свода Законов даны по изданию: Свод законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1832.

исполнительного характера. С позиции оценки их юридической силы представляется неверным считать это деление аналогом современной градации на законы и подзаконные акты, т. к. оно произведено по иному основанию – содержательной стороне документа. Как подчеркивал Ф. В. Тарановский, «задачей исторического учения об источниках права должно быть установление схемы источников права для каждого отдельного периода исследуемой истории права» [14, с. 2]. Поэтому современная градация по юридической силе в этом контексте не сработает. Но если руководствоваться не современными разработками, а логикой права начала XIX в., то и первую, и вторую группу актов можно считать комплексом разных форм нормативных правовых актов. Именно с этих позиций и будет проведен анализ законодательства определенного исторического этапа.

Нормативной базой для исследования являются только акты, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи³ (Полное собрание, ПСЗРИ). Хронологическую базу статьи представляют акты периода царствования императора Александра I (взяты законодательные акты трех первых (1801–1803 гг.) и трех последних (1823–1825 гг.) лет правления).

Выбор хронологических рамок исследования продиктован несколькими соображениями. Первое связано с тем, что первая четверть XIX в. – период существенных реформ в области государственного управления, период «приспособления политического строя России к буржуазным отношениям» [15, с. 138], поэтому представляет особый интерес нормативное воплощение идей государственной власти. Второе соображение проистекает из предположения о связи форм нормативных правовых актов с системой государственных органов и в определенной мере с изменением политического курса в стране. С этих позиций выбор первых лет правления Александра I, ознаменованных стремлением к восстановлению принципов просвещенного абсолютизма Екатерины II, к созданию истинной монархии с рядом фундаментальных законов [16; 17, с. 4–5], и последних лет, когда «бремя власти выдавило из него все либеральные начала» в пользу деспотии, когда «произошел окончательный поворот к реакции» [18, с. 3; 19, с. 128; 20] оправдан.

Безусловно, ст. 53 Свода помогает сориентироваться в общей массе законодательных актов империи. Однако предусмотренными в статье формами нормативных правовых актов законодатель не ограничился. Поэтому вопрос о том, насколько разнообразным ассортиментом правовых инструментов располагала имперская власть для воплощения нормативных предписаний, может дать представление о праве конкретного этапа в целом. Дополнительную

характеристику источников российского права можно получить посредством сравнения форм актов, которые законодатель закрепил с помощью правовых норм (ст. 53 Свода законов), и тех, которые не предусмотрены данным исследованием, но встречаются среди нормативных правовых актов. Первая группа нормативных правовых актов в этой работе обозначена как *узаконенные* формы нормативных правовых актов. Те формы, которые не предусмотрены в ст. 53, названы в статье *иными* формами актов.

Цель – установить, какие формы нормативных правовых актов применялись для воплощения правовых предписаний в обозначенные хронологические периоды, и выявить формы нормативных актов, которые не были предусмотрены статьями Свода законов.

Прежде чем начинать работу с обозначенными формами нормативных актов, необходимо сделать несколько замечаний:

1. Собрание законов, каковым представлено ПСЗРИ, включает и акты, которые, по идее М. М. Сперанского, относятся к действию власти исполнительной, поскольку «учреждают только образ исполнения первых» [21]. К таковым автор отнес уставы и учреждения. Однако, как было отмечено ранее, эти формы Сводом в ст. 53 включены в перечень форм закона. Из-за отсутствия официальной градации нормативных правовых актов на законы и акты исполнительной власти в расчетах будем руководствоваться общими цифрами.

2. Реальное количество актов и расчет по нумерации документов в Полном собрании не всегда соответствуют друг другу, поэтому общее количество актов указано с учетом погрешностей нумерации и наличия актов с дополнительным буквенным обозначением. К тому же учтены акты, которые включены в Приложение к т. 40 Полного собрания (табл. 1).

Методы и материалы

Методологическую основу работы составили общенаучные методы, математические расчеты, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой диахронный метод позволил провести сопоставление системы нормативных предписаний начала столетия (1801–1803 гг.) и окончания правления Александра I (1823–1825 гг.), обобщить полученные данные и на основе метода моделирования построить примерную схему развития права обозначенного периода. С помощью формально-юридического метода получены данные о формах нормативных правовых актов исследуемого периода, их количественном соотношении между собой и доле в общем числе нормативных актов.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. В 46 т. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1832.

Табл. 1. Общее количество нормативных актов по годам

Tab. 1. Total number of regulations by year

Год	Нумерация актов	Количество актов
1801	19779–20098	320
1802	20099–20578	488
1803	20579–21111	536
1823	29254–29724	477
1824	29725–30189	470
1825	30190–30600	411
Итого		2702

Результаты

Непосредственное изучение форм актов, которые фигурируют в списке нормативных правовых актов (узаконенных форм), дает следующие результаты:

- Акты, вошедшие в ПСЗРИ, действительно часто имеют названия, обозначенные в ст. 53 Свода законов: Грамота (Жалованная грамота), Манифест, Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета и доклады различных органов государства.
- Значительную долю актов составляют документы, обозначенные в ПСЗРИ просто как *Именные*, например, «Именный, данный Военной Коллегии» от 4 июня 1803 г., «Именный, данный Синоду» от 15 мая 1824 г., «Именный, объявленный в приказе Начальника Штаба» от 31 мая 1824 г. и т. д. Слово *указ*, видимо, подразумевается и общеизвестно в рамках соответствующего хронологического периода: именно данный акт стал самым распространенным документом, издаваемым монархом или от его имени Сенатом [22, с. 150; 23]. Правда, незначительное⁴ количество документов 1801–1803 гг., исходящих от Военной Коллегии, все-таки поименованы указами (в частности, Указ из Военной Коллегии в следствие Именного «О неупотреблении в приговорах речи: нещадно» от 18 января 1802 г., Указ из Военной Коллегии «О порядке отставки от службы нижних воинских чинов, сделавшихся неспособными к оной за увечьями» (апреля 1803 г.) и др.), но в последние три года правления Александра I эти наименования не встречались.
- Весомую долю в общем количестве актов составили Высочайше утвержденные Положения, например, Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «Об устройении переселенцев, в Гижигинском крае водворяемых»

от 30 января 1823 г.; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «О переводе Новгородской Межевой Комиссии в Старую Русу» и др. Но на начальном этапе правления Александра такой формы нормативного акта не было. Это вполне объяснимо, поскольку львиная доля положений исходит от комитета министров, созданного Манифестом от 8 сентября 1802 г.

- Остальные формы, легитимированные ст. 53 Свода законов, составляют очень незначительную долю нормативных актов. Например, форму в виде Инструкции (Высочайше утвержденной Инструкции, Дополнения к Инструкции) за все это время использовали всего восемь раз. Высочайше утвержденное Учреждение за исследованный период появилось всего трижды.
- Рескриптами и Приказами ПСЗРИ также не богато. Если приказ как форма нормативного акта, например, Высочайший приказ «О именовании Одесского гусарского полка Уланским Его Императорского Высочества Константина Павловича» от 11 сентября 1803 г., встречается несколько раз: один раз в 1803 г., один – в 1823 г. и четыре – в 1825 г., то Высочайшие Рескрипты еще более редки – всего два: от 22 сентября 1803 г. и 12 декабря 1825 г.

Содержание ст. 53 Свода исчерпывается указанными выше формами нормативного правового акта. Но вот в Полном собрании можно найти еще ряд своеобразных форм нормативных актов императора, причем как единичных, так и вполне распространенных в практике законодателя. Это, к примеру, Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции, Правила, Записки, Повеления, Постановления и даже План. Кроме того, можно встретить в списках нормативных актов данного этапа такие формы, как Табель, Плакат, Форма, Расписание, Декларация и Журнал. Каждая из форм заслуживает внимания. Чаще всего среди *иных* форм нормативных правовых актов встречается такое наименование, как Высочайше утвержденные штаты (другие названия – штат, примерные штаты).

В обозначенных хронологических рамках указанная форма актов использована 38 раз, т. е. больше, чем легитимированные Рескрипты, Приказы, Инструкции и Учреждения вместе взятые. При этом данная форма в той или иной степени присуща каждому году, о чем свидетельствует таблица 2.

Каков характер документов, названных *штатами*? По форме изложения в ПСЗРИ это сложные акты, которые состоят из двух частей: наименования акта, изложенного в основной части конкретного тома Полного собрания, и документа, внесенного в т. 44 ПСЗРИ «Книга штатов». Например, «Штаты» от 1 августа 1802 г.

⁴ В 1801 г. – 5 из 320; в 1802 г. – 12 из 488; в 1803 г. – 16 из 536 актов.

Табл. 2. Количество актов, именуемых Высочайше утвержденными штатами (примерными штатами), резолюций, записок

Tab. 2. States, resolutions, and notes approved by the Emperor

Год	Количество Штатов	Число Резолюций	Число Записок
1801	1	4	0
1802	11	6	3
1803	13	12	1
1823	3	3	5
1824	8	2	4
1825	2	1	3
Итого	38	28	16

состоят из указанного на с. 213 т. XXVII ПСЗРИ «Высочайше утвержденного штата двум Московским временным Палатам Гражданского Суда для решения прежних по 1802 г. вступивших дел» названия, заканчивающегося ссылкой *смотри книгу штатов*, и их содержания, прописанного на с. 7 ч. 2 т. XLIV ПСЗРИ. Именно в содержательной части этого акта указано, что в каждой палате суда должно состоять по одному председателю в чине 5 класса с жалованием в одну тысячу руб., по одному советнику 6 класса с жалованием 750 руб., по два заседателя от дворян 7 класса с жалованием по 680 руб. каждому, а также предлагаются такие лица, как секретарь, протоколисты, переписчики и т. п.

Интересно, что некоторые акты с иными наименованиями также имеют приложения в виде штатов. В отличие от исследуемой формы акта, их содержание неполностью выведено в т. 44. Например, в т. 44 имеется документ, прилагаемый к акту № 29366 от 18 мая 1823 г. Он назван «Высочайше утвержденный штат Комиссиям, учреждаемым для приведения в известность существующих на имениях запрещений». Однако это приложение не к документу, именуемому «Штатом», а к Высочайше утвержденному мнению Государственного совета «Об учреждении Комиссий для свода запретительных и разрешительных книг. С приложением Правил и Штата тем Комиссиям и формы свода означенных книг». Отличие состоит еще и в том, что это «Мнение» – самостоятельный документ со своими правовыми предписаниями в соответствующем в данном случае в т. XXXVIII ПСЗРИ, а не только название акта, как это принято для «Штата». В связи с этим форма нормативного акта отнесена к «Мнениям», а не к «Штатам».

По содержанию Штаты, в соответствии с наименованием, определяют состав конкретного структурного

элемента государственного механизма или хозяйствующего субъекта. В 1801 г. Высочайше утвержденные штаты определили состав Кирасирского полка, эскадронов при Кирасирских полках и т. п., т. е. тех, кто имел военно-организационное назначение.

Ту же направленность имели два акта, изданные под именем штатов в 1802 г. Но, помимо военной сферы, в этом же году Штаты четыре раза были адресованы управлению губерний, один раз были посвящены составу лиц, обслуживающих мызы Ропша и Кипень, с указанием размеров оплаты каждому и сумм на хозяйственные расходы. Оставшиеся четыре Штата урегулировали вопросы министерских окладов, организацию специального «Комитета для поверхностного обозрения дел по всеподданнейшим жалобам на решение Сената», состав и жалование нескольких судебных палат.

Акты, названные штатами в 1803 г., также многочисленны, но содержательная направленность несколько изменилась. Из четырнадцати документов в пяти регламентируются штаты полиции конкретных городов – Твери, Астрахани и др. Один акт объявил о составе военизированного подразделения – Нерчинской горной штатной команды, еще два – о штате Государственного архива и Лесного департамента. Отдельным документом обозначен состав Императорской шпалерной мануфактуры. Два Штата урегулировали вопросы состава канцелярии Херсонского военного губернатора и пополнения Одесской таможни.

Особый интерес представляют два Штата, утвержденные 3 ноября 1803 г. Оба документа направлены на кадровое и материальное обеспечение эмиссии государственных ассигнаций. В одном Штате предусмотрено количество, должности и жалование лиц, состоящих на казенной фабрике «для делания ассигнационной бумаги» (№ 21030 в ПСЗРИ), а в другом – кадровый состав и жалование «Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций и всегдашней при ней Типографии для печатания ассигнаций». Лишь один Штат имеет дело с военными формированиями – от 26 сентября 1802 г.

В 1823 г. Штаты не слишком востребованы. Было издано всего три документа с таким названием. При этом акт от 2 апреля 1823 г. ограничен Гоф-интендантской конторой Елагино-Островского дворца наследника престола, второй – от 8 мая 1823 г. – придворным «Экипажным заведением». Последний Штат, утвержденный 15 июня 1823 г., касается кадрового состава и расходных статей (на содержание лошадей, на починку, на освещение, на библиотеку и т. п.) «Санктпетербургского императорского Ботанического Сада».

Интерес к данной форме нормативного правового акта существенно вырос в 1824 г. Их тематика

распределилась следующим образом: три «Штата» предусматривают кадровые составы полиции нескольких городов, два ориентированы на армию, один документ подробно расписывает внутреннюю структуру Министерства уделов, а два оставшихся регламентируют состав канцелярий, причем одна канцелярия принадлежит инспекции оружейных заводов, а другая – капитулу российских орденов.

Заключительный этап данного исследования, 1825 г., ознаменовался принятием всего двух документов с наименованием «Штаты». Один акт определил состав инженерного корпуса, т. е. поддержал традицию внедрения указанной формы в военную тематику. Второму отведена похожая сфера. Это «Штат церкви Св. Александра Невского, устроенной при учебной Артиллерийской бригаде и Артиллерийском училище» от 4 октября 1825 г.

Обобщая выясненные факты, можно заключить, что такая форма акта, как Штаты, использовалась достаточно широко независимо от хронологического этапа. С точки зрения содержания можно выявить несколько постоянных специализаций этой формы акта: армия и военизированные формирования, полиция и органы управления. Однако возможна и иная тематика документа, имеющая форму штата.

Второе место по распространенности занимает форма нормативного правового акта с наименованием Высочайшая Резолюция (Резолюция). Количество иных актов такой формы – без малого три десятка. При этом Резолюции, как и Штаты, присутствуют в законодательстве каждого этапа исследуемого периода (табл. 2).

Резолюция как форма нормативного правового акта XIX в. также обладает особыми чертами. Во-первых, резолюция дается на какой-либо документ (чаще всего на доклад, реже – записку). Например, Высочайшая Резолюция на доклад генерала от инфантерии Лама «О производстве жалования Старшинам казачьих войск против Гусарских Офицеров» от 17 августа 1801 г. Во-вторых, акт состоит из двух частей. В первой части излагается суть доклада (записки). Вторая часть называется «Резолюция». В ней отражена реакция императора на данный доклад. Так, указанная выше Резолюция по докладу генерала Лама завершается разделом «резолюция», в котором объясняется, что касательно запрошенного генералом жалования казачьих старшин «по сему докладу Его Императорское Величество повелеть соизволил». При этом нормативный характер Резолюции очевиден, даже если сам доклад касается конкретной ситуации.

Например, некий Федор Зеленовский вышел в отставку на инвалидное содержание, но из-за невозможности содержать себя за счет жалования инвалида попросил Военную Коллегию уволить его на собственное пропитание, о чем доложила императору Военная

коллегия (Высочайшая резолюция на доклад Военной коллегии от 25 июня 1802 г.). Тем не менее документ имеет нормативно-правовой характер, поскольку завершающая часть, а именно резолюция этого акта, распространяет свое действие и на иные подобные случаи. В ней написано: «Высочайше повелено: уволить на собственное пропитание и снабдить об отставке указом (Зеленовского – примечание мое – И. М.), что может Коллегия исполнить и впредь и в разсуждении тех, кои, подобно ему, просить будут о смещении с инвалидного содержания на свое пропитание». Другими словами, именно в этой части заложена норма-предписание монарха.

Тематика Резолюций различна. Доклад может касаться патента на мореплавание на купеческих судах, перевода нижних воинских чинов из полка в полк, отстранения судей от должности (1801 г.), расходов Военной Комиссии, увольнения с инвалидного содержания на собственное пропитание, порядка представления в чины канцелярских служащих (1802 г.). Наиболее широкий круг вопросов представлен Резолюциями 1803 г.: это акты, регламентирующие сопоставление состояния и доходности пожалованных и коронных имений, исправление ветхих и строительство новых казенных зданий, ношение мундиров, соединение войсковых формирований, запрет гражданским чиновникам давать инвалидное содержание и его размеры в соответствии с личными качествами и заслугами, курс иностранных денег, нормы фуража, принятие прошений штаб- и обер-офицеров и даже штаты губерний. Общим для Резолюций начала века было наличие актов финансовой тематики.

Из данных таблицы 2 очевидно, что в три последних года правления Александра I Резолюции были не столь востребованы: их количество равномерно снижалось от года к году. Кроме того, несколько изменился характер представленного акта. Две из трех Резолюций, датированных 1823 г., основаны на конкретных судебных тяжбах. Но только в одной, от 7 мая 1823 г., резолютивная часть отправляет к общему запрету рыбной ловли на фарватере. Вторая Резолюция от 24 апреля 1823 г. имеет двойственную природу, в которой предписания общего характера неочевидны. Третья Резолюция представляет собой утверждение штатов конских заводов и конно-заводского управления.

Резолюции 1824 г. имеют территориально ограниченные рамки действия. Одна (от 8 ноября 1824 г.) предписывает изменить штат Санкт-Петербургского земского суда, другая (от 20 декабря 1824 г.) дарует привилегию архангельским рыбопромышленникам. Но следует отметить, что единственная Высочайшая Резолюция заключительного этапа правления Александра I от 13 июня 1825 г. (на записку исправляющего должность Вице-Директора Инспекторского Департамента) «О производстве

фельдфебелей, по выслуге лет в сем звании, в Подпоручики» принята в соответствии с более ранними канонами: предметом спора стало исключение из приказа о производстве фельдфебеля Леонова. В Резолюции в качестве императорского предписания указано: «Высочайше повелено Леонова произвести в Подпоручики и впредь выслуживших в фельдфебельском звании лета производить в Подпоручики».

Таким образом, Резолюции представляют собой довольно устойчивую во временном контексте форму нормативного правового акта, которая имеет сложную структуру. Нормативная часть акта находится в конце документа и представляет собой одобрение императором действия (акта, сообщения, мероприятия) представителя любого органа государства или официального лица.

Третью по распространенности группу нормативных правовых актов XIX в. сформировали *Высочайшие утвержденные записки*. Структурно Записка представляет собой изложение от имени официального лица определенных событий или проблем индивидуального, территориального или общегосударственного масштаба и предложение о том, что следует сделать, чтобы проблема разрешилась и ситуация улучшилась. Завершает Записку резолюция монарха, которая в отличие от заключительной части Высочайших резолюций не содержит нормативного предписания, а одобряет предложенные меры определенными формулировками: *Исполнить, Быть по сему*.

Некоторые Записки завершает не резолюция монарха, а косвенное его одобрение. В этом случае официальное должностное лицо, например министр, излагает, что «Высочайше повелено» по поводу предложенных в Записке мер. Примером может служить Записка министра внутренних дел «О жаловании священникам, определяемым в Новороссийския колонии, и о производстве онаго от казны в течение определенной колоницам десятилетней льготы» от 27 октября 1803 г., в конце которой рукой самого министра подписано, что «Высочайше повелено... жалование на основании сия записки определить». Фактически по содержанию Записки можно разделить на два вида:

1. Первые имеют вид готового законопроекта. Например, в Записке министра финансов от 20 июля 1825 г. должностное лицо сетует на недостатки местной системы надзора за питейными заведениями. Чтобы прекратить злоупотребления, убытки казны и *законопротивные* деяния, министр счел необходимым создание подконтрольной ему службы инспекторов питейного сбора. Завершается предложение формулировкой: «Министр Финансов, представляя о сем предположении на благоусмотрение Вашего Императорскаго Величества, осмеливается всеподданнейше испросить Высочайшаго утверждения».

Таким образом, в тексте Записки содержится хорошо продуманный и логично выстроенный законопроект, текст которого представлен императору для одобрения. Юридическую силу данной Записке придает резолюция императора «Исполнить».

2. Второй вид – это записки, основанные на конкретном событии. Например, в Записке того же министра финансов от 27 марта 1825 г. он сообщает о просьбе советника Кавказской казенной палаты Кошелева дать ему отпуск на пять месяцев для лечения. Министр жалуется на то, что частые отсутствия и вакансии членов палаты «препятствуют исправному течению дел». Выход из сложившейся ситуации министр видит в дополнении штата палаты еще одним советником, о чем и сообщает монарху.

Записки, представленные в ПСЗРИ, как и Резолюции, разнообразны по целевой направленности. Несколько Записок исходят от министра финансов. Особый интерес представляют Записки императрицы Марии Федоровны. Например, Записка Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень» от 5 июля 1824 г. В Записке, как и положено, имеется предложение об обнародовании постановления о займах под залог. Обратит внимание стоит на то, как выглядит резолюция об одобрении императора: «С предложением Вашего Императорскаго Величества совершенно согласен» – пишет монарх. Далее следует непосредственно текст самого постановления, и снова резолюция на него имеет уважительный тон: «С предположениями Вашего Императорскаго Величества совершенно согласен». В более позднем документе, также авторства Марии Федоровны, ее предложение взять под покровительство *странноприимный дом* последовала уже и вовсе неюридическая резолюция: «Принятие Вашим Императорским Величеством под особое свое покровительство сего заведения послужит к устройению прочным образом его благосостояния». Это звучит иначе, нежели краткое *Исполнить*, всегда адресованное министру финансов. Но как бы ни была сформулирована фраза, именно резолюция с императорским одобрением придает прописанным в акте нормам силу правовых предписаний.

Заключение

Таким образом, в юридической практике Российской империи в XIX в. (по данным ПСЗРИ на 1801–1803 и 1823–1825 гг.) отмечено несколько форм нормативных правовых актов. Некоторые, обозначенные в этой работе как *узаконенные*, предусмотрены особой статьей Свода Законов Российской империи, а относительно *иных* форм актов закон умалчивает. *Иные* формы актов представляют обширную группу, куда входят Высочайше утвержденные Табели, Плакаты,

Планы, Журналы и т. п. Наиболее часто используются законодателем такие формы, как Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции и Записки (табл. 3).

Подводя итоги расчетов, следует отметить, что нормативные правовые акты, форма которых не предусмотрена законодательством, представляют собой незначительную часть общего массива нормативных актов ПСЗРИ. Но очевидно, что пик приходится на 1802–1803 гг., т. е. на время наиболее глобальных реформ в области государственного управления. Поэтому можно предположить, что расширение практики использования нелегитимированных форм нормативных правовых актов связано с реорганизациями государственного аппарата.

Кроме того, несмотря на малое количество, такие акты, как Штаты, Записки и Резолюции, занимают определенное место в российском законодательстве начала XIX в. Они интересны современному исследователю как по содержанию, так и с точки зрения особенностей формы, инструментов юридической техники воплощения на бумаге правовых предписаний и придания им юридической силы того характера, который свойствен данной эпохе развития государства и права.

Литература / References

1. Вернадский Г. В. История права. СПб.: Лань, 1999. 175 с. [Vernadsky G. V. *Legal history*. St. Petersburg: Lan, 1999, 175. (In Russ.)]
2. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Бр. Башмаковых, 1910. 806 с. [Shershenevich G. F. *General theory of law*. Moscow: Br. Bashmakovyh, 1910, 806. (In Russ.)]
3. Шатковская Т. В. Юридизация политических отношений в Российской империи в начале XVIII века: к истории становления российского публичного права. *Историко-правовой ежегодник – 2022*, ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 77–88. [Shatkovskaya T. V. The legitimization of political relations in the Russian empire at the beginning of the xviii century: On the history of the formation of Russian public law. *Historical and legal yearbook 2022*, ed. Pashencev D. A. Moscow: Infotropik Media, 2023, 77–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqmqui>
4. Баранов В. М., Демичев А. А. Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов. *Систематизация законодательства в России: история и современность (К 175-летию Свода законов Российской империи)*: Междунар. круглый стол. (Москва, 18–19 января 2008 г.) М.: ИГП РАН, 2008. С. 42–50. [Baranov V. M., Demichev A. A. The legal nature of the Code of Laws of the Russian Empire in the light of the history and theory of systematization of normative acts. *Systematization of legislation in Russia: History and Modernity (175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)*: Proc. Inter. The round table, Moscow, 18–19 Jan 2008. Moscow: ISL RAS, 2008, 42–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ymoihg>
5. Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М.: Юрайт, 2011, 634 с. [Lapteva L. E., Medvedev V. V., Pahalov M. Yu. *The history of the Russian state and law*. Moscow: Iurait, 2011, 634. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtsvjb>
6. Минникес И. В. Источники Российского права: проблемы эволюции. М.: ВГУЮ, 2009. 102 с. [Minnikes I. V. *Sources of Russian Law: Problems of evolution*. Moscow: ARSUJ, 2009, 102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrecpf>
7. Юртаева Е. А. Государственный совет в России. 1906–1917 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011. 208 с. [Yurtaeva E. A. *The State Council in Russia. 1906–1917*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2011, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qprsnz>
8. Владимиров Г. Е. Определение видов и системы источников позитивного права в Своде основных законов Российской империи 1832 г. *Систематизация законодательства в России: история и современность*

Табл. 3. Общее количество нормативных актов по годам в соотношении с Штатами, Резолюциями и Записками
 Tab. 3. Legalized acts vs. states, resolutions, and notes by year

Год	Количество актов	Штаты, Записки, Резолюции	Соотношение в %
1801	320	5	1,6
1802	488	20	4,09
1803	536	26	4,85
1823	477	11	2,3
1824	470	14	2,98
1825	411	6	1,45
Итого	2702	82	3,03

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

- (К 175-летию Свода законов Российской империи): Междунар. круглый стол. (Москва, 18–19 января 2008 г.) М.: ИГП РАН, 2008. С. 244–250. [Vladimirova G. E. Types and system of sources of positive law in the Code of Basic Laws of the Russian Empire of 1832. *Systematization of legislation in Russia: History and Modernity (175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)*: Proc. Inter. The round table, Moscow, 18–19 Jan 2008. Moscow: ISL RAS, 2008, 244–250. (In Russ.)]
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: ЮЦ Пресс, 2004. 430 с. [Korkunov N. M. *Lectures on the general theory of law*. 2nd ed. St. Petersburg: YuTs Press, 2004, 430. (In Russ.)]
 10. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с. [Korkunov N. M. *Decree and law*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1894, 408. (In Russ.)]
 11. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Мысль, 1915. 430 с. [Kotlyarevsky S. A. *Power and law: The rule of law*. Moscow: Mysl, 1915, 430. (In Russ.)]
 12. Юртаева Е. А. К пониманию закона в дореволюционной России. *Журнал российского права*. 2010. № 9. С. 83–98. [Yurtaeva E. A. On interpretation of the law in pre-revolutionary Russia. *Journal of Russian Law*, 2010, (9): 83–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndlyfx>
 13. Ильина Т. Н. «Закон и указ»: нормативные акты Российской империи. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2015. № 12. С. 95–106. [Irina T. N. "Law and Decree": standard regulations of the Russian empire. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2015, (12): 95–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ujhwnd>
 14. Тарановский Ф. В. История русского права. М.: Зерцало, 2004. 238 с. [Taranovsky F. V. *The history of Russian law*. Moscow: Zercalo, 2004, 238. (In Russ.)]
 15. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с. [Eroshkin N. P. *The history of state institutions in pre-revolutionary Russia*. Moscow: Vyssh. shk., 1983, 352. (In Russ.)]
 16. Демкин А. В. Дней Александровых прекрасное начало. Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с. [Demkin A. V. *The early rule of Emperor Alexander. The internal policy of Alexander I in 1801–1805*. Moscow: Kuchkovo pole, 2012, 320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvbrpn>
 17. Развитие русского права в первой половине XIX века, ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1994. 314 с. [*The development of Russian law in the first half of the XIX century*, ed. Skripilev E. A. Moscow: Nauka, 1994, 314. (In Russ.)]
 18. Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В., Сахаров А. Н., Твардовская В. А. Российские самодержцы, 1801–1917. М.: Междунар. отношения, 1993. 400 с. [Bokhanov A. N., Zakharova L. G., Mironenko S. V., Sakharov A. N., Tvardovskaya V. A. *Russian autocrats, 1801–1917*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1993, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/urxbap>
 19. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 248 с. [Safonov M. M. *The problem of reforms in Russian government policy at the turn of the 18th and 19th centuries*. Leningrad: Nauka, 1988, 248. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zudprt>
 20. Балина О. Г. Политика Александра I и «просветительские реформы» в России в I четверти XIX века. *Культура. Духовность. Общество*. 2016. № 22. С. 24–36. [Balina O. G. The policy of Alexander I and the "educational reforms" in Russia in the first quarter of the XIX century. *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo*, 2016, (22): 24–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vmfyit>
 21. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. 359 с. [Speransky M. M. *Plan of universal public education count M. M. Speransky. (Introduction to the Code of State laws 1809)*. Moscow: Russkaia mysl, 1905, 359. (In Russ.)]
 22. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: МГИУ, 2006. 255 с. [Rogov V. A. *The history of the state and law of Russia in the IX – early XX centuries*. 3rd ed. Moscow: MGIU, 2006, 255. (In Russ.)]
 23. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб.: СПбГУ, 2004. 223 с. [Muromcev S. A. *Definition and basic division of law*. 2nd ed. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 223. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvwymt>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qoqegb>

Становление и развитие институтов прямой демократии в США: историко-правовой аспект

Чечелев Станислав Викторович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

Elibrary Author SPIN: 4632-2633

omchechelev@rambler.ru

Аннотация: Проследить процесс зарождения и развития различных форм прямой демократии в США возможно начиная еще с колониального периода истории этого государства. Однако при его становлении как суверенного государства в конце XVIII в. отцы-основатели явно отдавали предпочтение различным формам представительной демократии, опасаясь, вслед за классиками политико-правовой мысли, господства толпы. Цель – рассмотреть становление и развитие институтов прямой демократии в США. Наступление в США эры прогрессивизма (конец XIX – начало XX в.) ознаменовалось борьбой гражданского общества с негативными явлениями в общественной жизни и политико-правой системе США. Важным средством их преодоления политические партии и общественные движения видели в имплементации в правовую систему страны институтов прямой демократии (референдум, всеобщие прямые выборы, отзыв должностных лиц и т.д.). В начале XX в. эти институты были закреплены в законодательстве ряда штатов Запада и показали свою эффективность. Во второй половине XX в. (так называемая *вторая волна*) институты прямой демократии получили еще более широкое распространение. Особенно активное использование этих институтов мы наблюдаем уже в конце XX – начале XXI в. Одной из особенностей существования этих институтов в правовой системе США можно назвать преимущественное их наличие в законодательстве штатов. Сделан вывод, что в настоящее время происходит как дальнейший рост случаев активного использования различных форм прямой демократии американским обществом, так и продолжение их дальнейшей имплементации в правовые системы штатов США. Следует отметить, что учет и использование исторического опыта развития институтов прямой демократии в США представляет значительный интерес и для нашей страны: прежде всего в целях улучшения эффективности деятельности государственного аппарата при принятии необходимых для общества решений.

Ключевые слова: конституционный конвент, референдум, макрейкеры, Сенат, Калифорния, эра прогрессивизма, конституционная поправка, легислатура

Цитирование: Чечелев С. В. Становление и развитие институтов прямой демократии в США: историко-правовой аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 214–221. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-214-221>

Поступила в редакцию 28.12.2023. Принята после рецензирования 18.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Legal History of Direct Democracy Institutions in the USA

Stanislav V. Chechelev

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

Elibrary Author SPIN: 4632-2633

omchechelev@rambler.ru

Abstract: Direct democracy appeared in the United States back in the colonial period. However, when the country became sovereign in the late XVIII century, the founding fathers gave preference to representative democracy in order to prevent the mob rule. This research traces the history of various institutions of direct democracy in the United States. The late XIX – early XX centuries saw an era of progressivism in the United States: civil society struggled against negative social, political, and legal phenomena. Implementation of referendums, general direct elections, recalls of officials, etc., into the legal system seemed a perfect solution. In the early XX century, these institutions were enshrined in the legislation of some Western states and proved rather effective. The so-called second wave of direct democracy occurred after 1950s, and institutions of direct democracy became even more widespread. This process reached its peak in the late XX – early XXI centuries. As a result, they predominate in the current US legislation. The USA are currently going through a further rise in direct democracy, which is even more implemented into

the legal system. The American experience of direct democracy is of considerable interest to Russia as it may help to improve the domestic state mechanisms of making socially important decisions.

Keywords: constitutional convent, referendum, muckraker, Senate, California, Progressivism, constitutional amendment, legislature

Citation: Chechelev S. V. Legal History of Direct Democracy Institutions in the USA. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 214–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-214-221>

Received 28 Dec 2023. Accepted after review 18 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

В работе рассмотрены некоторые аспекты, связанные с формированием и развитием наиболее, на наш взгляд, существенных форм прямой демократии в США. Задачами исследования можно считать, прежде всего, выявление способов и форм формирования и развития институтов прямой демократии в США, основных причин и предпосылок этого процесса, а также особенностей дальнейшего развития этих институтов.

Изучение вопросов, связанных с процессом формирования институтов прямой демократии в американской науке, особенно активно происходило в момент их становления (в конце XIX – начале XX в.), а также в последние десятилетия. Последнее обстоятельство связано с дальнейшей эволюцией рассматриваемых институтов, накоплением большого количества примеров их использования в общественно-политической жизни США. В то же время в российской историко-правовой науке эта тема изучена крайне слабо. Только с начала XXI в. начинается серьезное изучение данного вопроса.

Учет и использование исторического опыта развития институтов прямой демократии в США представляет значительный интерес и для нашей страны. Это связано с необходимостью поиска и разработки способов и средств улучшения эффективности деятельности государственного аппарата и других институтов в целях принятия необходимых для нашего общества решений.

Результаты

При характеристике основных положений и принципов, на которых построена организация и функционирование государственно-правовой системы США, общепринятым является утверждение, что важнейшее место в ней занимают институты как прямой, так и представительной демократии. Анализируя историю их возникновения и развития, можно сделать вывод о том, что первоначально предпочтение отдавалось по преимуществу последним. Доступное объяснение этому, на наш взгляд, можно найти в серии эссе «Федералист», вышедших с октября

1787 г. по август 1788 г. в ряде нью-йоркских газет. А. Гамильтон, Дж. Джей и Дж. Мэдисон, помимо всего прочего, опираясь на анализ предыдущих разновидностей демократических режимов (в той мере, в которой это позволяло состояние общественных наук того периода), объясняли своим читателям (они же, как это подразумевалось – избиратели) преимущества именно представительной демократии [1]. Вслед за мнениями классиков политико-правовой мысли предыдущих эпох они считали, что институты прямой демократии могут привести к установлению власти толпы (как, например, Н. Макиавелли, писавший, что «народное правление без труда становится распущенностью (охлократией – властью толпы)» [2, с. 118]. В соответствии с этими взглядами в определенной степени объясняется установленная в федеральной конституции система формирования высших органов федеральной власти США, при которой Сенат и Президент первоначально избирались непрямыми выборами¹.

Известный американский правовед Д. Байби оправдывал такой порядок формирования Сената, а также более длительный срок службы сенаторов (в три раза больше, чем представителей – 6 и 2 года соответственно) тем, что это служило превращению верхней палаты Конгресса в орган для смягчения популизма Палаты представителей. Обстоятельство, что Палата представителей работала очень короткими циклами прямых перевыборов, как бы указывало на то, что сенаторы в отличие от своих коллег из другой палаты могли позволить себе «придерживаться более объективных взглядов на встающие перед Конгрессом вопросы [3, р. 512].

Соотношение институтов прямой и представительной демократии в государственно-правовой системе США начало существенно меняться в основном в конце XIX в., хотя установление всеобщего мужского избирательного права, прямые выборы губернаторов штатов и ряд других шагов по демократизации избирательной системы США были сделаны еще в первой половине XIX в.

¹ Конституция США 1787 г. Ст. 1. Разд. 3; Ст. 2. Разд. 1.

К началу XX в. общественное мнение в США претерпело существенные изменения, а гражданское общество, значительно изменившись в своей структуре, достигло новой стадии зрелости. Во многом это происходило в результате деятельности т. н. макрейкеров (*muckraker* – разгребатель грязи). В этой роли выступали, как правило, журналисты и писатели, которые не были связаны единой идейной программой, но были объединены борьбой против коррупции, экономических злоупотреблений властей и государственной монополии. «Свобода порождает богатство, а богатство разрушает свободу» – эта ныне крылатая фраза-афоризм Г. Д. Ллойда стал девизом макрейкеров [4, р. 2]. Именно во многом благодаря им в США появился общественный запрос на борьбу с коррупцией, прежде всего в политической сфере, что предполагало проведение необходимых для этого реформ. В. В. Согрин отмечает: «Это журналисты, ...пробудившие нацию к массовому протесту против олигархического наступления финансово-промышленных "баронов-разбойников"» [5, с. 296]. Этот запрос электората, благодаря устройству политической системы США, чутко улавливающей запросы избирателей, подхватили и использовали в своих интересах крупнейшие американские партии. Фактически все великие президенты США начала XX в., и Т. Рузвельт (республиканец), и В. Вильсон (демократ), реализовывали в своей политике антикоррупционные и прочие меры, предлагаемые прогрессистами [6, с. 255–263; 7].

Как нам представляется, именно стремление устранить коррупционную составляющую при назначении сенаторов было главным мотивом при введении прямых выборов сенаторов. Напомним, что в период между 1857 и 1900 г. Сенатом было проведено три расследования назначений сенаторов на предмет коррупции. Так, назначение legislaturой штата Монтана У. Кларка в 1900 г. было отменено после того, как Сенат сделал вывод, что тот купил голоса местных парламентариев [3, р. 538–541].

Только XVII поправка в Конституции США (принята Конгрессом в 1911–1912 гг., ратифицирована в 1913 г.) установила прямой порядок выборов сенаторов. Как пишет В. В. Согрин: «Данная поправка покончила с практикой "покупки" олигархами мест в верхней палате Конгресса США» [8, с. 294].

В целом можно отметить, что эволюция американского избирательного права в США, помимо установления прямых выборов сенаторов, упрощения процедуры выбора президента, отмены значительного количества избирательных цензов (имущественного, образовательного, расового, гендерного) или их снижения (например, возрастной), привела к существенному

увеличению значения такой формы прямой демократии, как выборы (поправки XIX, XXIV, XXVI в Конституцию США). К формам прямой демократии, как правило, относят также способ принятия важнейших на специально собираемых органах с учредительными полномочиями – конвентах. Его применение в деятельности государственно-правового механизма Соединенных Штатов имело место с самого начала истории этого государства. В соответствии со ст. 7 Конституции США ратификация федеральной конституции 1787 г. происходила именно конвентами отдельных штатов, работавших с конца 1787 г. по май 1790 г. Кроме того, сами поправки в Конституцию США, согласно ст. V, могли приниматься не только конгрессом США, как это и происходило на практике во всех случаях, но и на специально созданных конвентах [9, с. 22; 10, с. 16].

В период сессии южных штатов в 1860–1861 гг., явившейся причиной последовавшей за этим Гражданской войны в США и Реконструкции, именно специально созданные конвенты отдельных штатов принимали (или не принимали) решение о выходе из состава США, провозглашении суверенитета. Впоследствии они же затем одобряли вступление штата в состав нового государственного образования – Конфедеративных Штатов Америки, принимали соответствующие поправки в свои конституции.

Наконец, именно конвенты штатов ратифицировали XXI поправку в Конституцию США, отменявшую *сухой закон*. Необходимо добавить, что такой способ ратификации был сознательно избран Конгрессом США для того, чтобы как бы на более высоком уровне преvozйти предыдущую ратификацию legislатурами штатов XVIII поправки, которая как раз и установила запрет на ввоз и продажу алкоголя на территории США. С апреля 1933 г. по апрель 1934 г. ее ратифицировали конвенты 38 штатов (сама поправка вступила в силу после ратификации 36 штатами в декабре 1933 г.). В то же время ее отверг конвент Южной Каролины, а в Северной Каролине законодателями большинством голосов высказались против созыва конвента.

Обращая внимание на другие формы прямой демократии в США, представляется возможным согласиться с мнением Ю. Д. Мельниковой, считающей, что «одним из важнейших инструментов участия граждан в условиях американской демократии являются референдум» [11, с. 1122]. Еще в 1920 г. Верховный Суд США в деле «Халк против Смита»² постановил, что народный референдум не является по своей правоустанавливающей силе аналогом ратификационного конвента или решения legislaturы штата. Стоит обозначить, что это касалось вопроса способа

² *Hawke v. Smith*, 253 U.S. 221 (1920). United States Supreme court *HAWKE v. SMITH* (1920) No. 582. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/253/221.html> (accessed 20 Nov 2023).

ратификации конституционной поправки. Данное решение фактически было окончательным решением иска ряда граждан штата Огайо, выступавших против ратификации поправки. С этой целью они инициировали сбор подписей для проведения референдума по вопросу о ратификации поправки. В вышеуказанном судебном решении Верховный Суд США истолковал положения конституции буквально, а референдум признал как способ ратификации, не предусмотренный конституцией, ее смыслу и букве.

Позднее это решение было существенно скорректировано в решении Верховного Суда США по делу «Легислатура штата Аризона против Независимой Комиссии по распределению территорий»³. В нем Верховный суд на этот раз фактически прибег к расширительному толкованию конституции, постановив, что термин *легислатура* в ее тексте означает *власть, создающая законы*, что также можно отнести и к народу штата. Указанное понятие, по мнению Верховного суда, скорее, нужно понимать как *власть штата*, противостоящую *федеральной власти*. Таким образом, под *властью штата* можно понимать и референдум как способ выражения мнения народа и принятия соответствующих решений. Согласно действующей конституции Аризоны (принятой в 1912 г. и насчитывающей уже 151 поправку), любой закон, который может быть принят легислатурой, может быть принят путем *народной инициативы*⁴ (ст. 22 разд. 14)⁵.

Поиск новых и эффективных способов и форм участия общества в принятии решений в эпоху конца XIX – начала XX в. привел к усилению внимания к институтам прямой демократии, уже имевшимся в то время в политико-правовых системах стран Европы. В частности, активно анализировался опыт Швейцарии, где проведение референдумов имело весьма давнюю традицию. В 1888 г. рабочий активист из Нью-Джерси Д. Салливан с целью изучения этого института посетил Швейцарию и по итогам своего визита написал работу, ставшую своего рода библией реформистского движения в США: «Прямое законотворчество гражданами посредством народной инициативы и референдума» [12]. Именно этой работой вдохновлялись сторонники реформ в США в конце XIX – начале XX в. Их интересы первоначально представляли т. н. *третьи партии* (Народная партия и др.) и многочисленные общественные организации [13, с. 345–347].

Из последних в рассматриваемом контексте стоит упомянуть *Рыцарей Труда* (*Knights of Labor*) [14].

В период своего наибольшего расцвета организация насчитывала свыше 800 тыс. членов и объединяла около 20 % рабочих США [15, р. 522]. Именно Рыцари Труда в начале 1890-х гг. организовали референдум среди своих членов по вопросу о выработке единой национальной политики, этот референдум имел и другое назначение – послужить для граждан США наглядным примером возможности существования в их стране такого важного института прямой демократии [4, р. 87–89]. Кроме того, они также выступали за предоставление избирательных прав женщинам, прямые выборы президента и сенаторов⁶ [16; 17].

Отметим, что давление со стороны избирателей на местных законодателей достаточно скоро принесло свои плоды: в 1897 г. в штате Небраска было разрешено проводить референдумы в муниципальных образованиях в пределах своих границ. На уровне штата подобная норма появилась в 1912 г., но впервые была узаконена решением законодателей Южной Дакоты.

Но все же основная слава в этом вопросе досталась штату Орегон. В 1902 г. институт референдума был легализован и там. Причем за основу был положен именно швейцарский опыт, широко к тому времени распропагандированный усилиями вышеупомянутого Д. Салливана и его соратниками [18]. Впоследствии другие штаты США, устанавливая у себя институты референдума и народной инициативы, опирались на правовой опыт именно этого штата. Поэтому в историю права референдум по-американски вошел под названием *Орегонская система*.

К концу первой волны распространения в Соединенных Штатах институтов прямой демократии (это совпало с участием США в Первой мировой войне) институт референдума существовал в правовых системах 22 штатов (в основном – западной части США) [19, р. 17]. В тот период вопросы, выносимые на референдум, касались в основном женского избирательного права, отмены избирательных налогов, ограничения продажи спиртных напитков, запрещения детского труда. Как отмечал Т. Кронин, американская система прямой демократии была рождена в эпоху тотального недовольства [20, р. 6].

Что же касается штатов Среднего Запада и Восточного побережья, то появление этого института в правовых системах этих штатов происходит уже во время второй волны демократизации, начиная со второй половины 1950-х гг. (Аляска – 1956 г., Вайоминг, Флорида – 1968 г., Миссисипи – 1992 г. и т. д.).

³ Arizona State legislature v. Arizona Independent redistricting commission, 576 U.S. 787 (2015). *Justicia US Supreme court*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/576/787/> (accessed 20 Nov 2023).

⁴ В данном случае имеется в виду референдум, инициированный избирателями.

⁵ Arizona State Constitution 1912. URL: <https://civics.asu.edu/arizona-constitution/unabridged#ArticleVI> (accessed 20 Nov 2023).

⁶ Populist Party platform. *Digital History*. 1896. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=4067 (accessed 20 Nov 2023).

Среди референдумов, имевших важное значение в становлении и развитии других институтов прямой демократии, стоит упомянуть конституционный референдум, состоявшийся в 1934 г. в Небраске, результатом которого стало преобразование местной бикамеральной легислатуры в монокамеральную (при 286086 голосах за реформу легислатуры и 193152 – против)⁷.

10 октября 1911 г. одновременно с местными выборами состоялся один из первых в истории штата Калифорния референдумов. На нем избирателям предлагалось решить вопрос о женском избирательном праве (поправка № 8 в конституцию штата, предложенная членом местного сената Ч. Беллом). За поправку проголосовало незначительное большинство – 50,7 % от всех проголосовавших. Интересно то, что весьма серьезным оказался разброс по отдельным избирательным округам: от 38 % за поправку в Сан-Франциско до 75 % в округе Модок [21]. Отметим, что по итогам референдума Калифорния стала в общей сложности шестым на тот момент штатом, где женщины получили избирательные права [22; 23].

Важным шагом в становлении института референдума стало принятие конституционной поправки № 22, изменяющей положения разд. ст. 4 Конституции штата Калифорния 1849 г. В предложенной поправке предусматривалось, что инициатором проведения референдума помимо самой легислатуры могут быть и сами граждане штата в случае, если поправка будет предложена в виде петиции и наберет необходимое количество голосов. Но в этом случае проводимый по инициативе граждан референдум имел бы факультативный характер [24, р. 264–266]. 20 февраля 1911 г. легислатура штата Калифорния одобрила эту поправку и 10 октября того же года она была одобрена на референдуме (76,4 % за). На этом же референдуме была одобрена и еще одна поправка, устанавливающая возможность отзыва депутата местной легислатуры. За нее высказалось 76,5 % проголосовавших [21].

Всего, согласно имеющимся у автора данным, за период 1912–2014 гг. на рассмотрение легислатуры штата поступило в общей сложности 1827 законодательных предположений (по инициативе как самих законодателей, так и граждан) для вынесения их на референдум. Из них местная легислатура предложила гражданам штата высказаться в 363 случаях (19,9 %). Из этого количества одобрено и вступило в силу 122. Подчеркнем, что наш основной источник не приводит данные об успешных референдумах

за 2013–2014 гг. В этом же случае (без учета этих двух лет) процент одобрения составляет 33,8 %⁸.

Таким образом, в ходе своего развития референдум как форма прямой демократии в США окончательно утвердился в праве США на уровне штатов и муниципальных образований. По своему характеру он носит, как правило, постзаконодательный и ратифицирующий характер. Хотя в более позднее время в ряде субъектов получил распространение и консультативный референдум, проводимый по инициативе граждан. О сравнительно частом проведении референдумов в США свидетельствует тот факт, что в ходе всеобщих выборов в ноябре 2004 г. состоялось в общей сложности 162 референдума различных уровней (в том числе 59 – в порядке народной инициативы) [25, с. 233–234].

Среди других форм прямой демократии, существующих в США, представляется необходимым остановиться на истории становления института отзыва выборных должностных лиц. Применительно к данному термину употребляют и такие синонимы, как отзывной референдум, петиция об отзыве или *отзывное голосование об отзыве (recall election)*. Истоки этого института в правовой истории США находят еще в колониальный период, но окончательное его утверждение в американском конституционном праве произошло именно в прогрессистскую эпоху. Выше мы упоминали о его имплементации в правовую систему Калифорнии (по итогам референдума 1911 г.) [26]. Схожие процессы имели место и в других штатах США (преимущественно Запада).

«Отцом» института американские исследователи считают врача из Лос-Анджелеса Джона Хайнеса, предложившего в 1898 г. закрепить представленную форму прямой демократии в уставе города, в основном для протидеяствия коррупции. Однако борьба за эту важную реформу продолжалась почти семь лет [27]. Первый успешный случай действия данного института имел место уже в 1913 г.: со своей должности был отозван окружной судья штата (г. Сан-Франциско), а в 1928 г. своего места лишился член городского совета Лос-Анджелеса Л. Райс-Врей⁹.

Впервые в истории США, в 1921 г., губернатором штата Северная Дакота Л. Фрейзером был отозван глава исполнительной власти штата. Важным является то, что на его место был избран *несистемный кандидат* – представитель т.н. *Ассоциации независимых избирателей*, представлявшей довольно

⁷ The History of the Nebraska's Unicameral Legislature. *Nebraska's Legislature*. URL: http://nebraskalegislature.gov/about/history_unicameral.php (accessed 20 Nov 2023).

⁸ Подсчитано по: Initiative totals by summary year 1912 – September 2014. URL: <https://web.archive.org/web/20141002172249/http://www.sos.ca.gov/elections/ballot-measures/pdf/initiative-totals-summary-year.pdf> (accessed 20 Nov 2023).

⁹ California's 1st judicial recall in 86 years to come before voters in Santa Clara County ballot. *The Mercury News*. 5 Jun 2018. URL: <https://www.mercurynews.com/2018/02/06/5045019> (accessed 20 Nov 2023).

консервативное общественное движение, идейно примыкавшее к правому крылу республиканцев Северной Дакоты¹⁰ [28]. Стоит отметить, что за всю историю США имели место лишь единичные успешные случаи отзыва губернатора: вышеупомянутый случай и относительно недавний (2003 г.) отзыв губернатора штата Калифорния Грэйса Дэвиса [29].

Характеризуя же в целом практику действия рассматриваемого института, следует обратить внимание на то, что вплоть до второй половины 1970-х гг. успешные отзывы носили относительно редкий характер. Гораздо чаще использоваться этот институт стал уже в XXI в. Например, в штате Калифорния за последние 20 лет референдум по отзыву успешно завершился в 9 случаях.

Как отмечают ученые, особенно массовый характер отзывная кампания имела место в 2011 г. Во всех штатах США, где существует данный институт (в 17), в общей сложности было подано 529 петиций по отзыву должностных лиц и состоялось около 150 соответствующих референдумов по их отзыву. Но только в 25 случаях они были доведены до успешного конца. Д. Спивак в своей работе 2021 г. называет 4 успешных случая отзыва губернаторов (3 из них – уже в XXI в.) и 39 членов legislatures штатов (34 из них – в период с 1981 г.) [27, р. 9]. Из всех этих референдумов самое большое количество (52) происходило в отношении членов городских советов, 11 – в отношении депутатов legislatures штатов, 17 – членов школьных советов¹¹.

Как пишут современные исследователи, в последнее время именно штат Калифорния считается *неофициальным королем* указанного института, имея в виду частоту его применения [30]. В то же время в ряде штатов США этот институт и прочие формы прямой демократии практически не используются, несмотря на их формальное существование в местном законодательстве (Вайоминг, Миссисипи, Арканзас и Аляска) [31, с. 117].

Заключение

Рассмотренные нами формы прямой демократии не исчерпывают абсолютно все ее разновидности, существующие в государственно-правовой системе США. В данной статье подверглись анализу лишь некоторые из них, которые оказали, на наш взгляд, наибольшее влияние на государственно-правовое развитие США. За рамками этой работы осталась, например, такая форма прямой демократии, как законодательная инициатива, «реализуемая гражданами штатов через

подачу петиций о включении их нормотворческих инициатив в бюллетени для голосования» [32, с. 140].

Прямая демократия в США, зародившаяся еще в колониальный период истории, получила свое окончательное закрепление и дальнейшее отражение в конституционном праве периода возникновения США как независимого суверенного государства. Но следует отметить, что отцы-основатели США по ряду причин отдавали предпочтение различным формам представительной демократии.

Социально-экономическое развитие США к концу XIX в. привело к накоплению нескольких серьезных проблем: коррупции, падению эффективности деятельности госаппарата, снижению зависимости избранных должностных лиц от электората, моральной цензуре и пр. Развернувшееся в то время движение макрейкеров указало американской общественности на наиболее острые социальные проблемы общества того времени. Мощное общественное движение за реформы, вначале возглавляемое рядом общественных движений того времени (вроде Рыцарей Труда) и т. н. третьих партий, впоследствии было подхвачено и использовано реформистскими кругами основных партий (как республиканцев, так и демократов). В конечном итоге это движение привело к имплементации в конституционное законодательство штатов различных форм прямой демократии (референдум, отзыв должностных лиц, народная инициатива и пр.).

Вторая волна утверждения институтов прямой демократии в США и их более активное использование имела место начиная со второй половины 1950-х гг. и происходила параллельно и в непосредственной связи с кампанией борьбы за гражданские права и политики справедливого курса администрации президента Л. Джонсона по строительству *Великого общества* и продолжилась в дальнейшем. В настоящее время мы наблюдаем как дальнейший рост случаев активного использования различных форм прямой демократии американским обществом, так и продолжение их дальнейшей имплементации в правовые системы штатов США.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

¹⁰ North Dakota Presidential PVIs, 1904–2016. *Daily Kos*. 4 Jul 2019. URL: <https://www.dailykos.com/stories/2019/7/3/1867905/-North-Dakota-Presidential-PVIs-1904-2016> (accessed 20 Nov 2023).

¹¹ The Year in Recalls – 151 Recalls in 2011 (edited to add another recall). *The Recall Elections Blog*. 27 Dec 2011. URL: <http://recallelections.blogspot.com/2011/12/year-in-recalls-150-recalls-in-2011.html> (accessed 20 Nov 2023).

Литература / References

1. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея, ред. Н. Н. Яковлев. М.: Весь Мир, 2000. 592 с. [*The Federalist papers; Alexander Hamilton, James Madison, John Jay*, ed. Yakovlev N. N. Moscow: Ves Mir, 2000, 592. (In Russ.)]
2. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 2015. 398 с. [Makiavelly N. *The Prince; The art of war; Discourses om the first decade of Titus Livius; The history of Florence*. Moscow: Mysl, 2015, 398. (In Russ.)]
3. Bybee Jay S. Ulysses at the mast: Democracy, federalism, and the sirens' song of the seventeenth amendment. *Northwestern University Law Review*, 1997, 91(2): 500–571.
4. Lloyd H. D. *Wealth against commonwealth*. New York: Harper & Brothers Publishers, 1899, 564.
5. Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. М.: Весь Мир, 2013. 352 с. [Sogrin V. V. *Central problems of American history*. Moscow: Ves Mir, 2013, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttpwrh>
6. Согрин В. В. История США. М.: Междунар. отношения, 2021. 600 с. [Sogrin V. V. *History of the USA*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2021, 600. (In Russ.)]
7. Малаховский А. К. «Разгребали грязь» след в истории современной американской журналистики. *Universum: Филология и искусствоведение*. 2017. № 12. [Malakhovsky A. K. "The muckrakers": An impact on history of modern American journalism. *Universum: Philology and art history*, 2017, (12). (In Russ.)] URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5378> (дата обращения: 20.11.2023).
8. Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 400 с. [Sogrin V. V. *Political history of the USA. XVII–XX centuries*. Moscow: Ves Mir, 2001, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyyuyt>
9. Косихина С. С. Внесение поправок в конституцию Соединенных Штатов Америки: формальный способ. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 100. С. 21–24. [Kosikhina S. S. Mendment of the constitution of the United States of America: The formal way. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2023, (100): 21–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.22250/20730284_2023_100_21
10. Чечелев С. В. Ратификация конституционных актов как форма развития права в США в новое время. *Правоприменение в публичном и частном праве: Междунар. науч. конф. (Омск, 29 марта 2019 г.) Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского*, 2019. С. 16–18. [Chechelev S. V. Ratification constitutional act as a form of legal development of the USA in modern history. *Law enforcement in public and private law: Proc. Intern. Sci. Conf., Omsk, 29 Mar 2019*. Omsk: OmSU, 2019, 16–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcgphn>
11. Мельникова Ю. Д. Модели и опыт реализации гражданской инициативы на местном уровне в США. *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. № 4. С. 1122–1131. [Melnikova Yu. D. Models and experiences of local civic initiative – implementation in the United States. *Political science issues*, 2021, 11(4): 1122–1131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.68.4.018>
12. Sullivan J. W. *Direct legislation by the citizenship through the initiative and referendum*. New York: True Nationalist Publishing Company, 1893, 126.
13. Смирнов И. В. Критическое восприятие лидерами популистской партии Конституции США (рубеж XIX–XX веков). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 26. № 195. С. 341–352. [Smirnov I. V. Critical perception by the leaders of the populist party of the US Constitution (turn of the 19th–20th centuries). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, 26(195): 341–352. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-341-352>
14. Kaufman J. Rise and fall of a nation of joiners: The knights of labor revisited. *Journal of Interdisciplinary History*, 2001, 31(4): 553–579. <http://dx.doi.org/10.1162/00221950151115089>
15. Commons J. R. *History of labour in the United States*. New York: The Macmillan Company, 1918, Vol. 2, 642.
16. Goodwyn L. *The Populist moment: a short history of the agrarian revolt in America*. New York: Oxford University Press, 1978, 384.
17. Clanton O. G. *Populism: the humane preference in America, 1890–1900*. Boston: Twayne Publishers, 1991, 199.
18. Burton H. The initiative and referendum and how Oregon got them. *McClure's Magazine*, 1911, 37(3): 235–248.
19. Schmidt D. *Citizen lawmakers: The ballot initiative revolution*. Philadelphia: Temple University Press, 1972, 346.
20. Cronin T. E. *Direct democracy: The politics of initiative, referendum, and recal*. Cambridge: Harvard University Press, 1989, 290.
21. LaVally R. 200 Significant statutes and constitutional amendments of the 20th century. *Laws of the Century*, 1999, 31.
22. Rodes D. W. *California women's suffrage campaign of 1911*. Hayward: California State University, 1974, 209.

23. Cardinale K. A. *Building a coalition in California: The 1911 campaign for women's suffrage*. San Bernardino: California State University, 2022, 75.
24. Beard C. A., Schultz B. E. *Documents on the state-wide initiative, referendum and recall*. New York: The Macmillan company, 1912, 394.
25. Лафитский В. И. Конституционный строй США. М.: Статут, 2011. 351 с. [Lafitsky V. I. *Constitutional system of the USA*. Moscow: Statut, 2011, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmbxxj>
26. Gold M. Recall idea got its start in L.A. in 1898. *Los Angeles Times*, 2003. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2003-jul-13-me-history13-story.html> (accessed 15 Nov 2023).
27. Spivak J. Recall elections: From Alexander Hamilton to Gavin Newsom. *Independently published*, 2021, 100.
28. Hylton G. J. Who was gov. Lynn Joseph Frazier? *Marquette University Law School*, 2012. URL: <https://law.marquette.edu/facultyblog/2012/07/who-was-gov-lynn-joseph-frazier/> (accessed 15 Nov 2023).
29. Salladay R. State of transition / End of the Davis era / Tempered temperament led state. *Chronicle Staff Writer*, 2003, (12). URL: <https://www.sfgate.com/politics/article/STATE-OF-TRANSITION-End-of-the-Davis-era-2549307.php> (accessed 15 Nov 2023).
30. Karlamangla S. Why do we have recalls? Thank Los Angeles. A brief history of the recall in California. *The New York Times*, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/09/01/us/why-does-california-have-recalls.html> (accessed 15 Nov 2023).
31. Маркушина Н. Ю., Парфенёнок Н. Л., Симонов Д. П. Сравнительный анализ регионов США по фактическому и юридическому положению прямой демократии. *Оригинальные исследования*. 2023. Т. 13. № 2. С. 112–122. [Markushina N. Y., Parfenenok N. L., Simonov D. P. Comparative analysis of US regions by actual and legal status of direct democracy. *Original Research*, 2023, 13(2): 112–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hewlbg>
32. Шидловский А. В. Правовой статус организаторов выборов в штате Монтана. *Правовая парадигма*. 2019. Т. 18. № 3. С. 137–144. [Szydowski A. V. The legal status of election officials in the state of Montana. *Legal Concept*, 2019, 18(3): 137–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.20>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/oyhsez>

Модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность

Бахтеев Дмитрий Валерьевич

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, Россия, Екатеринбург
<https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

Цветкова Анна Денисовна

Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»,
Россия, Екатеринбург
<https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>
at@crimlib.info

Аннотация: Для противодействия совершенствующейся преступности правоохранительные органы нуждаются в оперативном внедрении в практику их деятельности новых технологий. Однако существующие сегодня модели такого внедрения не позволяют достичь конкурентного преимущества и действительно повысить эффективность криминалистической деятельности. Цель – рассмотреть существующие модели интеграции различных технологий в правоохранительную практику и предложить пути их оптимизации. Нами проанализированы модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность; отмечены их достоинства и недостатки; определены наиболее эффективные формы внедрения современных технологий, число которых постоянно возрастает, в правоохранительную практику. Были использованы обще- и частнонаучные методы познания (диалектический, анализ, синтез, аналогия, проецирование, прогнозирование и т. д.), главным из которых явился метод моделирования, позволяющий описать типичные пути рассматриваемой интеграции. В результате выявлены 4 основных модели интеграции современных технологий в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений: законодательное закрепление, внедрение после проверки эффективности в рамках экспериментального правового режима, ведомственная регламентация и самостоятельное инициативное внедрение. Установлено, что у каждой модели есть как положительные черты (гарантированная легальность, возможность учета проблем и рисков, оперативность, действительная научно обоснованная полезность), так и недостатки (длительность процесса законодательного закрепления, риск нарушения прав участников уголовного судопроизводства, невозможность провести объективную оценку эффективности, рассогласование научных рекомендаций и потребностей практики). Сделан вывод о необходимости реализовывать комплексную модель, модернизирующуюся в зависимости от специфики конкретной технологии, предлагаемой к внедрению в практику борьбы с преступностью. Обосновывается необходимость согласованной работы ученых, практических работников и руководителей следственных органов и законодателей. Предлагается конкретный алгоритм, по которому может осуществляться такая работа для повышения эффективности криминалистической деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая деятельность, уголовный процесс, современные технологии, интеграция технологий, цифровизация, экспериментальный правовой режим, клавиатурный почерк

Цитирование: Бахтеев Д. В., Цветкова А. Д. Модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 222–230. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-222-230>

Поступила в редакцию 06.02.2024. Принята после рецензирования 06.03.2024. Принята в печать 11.03.2024.

full article

Models of Integrating Modern Technologies into Law Enforcement Activities

Dmitry V. Bakhteev

V. F. Yakovlev Ural State Law University, Russia, Ekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

Anna D. Tsvetkova

CrimLib Centre for Criminalistics Advancement, Russia, Ekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>
at@crimlib.info

Abstract: To counteract the development of criminal activity, law enforcement agencies need to employ new technologies. However, the current models of such implementation provide neither competitive advantage nor forensic efficiency. This article describes the existing models of integrating advanced technologies into law enforcement

practice, as well as ways of their optimization. The paper considers the best practices and related risks. The authors relied on standard cognition methods and modeling to develop four key models of integrating modern technologies into crime investigation activities, i.e., 1) legislative consolidation, 2) implementation after the effectiveness has been experimentally verified, 3) departmental regulation, 4) independent initiative implementation. Each model demonstrated a number of advantages and disadvantages. On the one hand, they proved legal, effective, rational, and based on actual threats and risks. On the other hand, the legislative consolidation process is long: as a result, participants in criminal proceedings risk their rights. Moreover, no objective effectiveness assessment can be provided while scientific recommendations do not correlate with actual practice. The authors proposed a comprehensive model that can adapt to a particular technology. The model presupposes coordinated actions of scientists, practitioners, investigative authorities, and legislators. The article also introduces an algorithm that increases the effectiveness of forensic activities.

Keywords: forensics, criminal process, modern technologies, integration of technologies, digitalization, experimental legal regime, keystone dynamics

Citation: Bakhteev D. V., Tsvetkova A. D. Models of Integrating Modern Technologies into Law Enforcement Activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 222–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-222-230>

Received 6 Feb 2024. Accepted after review 6 Mar 2024. Accepted for publication 11 Mar 2024.

Введение

XXI в. уже охарактеризован как век обновления и совершенствования цифровых технологий, создаваемых в рамках научно-технического прогресса. Вместе с тем любое развитие не может происходить замкнуто в отдельных отраслях. Оно проникает во все сферы жизни общества: науку, быт, искусство, государственное управление – и обладает комплексным характером. Не является исключением и преступная деятельность. По общему правилу новые технологии имеют нейтральный или условно позитивный характер. Однако большинство современных технологических решений не обладают жесткой привязкой к признаваемым обществом и государством ценностям: они могут быть использованы как с благими целями, так и адаптированы злоумышленниками для решения их преступных задач [1; 2].

Для того чтобы эффективно противодействовать совершенствующейся с каждым днем противоправной деятельности, необходимо разрабатывать и внедрять в работу правоохранительных органов новые технологии. Но если для преступного сообщества цикл внедрения технологического решения предельно упрощен и по очевидным причинам не требует теоретического осмысления, то для внедрения технологий в правоохранительную систему нужна существенная подготовка, включающая, помимо прочего, внесение изменений в законодательство, выделение финансирования, создание специализированных баз данных, их регистрацию, масштабирование технологии на территорию всей страны и т. п. Нередко подобные процессы требуют существенных ресурсов: как финансовых, так и иных, например, человеческих, логистических и временных, в результате чего полезный эффект достигается далеко не сразу, предоставляя злоумышленникам преимущество. Цель – рассмотреть

существующие модели интеграции различных технологий в правоохранительную практику и предложить пути их оптимизации.

Исследование вопросов технического сопровождения криминалистической деятельности берет свое начало на заре криминалистики, когда среди отечественных ученых активно велась дискуссия о природе данной науки и значительной была позиция, что криминалистика – наука техническая, адаптированная для решения юридических задач [3, с. 1630–1631]. Следует отметить, что за рубежом наблюдается иной подход: криминалистика не воспринимается как единая научная отрасль. Если вопросы тактики носят юрико-гуманитарный характер, то выделяемый в России раздел криминалистической техники именуется за рубежом *forensic science* (судебная наука) и включает в себя широкий спектр знаний из точных наук [4, с. 41–43]. Четвертая промышленная революция, сопровождающаяся в том числе тенденцией к мультидисциплинарности, выявила иной ракурс давней проблемы: каким должен быть процесс оптимальной интеграции современных технологий с правоохранительной практикой. При этом, как верно отмечал А. А. Эксархопуло еще в 1993 г., описывая трансформацию криминалистики из потребителя научно-технических достижений в инициатора создания новых технологий в сфере уголовного судопроизводства, для этого необходима надежная теоретическая база криминалистической науки, которая позволит не только заимствовать уже созданные технологии, но и ставить перед другими науками конкретные задачи с целью создания уникального специализированного средства [5, с. 71]. Вместе с тем нужно отметить, что до сих пор подобные инициативы можно встретить весьма редко. В подавляющем

большинстве случаев правоохранительная практика довольствуется адаптацией для решения задач раскрытия и расследования преступлений универсальных технологий, ориентированных на широкий круг потребителей или в принципе разработанных для иных сфер деятельности. Такая адаптация не является копированием, поскольку криминалистика «перерабатывает достижения естественных и технических наук, создавая на основе этого новые научно-технические приемы, новые технические средства и вооружая тем самым следствие в целях более успешной борьбы с преступностью» [6, с. 9].

В настоящей работе нас будет интересовать именно процесс адаптации, его возможные формы, достоинства и недостатки каждой из них, т. к. практика сталкивается с этим процессом и сопутствующими проблемами чаще. Несмотря на это, в научной литературе обычно рассматривается вопрос, какие именно технологии следует внедрять [7–9], а процедурные и организационно-технические вопросы в части проблем самого процесса внедрения технологий оставляются за рамками проводимых исследований.

С другой стороны, нередко можно встретить позицию о необходимости нормативного закрепления новой технологии в Федеральном законе [10], которая, однако, высказывается исключительно на основе авторского представления о значимости этого средства для повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (что обычно не вызывает сомнений), при этом без анализа действительной возможности экономической и тактической целесообразности такого закрепления, т. е. без учета естественных пределов правового регулирования.

Учеными предлагаются и иные форматы регламентации использования технологических решений и технических средств в правоохранительной практике, в частности на уровне ведомственных или межведомственных актов [11, с. 237]. Но и эти идеи звучат лишь в качестве тезисов, без описания положительных и отрицательных эффектов их реализации.

Таким образом, считаем необходимым системно рассмотреть модели интеграции современных технологий в правоохранительную практику, предложив их критический анализ и оценку допустимости, оптимальности той или иной модели.

Методы и материалы

Исследование основано на изучении научно-практических работ, актуального законодательства и правоохранительной (следственной) практики с целью выявления путей их взаимодействия и взаимовлияния в части проникновения современных технологических решений и технических средств в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Для этого нами были использованы следующие методы: диалектический, позволяющий оценить все явления в их динамической связи; синтез – для обобщения частных примеров; анализ – для детализированного исследования отдельных аспектов и оценки достоинств и недостатков конкретных явлений; прогнозирование – для формулирования заключительных положений, предложения путей совершенствования существующей практики внедрения технологий в правоохранительную практику.

Однако основным является метод моделирования. В следующем разделе представлены именно модели, по которым происходит внедрение новых технологий в правоохранительную практику, т. е. идеальные абстракции, которые могут не соответствовать в полной мере действительной практике, лишь в грубых обобщенных чертах представляя конкретное явление реального мира, но при этом передавая наиболее значимые сущностные компоненты [12, с. 234]. Вместе с тем без подобного обобщения, свойственного методу моделирования, научное познание было бы затруднено, поскольку от ученого требовалось бы подробно рассматривать единичные факты, фокусируясь на их особенностях и пренебрегая восприятием общей картины.

Результаты

Модель законодательного закрепления

Первая модель может быть названа традиционной для Российской Федерации, поскольку по ней осуществляется адаптация большинства технологических решений в практику уголовного судопроизводства. Она предполагает первоначальное научное обоснование полезного эффекта для целей раскрытия и расследования преступлений от уже зарекомендовавшего себя с положительной стороны в какой-либо отрасли технологического решения. Важно, чтобы подобное обоснование шло со стороны репрезентативной группы членов научного коллектива, находило поддержку у практических работников, подтверждаясь собранными эмпирическими данными в виде результатов анкетирования, опросов и интервьюирования действующих сотрудников, а также разделялось политическими деятелями, мнение которых значимо при принятии подобных решений. При наличии существенных изменений в деятельности субъектов расследования могут вноситься соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), закрепляющие возможность использования конкретного технического устройства или технологического решения в уголовном процессе, как это уже было, например, в случае введения ст. 164.1 УПК РФ. При этом нередко нормативному закреплению предшествует какой-либо социальный кризис или резонансное дело, после которых для большинства становится очевидной давно

назревшая необходимость внедрения конкретной технологии в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Только после внесения описанных изменений в УПК РФ начинается использование достижений научно-технического прогресса, но в тех рамках, которые очертил законодатель и которые могут вызывать критику со стороны научного сообщества и практических работников.

Достаточно ярким примером последних лет стало нормативное закрепление возможности использовать видео-конференц-связь при производстве отдельных следственных действий. О такой необходимости говорили, например, еще в 2017 г. [13, с. 58]. Но, только после пандемии коронавируса и очередного призыва со стороны ученых [14, с. 90] в УПК РФ были внесены соответствующие изменения: кодекс дополнен ст. 189.1, регламентирующей порядок производства допроса, очной ставки и опознания с использованием систем видео-конференц-связи¹. Другим примером реализации указанной модели может служить допущение фото- и видеосъемки, аудиозаписи при производстве следственных действий, а также возможность заменить данными технологическими решениями обязательное участие понятых в отдельных случаях.

Несмотря на распространенность и гарантированную легальность описанной модели, она не является оптимальной, т. к. от момента появления технологии и обоснования ее применимости в криминалистической деятельности до непосредственного появления возможности такого применения проходит значительный период времени, что, накапливаясь, приводит к снижению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Помимо этого, закрепление условий и правил использования технического устройства или технологии в законе нередко влечет за собой дополнительные проблемы:

1. Законодатель не учитывает всех потребностей правоохранительных органов, и норма получается неполной, пробельной, разрешающей лишь часть проблем и полностью игнорирующей иные, нередко более существенные.

2. Норма не всегда основывается на научных рекомендациях, в связи с чем не удается достичь того положительного эффекта от внедрения новой технологии в практику раскрытия и расследования преступлений, которую описывали в своих работах ученые.

Для решения описанных затруднений, с одной стороны, может быть задействован Пленум Верховного Суда РФ, который в своем Постановлении способен разрешить спорные, неурегулированные вопросы,

закрыть пробелы самой нормы. Однако для принятия такого Постановления необходима практика, наглядно демонстрирующая существенность проблемы правоприменения и недостатки законодательного положения, на формирование которой также требуется время и не одна следственная и судебная ошибка. С другой стороны, возможно воздействие научного сообщества, которое способно изменить ранее сформулированные рекомендации и прогнозы, адаптировав их к нормативной действительности, одновременно с этим отмечая необходимость совершенствования законодательства. Но практические работники не всегда имеют возможность ознакомиться с научными рекомендациями. Тем самым они вынуждены опираться исключительно на собственный опыт или полностью игнорировать норму, предоставляющую возможность повышения эффективности за счет внедрения нового технологического решения, из-за невозможности ее приложения к решению реальных задач раскрытия и расследования преступлений.

Модель правового эксперимента

Вторая модель тоже связана с закреплением изменений в Федеральном законе, однако является более гибкой. Она появилась только в 2020 г. и на сегодняшний день не получила широкого распространения в правоохранительной сфере, хотя, на наш взгляд, обладает значительным потенциалом. Эта модель основана на режиме *регуляторных песочниц*, или экспериментальных правовых режимах, которые положительно себя зарекомендовали как в России, так и за рубежом в различных областях общественной жизни [15; 16] и предусматривают, что в какой-либо сфере или отдельно взятом регионе вводится собственное правовое регулирование, позволяющее апробировать современные технологии, выработать оптимальную модель их широкого распространения². Если эксперимент признается удачным, то Федеральное законодательство модернизируется в соответствии со сформированным подходом, учитывая все проблемы, которые были выявлены в процессе экспериментального периода.

В качестве примера реализации данного подхода в правоохранительной сфере можно назвать внедрение системы «Безопасный город», которая позволяет предотвращать преступления и иные правонарушения, выявлять преступников, даже при попытках замаскировать свою внешность, и решать иные схожие задачи [17]. Режим регуляторной песочницы может применяться при адаптации новых технологий к деятельности по раскрытию и расследованию

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. ФЗ № 501-ФЗ от 30.12.2021. СПС КонсультантПлюс.

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ. ФЗ № 258-ФЗ от 31.07.2020 (в ред. ФЗ № 331-ФЗ от 02.07.2021). СПС КонсультантПлюс.

преступлений очень ограниченно: только в том объеме, в котором это никак не затрагивает напрямую вопросы, регулируемые УПК РФ. Это связано с тем, что экспериментальные правовые режимы подразумевают ограничение прав граждан, предоставляемых им по закону, а допустить подобное ограничение в сфере уголовного судопроизводства, тем более на какой-то отдельной территории в рамках России, невозможно, т. к. это нарушит принцип справедливости.

Таким образом, внедрение в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений новых технологий в рамках указанной модели возможно только, если их влияние является опосредованным, не нарушает нормативно установленный порядок производства следственных действий, закрепления доказательственной информации и т. д. Вместе с тем, данный подход представляется ограниченным, т. к., как верно отмечает А. Б. Салаев, «использование цифровых инструментов в процессе сбора доказательств может обеспечить большую прозрачность и справедливость, что является крайне важным для поддержания доверия со стороны общественности» [18, с. 97–98]. Любые современные технологии при правильном их использовании способны не только повысить эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, но и обеспечить большую гарантию законных прав участников уголовного судопроизводства. Поэтому считаем необоснованным отказ от введения экспериментальных правовых режимов в этой сфере.

Но прозрачность свойственна не всем цифровым технологиям: системы, функционирующие на моделях машинного обучения, обладают низкой вероятностью интерпретации своей логики. В силу этого проверка правильности принятия решения внутренними средствами системы крайне маловероятна. В этой связи требуется каждый раз внимательно подходить к оценке сущности нового технологического решения при решении вопроса о допустимости применения к нему режима регуляторных песочниц: нельзя установить единое правило, когда он будет допустим, требуется производить экспертную оценку для каждой отдельной ситуации, не запрещая данную модель полностью, но и не злоупотребляя ею.

Однако пока действует описанная особенность недопустимости экспериментов, если они могут затронуть права и свободы участников уголовного судопроизводства, становится актуальной проблема определения границ правовой регламентации: как установить, нуждается ли новое техническое средство в отдельном его закреплении в нормах уголовно-процессуального законодательства, или оно может быть адаптировано для решения задач правосудия по собственному усмотрению должностного лица (следователя в соответствии с ч. 4 ст. 164 УПК РФ).

И. З. Федоров, указывая на необходимость исследования признаков клавиатурного почерка, т. е. уникальных особенностей поведения пользователя компьютерного устройства, проявляющихся при печати на клавиатуре, для идентификации исполнителя напечатанного текста предлагает «дополнить п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ "Доказательства" после слов *заключение и показания эксперта* следующим текстом: "в том числе основанные на применении программно-математического метода исследования сведений, полученных с использованием технических средств фиксации паттернов ритма и динамики клавиатурного почерка"» [19, с. 114], а также внести иные сопутствующие изменения в УПК РФ. Нам же подобная регламентация представляется чрезмерной, т. к. клавиатурный почерк, зафиксированный в логах системы или специализированной программе, является цифровым следом и, согласно доминирующей на сегодняшний день в уголовно-процессуальном праве позиции, представляет собой, в зависимости от конкретных обстоятельств, вещественное доказательство или иной документ [20; 21, с. 561]. Отметим, что даже если допустить необходимость образования нового самостоятельного вида электронных доказательств [22, с. 81], то клавиатурный почерк лишь войдет в их число без необходимости его отдельного выделения и специальной регламентации.

Модель инициативного внедрения

Переходим к описанию следующей модели: когда технология или техническое средство носят исключительно инструментальный характер, влияют на внутренние процессы деятельности, никак не сказываясь на процессуальных гарантиях и возможностях сторон, в связи с чем могут быть интегрированы в практику без специальной санкции законодателя или вышестоящего должностного лица.

Отдельные технологические решения не требуют закрепления в законе, поскольку де-факто детализируют содержание уже известной технологии. К примеру, использование дронов вполне входит в содержание фото- или видеофиксации, а использование автоматизированного поиска информации на цифровых носителях углубляет возможности следственного осмотра. Эти и прочие примеры показывают, что избыточной детализации УПК РФ не требует: прогресс в любом случае будет быстрее законодательства [23, с. 22], которое должно не пытаться угнаться за ним, а устанавливать границы и общие правила применения технологий в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то что существует позиция, согласно которой дроны и иные беспилотные летательные аппараты должны быть отдельно предусмотрены в УПК РФ (по аналогии с системами фиксации признаков клавиатурного почерка), практика свидетельствует об успешной реализации модели свободной адаптации.

Укажем, что внедрение нового технологического решения или технического средства в рассматриваемой ситуации может произойти как на основе научных рекомендаций, так и по исключительно собственной инициативе должностного лица. Первый вариант представляется приоритетным, поскольку предполагает одновременное распространение идеи повышения эффективности среди широкого круга представителей правоохранительных органов, а также в большей степени гарантирует оптимальную форму использования новой технологии при соблюдении всех требований законодательства, т. к. ученые внимательно изучают все потенциальные возможности и риски перед тем, как сформулировать предложения о модернизации традиционных форм ведения следственной деятельности. Но это не означает, что ситуация инициативного внедрения технологического решения или технического средства является недопустимой или нежелательной: никто лучше самих следователей не знает, какие существуют сложности у них в работе и как часть этих сложностей можно нивелировать. В связи с этим, разделяя позицию Е. С. Крюковой и Е. Е. Центрова, согласно которой криминалистическая наука и практика обязаны влиять друг на друга, а цель любых теоретических положений – обеспечить наиболее рациональную организацию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [24, с. 59], считаем, что и адаптация современных технологий должна происходить при взаимодействии ученых и работников правоохранительных органов.

В научной литературе можно встретить, на наш взгляд, весьма интересное предложение по практическому воплощению описанного взаимодействия, реализация которого позволит разрешить отдельные проблемы полностью самостоятельного внедрения технологий: создание «интегрированного реестра научно-технических средств в формате программного продукта с модулем регулярного обновления; описанием и тактико-техническими характеристиками НТС; сферой применения (оперативно-розыскное мероприятие, следственное действие и / или экспертное исследование) и фиксированными сроками эксплуатации (сведения об актах поверки, сертификации и / или испытаниях)» [25, с. 167].

Из всего отмеченного выше можно заключить, что модель самостоятельного внедрения видится оптимальной с позиций оперативного реагирования и возможности двигаться в ногу со временем, получая таким образом конкурентное преимущество перед злоумышленниками. Однако необходимо учитывать, как указывалось ранее, что без надлежащей научной обоснованности подобная адаптация может привести только к большему числу проблем или не дать надлежащих результатов. Так, использование систем искусственного интеллекта для составления плана

расследования без критического его осмысления может грозить утратой доказательственной информации из-за неправильной последовательности экспертных исследований, где на первое место встанет экспертиза, предполагающая деструктивные методы. Аналогичное же задействование подобных технологий для составления обвинительного заключения несет в себе риск неправильного сопоставления фактов, существенных для дела обстоятельств и т. д. Из этого следует, что инициатива должна быть осторожной, научно обоснованной и критически осмысленной.

Модель ведомственной регламентации

Последняя модель, которая логически располагается между предварительным нормативным закреплением возможности использования технологических решений или технических средств в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и их независимым самостоятельным внедрением, предполагает закрепление описанной возможности на подзаконном уровне в ведомственных или межведомственных актах.

В данном случае также происходит изначальное научное обоснование пользы, оценка положительных эффектов от внедрения нового технического средства или технологического решения. После чего руководителем следственного органа (председателем Следственного комитета России, министром внутренних дел России, директором Федеральной службы безопасности России) издается акт с пометкой *для служебного пользования*, в котором регламентируются условия применения технологического решения или технического средства, порядок закрепления результатов, полученных с его помощью, и их признания в качестве доказательственной информации.

Подобную модель, например, предлагают реализовать в отношении дронов, причем на межведомственном уровне [9, с. 237]. Она представляется достаточно оптимальной, поскольку позволяет избежать трудностей нормативного закрепления, но в то же время гарантирует единообразие подходов к использованию. Помимо этого, регламентация новой технологии в ведомственном нормативном акте гарантирует, что с ней и порядком ее применения будут ознакомлены все практические сотрудники правоохранительного органа. Но стоит отметить, что она отнюдь не совершенна:

1. Из-за закрытого характера актов они могут оставаться неизвестными для представителей иных правоохранительных органов, что будет приводить к разным темпам технологического развития, а также к несогласованности регламентации вопросов, связанных с одинаковой технологией. Укажем, что подобная проблема возникает даже в ситуации публичного характера подзаконных актов различных ведомств и выражается, например, в вопросе признания полиграфа.

2. Закрытый характер не позволяет ученым оценить данные акты и сформулировать рекомендации в части более оптимального использования возможностей соответствующей технологии.

3. Как и в случае с работой законодателя, высшее должностное лицо правоохранительного органа может в своем Приказе не предусмотреть всех ситуаций применения технологии, из-за чего норма окажется несовершенной.

4. Закрытый характер не дает возможности объективно оценить, не нарушает ли внедрение этой технологии права участников уголовного судопроизводства, что влечет за собой риски злоупотребления.

Заключение

Подводя итог, отметим, что адаптация технологий в уголовном судопроизводстве – бесконечный процесс, который может быть лишь ускорен или замедлен, но никак не остановлен полностью или завершен. Правоохранительные органы, научное сообщество, органы законодательной власти имеют разные возможности по изучению и внедрению технологий, однако совместными усилиями возможно достижение максимальной эффективности отдельных технологических решений в условиях минимизации затрат ресурсов и возможных рисков. В этой связи наиболее оптимальной представляется комплексная модель, отдельные аспекты которой будут реализованы в зависимости от специфики конкретной технологии.

На первых этапах научного осмысления необходимо оценить сущность технологического решения или технического средства, потенциальные риски от его внедрения, а также угрозы для законных прав участников уголовного судопроизводства. Далее требуется оценить перспективы внедрения данной технологии в правоохранительную практику и отдельно – целесообразность нормативного закрепления. Если технология является сложной, последствия ее внедрения видятся неоднозначными, то следует провести эксперимент на отдельной территории. Если очевидно существенное непосредственное воздействие на права участников уголовного процесса, требуется инициировать процедуру законодательного закрепления.

Если выявленные риски понятны и незначительны в сравнении с потенциальным положительным эффектом, нужно распространить рекомендации по интеграции нового технологического решения или технического средства в правоохранительную практику силами научного сообщества и предложить проект ведомственного или межведомственного акта, обеспечивающего более формальную регламентацию рекомендаций, сформулированных учеными.

Работа по описанному алгоритму должна осуществляться при постоянном взаимодействии всех заинтересованных субъектов: ученых, практических работников правоохранительных органов, руководителей этих органов, законодателей. Именно согласованность позволит повысить эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, лишить злоумышленников технологического преимущества.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011 «Концептуальные и прикладные аспекты разработки практико-ориентированных цифровых проектов криминалистического значения». <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation No. 23-78-10011: Conceptual and applied aspects of practice-oriented digital forensic projects, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10011/>

Литература / References

1. Ayo F., Bamidele A. J., Olasupo A., Imoize A., Li Ch.-T., Lee Ch.-Ch. CBFISKD: A combinatorial-based fuzzy inference system for keylogger detection. *Mathematics*, 2023, 11(8). <http://dx.doi.org/10.3390/math11081899>
2. Rai S., Choubey V., Suryansh, Garg P. A. Systematic review of encryption and keylogging for computer system security. *Fifth international conference on computational intelligence and communication technologies (CCICT-2022)*: Conf., Sonapat, 8–9 Jul 2022. Sonapat: ABES Engineering College, 2022, 156–162. <https://doi.org/10.1109/CCICT56684.2022.00039>
3. Натура А. И., Натура Д. А. Криминалистика: место в системе научного знания и ее природа. *Baikal Research Journal*. 2023. Т. 14. № 4. С. 1626–1634. [Natura A. I., Natura D. A. Criminalistics: The place in the system

- of scientific knowledge and its nature. *Baikal Research Journal*, 2023, 14(4): 1626–1634. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(4\).1626-1634](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(4).1626-1634)
4. Волчещкая Т. С., Головин А. Ю., Осипова Е. В. Особенности развития российской и американской криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018. № 29. С. 40–52. [Volchetskaya T. S., Golovin A. Y., Osipova E. V. Features of Russian and American criminalistics development: Technics, tactics and investigation technique. *Tomsk State University Journal of Law*, 2018, (29): 40–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22253513/29/4>
 5. Величкин С. А. Научные основы криминалистики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2013. № 3. С. 65–99. [Velichkin S. A. Scientific foundations of criminalistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2013, (3): 65–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcavuj>
 6. Тарасов-Родионов П. И. Советская криминалистика. *Социалистическая законность*. 1951. № 7. С. 6–15. [Tarasov-Rodionov P. I. Soviet criminology. *Socialist legality*, 1951, (7): 6–15. (In Russ.)]
 7. Yavorsky M. A. Information technologies in law enforcement: Overview of implements and opportunities. *Global challenges and prospects of the modern economic development: Proc. Conf.*, Samara, 15–16 Dec. 2020. Samara: State University of Economics, 2021, 1398–1405. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.166>
 8. Милованова М. М., Петранцова Т. С. Современные технико-криминалистические средства и возможности их применения при расследовании преступлений. *Legal Bulletin*. 2020. Т. 5. № 1. С. 57–62. [Milovanova M. M., Petrantsova T. S. Actual forensic technologies and the possibility of their use in the investigation of a crimes. *Legal Bulletin*, 2020, 5(1): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdzaqj>
 9. Patel D. S. Crime scene investigation using advanced technologies. *International journal of science and research (IJSR)*, 2024, 13(2): 928–929. <http://dx.doi.org/10.21275/SR24112191633>
 10. Федоров И. З. К вопросу о расширении перечня источников сведений, допускаемых в качестве доказательств по уголовному делу. *Вестник Российского университета кооперации*. 2015. № 4. С. 142–145. [Fedorov I. Z. To the question of the extension of the list of sources of information, admissible as evidence in a criminal case. *Vestnik of the Russian University of cooperation*, 2015, (4): 142–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkdrgh>
 11. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования. *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 461. С. 235–241. [Saveleva M. V., Smushkin A. B. Unmanned aerial vehicle as a special technical and forensic tool and an object of forensic investigation. *Tomsk State University Journal*, 2020, (461): 235–241. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/461/29>
 12. Пономарева А. И., Суворова А. В. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 12-2. С. 233–237. [Ponomareva A. I., Suvorova A. V. Modeling as a method of scientific knowledge: essence and typology. *Economy and business: theory and practice*, 2020, (12-2): 233–237. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-11112>
 13. Дмитриева А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с. [Dmitrieva A. A. *Ensuring people's security in criminal proceedings*. Moscow: Iurlitinform, 2017, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xaomnr>
 14. Петухов Е. Н. Цифровые технологии как средство обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. *Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: Всерос. (национал.) науч.-практ. конф. (Красноярск, 1 апреля 2021 г.)* Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. С. 86–93. [Petukhov E. N. Digital technologies as a means of ensuring the proper execution of criminal procedure obligations. *Current issues of forensic examinations and their assessment: Proc. All-Russian (National) Sci.-Prac. Conf.*, Krasnoyarsk, 1 Apr 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk SAU, 2021, 86–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ognсyp>
 15. Lima C. M., Pasqualetto A. Installation of regulatory sandbox environment from the perspective of the Brazilian charter for smart cities. *Revista nacional de gerenciamento de cidades*, 2023, 11(83): 257–272. <http://dx.doi.org/10.17271/23188472118320233769>
 16. Давыдова М. Л., Макаров В. О., Дундукова С. А., Миронова С. М., Чагин И. Б. Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России. М.: Русайнс, 2023. 185 с. [Davydova M. L., Makarov V. O., Dundukova S. A., Mironova S. M., Chagin I. B. *Regulatory sandboxes: Foreign practice and experience in modern Russia*. Moscow: Rusains, 2023, 185. (In Russ.)]
 17. Мишин В. А. Цифровые технологии, применяемые в области предупреждения правонарушений (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»). *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2021. № 3. С. 60–64. [Mishin V. A. Digital technologies used in the field of crime prevention (on the example

- of the hardware and software complex "Safe city"). *Problems of law-enforcement activity*, 2021, (3): 60–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eyxjzz>
18. Салаев А. Б. Цифровизация в осмотре места происшествия: современный взгляд на уголовное судопроизводство. *Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова*. 2023. № 2. С. 97–103. [Salaev A. B. Digitalization in the inspection of the scene of the incident: A modern view of criminal proceedings. *Bulletin of the Karaganda academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov*, 2023, (2): 97–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejjroo>
 19. Федоров И. З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2019. № 2. С. 113–116. [Fedorov I. Z. Establishing the executor of electronic text by keyboard handwriting in the detection and investigation of crimes. *Vestnik Barnaulskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, (2): 113–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xliiyay>
 20. Краснова Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013. № 4-2. С. 254–260. [Krasnova L. B. Electronic storage media as evidence. *Izvestiya Tula State University. Economic and legal science*, 2013, (4-2): 254–260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxotfb>
 21. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств. *Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов*, ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь: СТАТУТ, 2017. С. 558–566. [Pastukhov P. S. Developing criminal procedural evidence with electronic evidence. *The Seventh Perm Congress of Legal Scientists*, eds. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Perm: STATUT, 2017, 558–566. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yojlov>
 22. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 74–84. [Voronin M. I. Electronic evidence in the criminal procedure code: To be or not to be? *Lex Russica*, 2019, (7): 74–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084>
 23. Себакин А. Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений. *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 4. С. 21–30. [Sebaykin A. G. Artificial intelligence in criminalistics: System of decision-making support. *Baikal Research Journal*, 2019, 10(4): 21–30. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(4\).21](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(4).21)
 24. Крюкова Е. С., Центров Е. Е. Научные основы теоретических представлений об изучаемых криминалистической закономерностях. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2019. № 2. С. 38–59. [Kryukova E. S., Tsentrov E. E. Scientific foundations of theoretical concepts behind criminal patterns. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2019, (2): 38–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhzgyu>
 25. Бегалиев Е. Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2019. № 2. С. 163–172. [Begaliev E. N. On the prospects for the use of unmanned aerial vehicles in the course of conducting certain investigative actions. *Vestnik Eastern Siberia institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, (2): 163–172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00016>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vfefhxx>

К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов

Абросимова Елена Антоновна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0003-0579-0566>e_abrosimova@law.msu.ru

Аннотация: Стремительное развитие сферы электронной торговли с неизбежностью приводит к возникновению новых субъектов гражданского оборота, одним из которых является товарный агрегатор (маркетплейс). Цель – проанализировать правовой статус товарного агрегатора (маркетплейса) и объем его полномочий в части осуществления посреднических функций. На современном этапе развития отношений в электронной торговле маркетплейс – это уже не просто информационный посредник, его функционал гораздо шире – это экосистема с высокоразвитой логистикой, позволяющая обеспечивать взаимодействие продавца и покупателя, представлять информацию о деятельности пунктов доставки, о приобретаемом товаре, использующая механизмы урегулирования и разрешения споров. Раскрывается правовая природа отношений, возникающих при использовании экосистемы маркетплейса: между маркетплейсом и продавцом, между маркетплейсом и пунктом выдачи товаров, между маркетплейсом и покупателем, а также оценивается степень интеграции маркетплейса в классические отношения купли-продажи между покупателем и продавцом. В работе рассматриваются виды договоров, которые наиболее востребованы для этого вида торговли (комиссии, агентский договор и договор возмездного оказания услуг) и предлагаются подходы к определению пределов договорной ответственности в цепочке *продавец – маркетплейс – потребитель* в торговых отношениях на маркетплейсах. Сделан вывод о необходимости расширения оснований ответственности владельца агрегатора в случае нарушений обязательств по продаже товаров, поскольку маркетплейс берет на себя обязательство по проверке фигуры продавца и реализуемой продукции. Рассматриваются особенности договоров, заключаемых владельцами маркетплейсов с продавцами и потребителями товаров, реализуемых на этих торговых площадках. В результате предпринята попытка с доктринальных позиций изучить актуальные законодательные инициативы 2023–2024 гг. в отношении правового регулирования деятельности маркетплейсов и выработать рекомендации по совершенствованию законодательства о деятельности в сфере электронной коммерции в России.

Ключевые слова: маркетплейс, товарный агрегатор, ответственность, торговля, электронная коммерция, продавец, потребитель, договор, онлайн-торговые площадки

Цитирование: Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 231–240. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-231-240>

Поступила в редакцию 17.04.2024. Принята после рецензирования 08.05.2024. Принята в печать 08.05.2024.

full article

Contractual Responsibility of Marketplaces

Elena A. Abrosimova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0003-0579-0566>e_abrosimova@law.msu.ru

Abstract: The rapid development of e-commerce generates new subjects of civil turnover. Marketplaces are commodity aggregators with a vague legal status. A marketplace is more than an information intermediary: it is an ecosystem with highly developed logistics that provides interaction between the seller and the buyer, as well as information about goods and delivery points. In addition, it settles disputes between sellers and buyers by applying various resolution tools. The article describes the legal nature of the relations connected with marketplace ecosystems, i.e., between the marketplace and the seller, between the marketplace and the delivery point, between the marketplace and the buyer. The author also assessed the integration of the marketplace into the classic purchase-and-sale relationship between the buyer and the seller. These parties sign commission contracts, agency agreements, and fee-based service contacts, each of which has its specifics. The author defined the limits of contractual liability in the seller – marketplace – consumer trade chain. If the seller – buyer relations are violated, the responsibility of the marketplace

needs to be expanded because the marketplace undertakes to verify the reliability of sellers and the quality of goods. The author applied a doctrinal perspective to the legislative initiatives of 2023–2024 in relation to marketplaces, as well as developed some recommendations on how to improve e-commerce legislation in the Russian Federation.

Keywords: marketplace, product aggregator, responsibility, trade, e-commerce, seller, consumer, contract, online trading platforms

Citation: Abrosimova E. A. Contractual Responsibility of Marketplaces. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 231–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-231-240>

Received 17 Apr 2024. Accepted after review 8 May 2024. Accepted for publication 8 May 2024.

Введение

Стремительное развитие сферы электронной торговли с неизбежностью приводит к возникновению новых субъектов гражданского оборота, одним из которых является товарный агрегатор (маркетплейс). Это «электронная торговая площадка, на которой продавцы выставляют информацию о продаваемом товаре; покупатели, выбрав подходящий товар, заключают с продавцами договор купли-продажи (в электронной форме); осуществляется предварительная оплата товара и т.д.» [1, с. 22]. Выделим существенные особенности товарного агрегатора. Во-первых, он служит посредником в правоотношениях между сторонами сделки купли-продажи. Во-вторых, маркетплейс интегрирует на своей платформе продавцов различных товаров и покупателей, которые, ознакомившись с информацией о товаре и его продавце, предоставленной агрегатором, заказывают выбранный товар, оплачивают его и в дальнейшем получают исполнение договора.

Закрепляя в преамбуле Закона «О защите прав потребителей» определение понятия *владелец агрегатора информации о товарах (услугах)*, российский законодатель признает в качестве субъекта правоотношений именно владельца агрегатора, т.е. индивидуального предпринимателя или организацию, которые выступают правообладателями онлайн-платформы, объединяющей продавцов и покупателей.

Результаты

Договорное регулирование торговли на маркетплейсах

Основная правовая форма, закрепляющая отношения, возникающие с участием товарного агрегатора, это договор. Этот правовой инструмент имеет первоочередное значение для участников товарообмена, ведь именно договор является юридическим основанием возникновения взаимных прав и обязанностей у субъектов гражданского оборота, фиксирует существенные условия соглашения сторон, устанавливает ответственность за нарушение договорных

обязательств и т.д. По мнению А. К. Самойловой, «договоры, заключаемые между владельцами площадок – агрегаторов информации и продавцами, между продавцами и покупателями, являются не только способом свободного волеизъявления и реализации прав физических и юридических лиц, но и средством защиты субъективных прав заключивших их сторон» [2, с. 40].

Оформление отношений между продавцом и маркетплейсом происходит с помощью посреднических договоров: договора комиссии и агентского договора. По договору комиссии маркетплейс приобретает права и становится обязанным по сделке, совершенной с третьим лицом. В соответствии со ст. 998 ГК РФ маркетплейс будет отвечать перед продавцом за утрату, недостачу или повреждение его имущества. Заключение договора комиссии представляется маловыгодным для маркетплейса, т.к. оно влечет за собой значительный объем обязанностей информационного посредника перед продавцом, что создает излишнее обременение для товарного агрегатора. По агентскому договору предметом может выступать более широкий спектр возможностей, а именно совершение маркетплейсом не только юридических, но и фактических действий. Преимущество агентского договора – его альтернативность, когда маркетплейс может действовать либо от своего имени, либо от имени продавца. Соответственно, по сделке, совершенной маркетплейсом с третьим лицом от имени продавца, права и обязанности возникают только у продавца.

Еще одна возможность для выстраивания договорных отношений между маркетплейсом и продавцом – договор возмездного оказания услуг, когда маркетплейс не только совершает действия по заключению сделок купли-продажи, но и оказывает иные услуги: например, по хранению товара на складе маркетплейса, утилизации товаров ненадлежащего качества, продвижению товаров, доставке товаров до покупателей и т.д. Договор возмездного оказания услуг, например, заключает с продавцами товарный агрегатор «Мегамаркет»¹.

¹ Официальный сайт маркетплейса Мегамаркет. URL: <https://partner-wiki.megamarket.ru/oferta-1704827.html> (дата обращения: 09.03.2024).

Рассмотрим договор, заключаемый маркетплейсом Ozon с продавцами². Согласно п. 1.1 Договора «Ozon обязуется за вознаграждение совершать за счет Продавца сделки, связанные с реализацией товаров Продавца через Платформу». Данное положение содержит черты агентского договора по модели комиссии. В то же время в приложении к договору указывается следующее: «помимо обязательств, установленных Договором, Ozon может оказывать Продавцу по его поручению услуги по продвижению товаров (рекламные услуги, технические услуги и иные)». А п. 1.2 о квалификации договора гласит, что «к правоотношениям между Ozon и Продавцом применяются положения ГК РФ о возмездном оказании услуг (гл. 39), об агентировании (гл. 52), о комиссии (гл. 51)».

Таким образом, основываясь на примере одного из лидеров российского рынка электронной торговли, можно выявить тенденцию использования маркетплейсами таких договорных конструкций, которые объединяют в себе элементы различных договоров и являются смешанными договорами.

Маркетплейс и пункт выдачи заказов

В цепочке взаимодействий продавец – маркетплейс – покупатель появляется новый субъект – владелец пункта выдачи заказов. Согласно Стандартам по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов, это «коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, осуществляющие на основании договора с маркетплейсом деятельность по приемке, хранению, выдаче товаров клиентам, а также получение от покупателей возвратов товаров и оказанию иных услуг (исполнению поручений) маркетплейсу, продавцам и покупателям»³. Следовательно, маркетплейс и владелец пункта выдачи заключают договор, в котором отражен перечень услуг, оказываемых владельцем пункта выдачи заказов.

Ozon заключает агентский договор, в соответствии с которым владелец пункта выдачи заказов от своего имени, но за счет маркетплейса, вручает заказы покупателям, перечисляет собранные с покупателей денежные средства на расчетный счет маркетплейса, производит выемку и передачу принципалу невостребованных покупателями заказов и т. д.⁴

Маркетплейс Яндекс.Маркет, напротив, заключает договор оказания услуг, в котором исполнителем выступает владелец пункта выдачи заказов⁵.

В договоре этого маркетплейса детально закрепляются положения об ответственности исполнителя. За гибель, утрату, порчу или повреждение товара, заказанного покупателем, владелец пункта выдачи заказов обязан заплатить штраф.

Ответственность владельца маркетплейса

Допустимость договорной ответственности владельцев маркетплейсов не вызывает сомнений, но необходимо обратить внимание на характер этой ответственности. Владелец маркетплейса несет ответственность за убытки, возникшие, например, в результате сбоя в работе электронной платформы, ошибки и недоработки в программном коде платформы, которые могут привести к полной или частичной невозможности использования функций платформы, только если нарушение работы платформы не вызвано наступлением чрезвычайных обстоятельств (форс-мажора).

Наряду с этим общим подходом к вопросам ответственности заслуживает особого рассмотрения ответственность маркетплейса перед продавцами. Как правило, в договоре с продавцом закрепляется обязанность маркетплейса совершать от своего имени или от имени продавца действия по заключению сделок купли-продажи товаров с покупателями, передаче денежных средств, полученных от продажи товаров, продавцу, в ряде случаев это обязанности по оказанию каких-либо дополнительных услуг, например, по хранению товаров на складе маркетплейса или проведению рекламных кампаний продавца и др. Ответственность владельца агрегатора перед продавцом будет наступать в первую очередь за нарушение договорных обязательств в порядке, предусмотренном ГК РФ. Однако на практике маркетплейсы включают в оферту условия, устанавливающие ограничения по основаниям или размеру своей ответственности и т. д. Например, п. 4.3 договора маркетплейса Ozon так и назван: «Ограничение ответственности Ozon». Согласно данному положению, продавец может претендовать только на возмещение реального ущерба и не может требовать у маркетплейса возмещения упущенной выгоды; также договор закрепляет обязательный досудебный претензионный порядок урегулирования споров между сторонами, поэтому, в случае если продавец в течение отведенного срока не сообщит о своей претензии, Ozon освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств.

² Официальный сайт маркетплейса Ozon. URL: <https://seller-edu.ozon.ru> (дата обращения: 09.03.2024).

³ Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов. Утв. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в РФ. Протокол № 15-381 от 03.10.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Агентский договор для пунктов выдачи заказов – стандартные условия. Официальный сайт маркетплейса Ozon. URL: <https://docs.ozon.ru/legal/partners/pickup/ru/contract/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Официальный сайт Яндекс. URL: <https://yandex.ru/legal/pvz/> (дата обращения: 10.03.2024).

Ответственность маркетплейса за нарушение договорных обязательств подтверждается сложившейся судебной практикой. Так, в целях реализации своего товара истец заключил «договор для Продавцов на Платформе Ozon, в рамках которого передал на склад маркетплейса партию товара. Согласно отчету, было реализовано товара меньше, чем было передано, на несколько единиц. Нереализованная продукция тем не менее не была возвращена продавцу. В ходе судебного расследования выяснилось, что часть нереализованных единиц товара была утилизирована без согласия продавца, остальные из числа нереализованных – утеряны. В соответствии с п. 5.1 Приложения к договору Ozon в течение действия договора отвечает за утрату или повреждение находящегося у него товара продавца, произошедшие по вине Ozon. Поскольку маркетплейсом не было представлено доказательств надлежащего исполнения своих обязательств по договору, суд удовлетворил требования продавца товара, постановив взыскать с маркетплейса стоимость утраченного (утилизированного) товара, а также судебные расходы по оплате госпошлины⁶.

В отношении маркетплейсов в литературе существует мнение, что маркетплейс является информационным посредником, что влечет за собой ограниченный круг обязанностей и, соответственно, ограничение ответственности, продиктованное этим правовым статусом. Такой подход разделяется и судебной практикой. Индивидуальный предприниматель предъявил требования о взыскании с владельца товарного агрегатора Яндекс.Маркет компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак. На сайте маркетплейса истцом было обнаружено нарушение его интеллектуальных прав: другой коммерсант выставил на продажу товар, внешне идентичный товару, который продает истец на платформе Яндекс.Маркет. В адрес маркетплейса истец направил претензию о блокировке карточки продавца, разместившего соответствующее товарное предложение. В результате ответчик принял необходимые меры, направленные на прекращение нарушения прав и законных интересов истца⁷. В рамках рассмотрения данного дела суд применил нормы ГК РФ об информационном посреднике. В этом деле суд учел положения нормы, закрепленной в п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ: «информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате размещения в информационно-телекоммуникационной сети материала третьим

лицом при одновременном соблюдении информационным посредником следующих условий: он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, содержащихся в таком материале, является неправомерным; он в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и / или сетевого адреса в сети Интернет, на которых размещен такой материал, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав». Информация о товаре размещается на сайте маркетплейса пользователями платформы, соответственно, до получения претензии ответчик не был осведомлен о том, что какая-либо информация или материалы нарушают права иных лиц, к тому же в таком случае не маркетплейс использует результат интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя, и не он является продавцом контрафактного товара. Истцу было отказано в удовлетворении требований, поскольку реализация товаров под товарным знаком, право на который принадлежит истцу, осуществлялась другим пользователем платформы маркетплейса, а не владельцем агрегатора.

Сегодня маркетплейс обладает развитой логистической инфраструктурой и платформой. Пользователи (и продавцы, и покупатели) получают доступ к площадке (платформе) в виде сайта или мобильного приложения. Также маркетплейс предоставляет услуги по оформлению и обслуживанию заказов, возможность оплаты, принимает товары на хранение в собственных центрах, осуществляет сортировку, упаковку и доставку заказов и последующее информационное сопровождение (отслеживание пути следования заказов, колл-центр, чат-боты, информирование потребителей), а также организывает на платформах мероприятия по стимулированию спроса [3, с. 62]. Все это способствует сокращению розничных торговых организаций, т.к. происходит концентрация рыночной силы у маркетплейса, что может привести к созданию угрозы доминирования такого формата и диктата маркетплейсов (ранее подобная угроза отмечалась со стороны торговых сетей, и явление получило название *ритейлизации* [4, с. 33]).

Маркетплейс не является звеном торговой цепочки и не выступает в роли продавца. В то же время маркетплейс сегодня – это уже не просто информационный посредник, не просто объект гражданских прав [5], его можно назвать экосистемой с высокоразвитой логистикой.

⁶ Решение Арбитражного суда Москвы по делу № А40-273219/22-12-2134 от 28.02.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам № С01-2169/2022 от 28.11.2022 по делу № А40-290548/2021. СПС КонсультантПлюс.

Ответственность маркетплейса перед потребителем

В соответствии с текущим законодательством ответственность маркетплейса перед потребителем ограничена лишь одним основанием. Согласно п. 2.1 ст. 12 Закона «О защите прав потребителей» маркетплейс будет нести ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о товаре или продавце, на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи. Требования, касающиеся непосредственного исполнения обязательств по договору купли-продажи (по качеству товара, срокам предоставления товара, обмену товара и др.), необходимо предъявлять исключительно продавцу. Наряду с этим признание за маркетплейсом статуса исключительно информационного посредника сводит всю его многоаспектную деятельность к единственной функции – размещения информации, что представляется неоправданным в силу того, что маркетплейсы являются неотъемлемыми участниками онлайн-рынка товаров, круг реально решаемых ими задач весьма широк: это организация как доставки товара до потребителя, так и возврата заказов, получение предварительной оплаты от покупателей и т.д. Таким образом, в современных условиях роль маркетплейса как связующего звена в отношениях между продавцом и покупателем непрерывно возрастает, поэтому маркетплейс должен нести ответственность перед потребителем не только за нарушение обязанности по предоставлению необходимой информации о товаре. В. А. Белов очень точно подчеркивает, что «чем больше вовлеченность цифрового посредника в отношения между коммерсантами и потребителями, тем больше прав, обязанностей и ответственности возникает у него при взаимодействии с непосредственными участниками потребительских отношений» [6, с. 76]. Эта проблема обсуждается в отечественной цивилистической литературе и применительно к иным формам взаимодействия агрегатора и потребителя, в частности при организации пассажирских перевозок такси [7–9].

В научном сообществе высказываются различные позиции по поводу проблемы пределов ответственности владельцев агрегатора перед покупателями. Т. В. Дерюгина предлагает включить в договор между продавцом и маркетплейсом в качестве обязательного условия возможность наступления субсидиарной ответственности маркетплейса в случае нарушения продавцом своих обязательств [10]. Е. Д. Суворов также считает справедливым установление субсидиарной (и даже солидарной) ответственности маркетплейса, поскольку именно он «создает условия реализации на своей площадке соответствующих товаров»,

и потребитель, доверяя маркетплейсу, «предполагает, что к торговле допущены проверенные владельцем агрегатора лица» [11, с. 65].

В дополнение к вышесказанному необходимо отметить следующую субъективную составляющую: совершая покупку товара на площадке маркетплейса, потребитель подразумевает, что приобретает товар у него, не осознавая, что маркетплейс лишь оказывает информационную услугу по поиску необходимого товара, и договор купли-продажи на самом деле заключается не с известным потребителю маркетплейсом. В связи с этим на практике зачастую возникают ситуации, когда при ненадлежащем исполнении договора покупатель предъявляет требования не продавцу товара, а владельцу агрегатора. Так, обнаружив недостатки товара, потребитель обратился с иском к продавцу товара ненадлежащего качества и маркетплейсу Ozon с требованием о возврате уплаченных денежных средств, взыскании неустойки, компенсации морального вреда и иными требованиями⁸. В пользу истца судом первой инстанции были взысканы денежные средства солидарно с продавца и маркетплейса. Однако суды апелляционной и кассационной инстанции не согласились с этим решением, встав на сторону маркетплейса. Суды указали, что в рассматриваемом споре маркетплейс Ozon лишь предоставляет продавцу пространство для продажи товаров, оказывает информационное обслуживание клиентов (информация о продавце содержалась в карточке товара, приобретенного истцом, и была доступна ему). Судами отмечено, что «оформляя заказ на сайте OZON.ru, в том числе, оплачивая его на сайте, покупатель заключает договор купли-продажи товара с продавцом товара, а не с владельцем агрегатора информации о товарах». Также было установлено, что именно продавец осуществлял доставку товара своими силами истцу. Таким образом, правоотношения купли-продажи возникли только между истцом и конкретным продавцом. Ввиду этого маркетплейс Ozon, будучи признанным ненадлежащим ответчиком, не должен нести ответственность за некачественный товар.

Итак, в современных условиях, когда соблюдение баланса интересов в правоотношениях между потребителями и маркетплейсами оказывается затруднительным, признание действующим законодательством ограниченной ответственности маркетплейса перед потребителем, являющимся слабой стороной гражданских правоотношений, ведет к злоупотреблению со стороны маркетплейсов. Маркетплейсы могут включать в договор условия, которые явно ставят покупателя в невыгодное положение. Осуществляя онлайн-покупку, потребитель не обращает внимания на акцептуемую им оферту, соответственно, он не может

⁸ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-17295/2022 от 16.06.2022. СПС КонсультантПлюс.

влиять на разработку договора, вносить в него изменения и вынужден принимать утвержденные маркетплейсами условия продаж. Возникновение подобных случаев на практике нельзя назвать редкостью: к примеру, в рамках дела, которое дошло до Верховного Суда РФ, покупатель требовал признать недействительным пункт договора, предусматривающий право одностороннего аннулирования заказа маркетплейсом. Ответчик эти требования отклонял, ссылаясь на то, что потребитель по своей воле заключил договор на предложенных ему условиях. Несмотря на это, упомянутое положение было признано судами недействительным⁹. В 2022 г. в ст. 16 Закона «О защите прав потребителей»¹⁰ внесен перечень недопустимых условий договора, ущемляющих права потребителей (например, таковым является положение, согласно которому маркетплейсу предоставляется право на односторонний отказ от исполнения обязательства и др.) [12, с. 10; 13, с. 61–62; 14, с. 52]. На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что за включение несправедливых условий в договор, заведомо нарушающих права потребителей, маркетплейс будет нести полноценную ответственность [15, с. 11].

Законопроекты 2023–2024 гг., регулирующие деятельность маркетплейсов

В последнее время к деятельности маркетплейсов приковано пристальное внимание законодательных органов и все чаще предпринимаются попытки всестороннего законодательного закрепления правового статуса маркетплейса, правовой детализации особенностей взаимодействия маркетплейсов с контрагентами, потребителями и т. д. В сентябре 2023 г. в Госдуму был внесен законопроект, вызвавший опасения и критику со стороны владельцев маркетплейсов в связи с тем, что предлагаемые инициаторами закона нормы о регулировании деятельности маркетплейсов противоречат самой конструкции данного института¹¹. Законопроект содержит большое количество ограничений для деятельности маркетплейсов: условия договоров маркетплейсов с продавцами и владельцами пунктов выдачи заказов могут быть изменены не чаще 1 раза в год, для маркетплейсов с совокупной выручкой более 150 млрд в год устанавливается запрет на продажу собственных товаров, если аналогичные уже продаются на платформе, вводится обязанность маркетплейсов направлять продавцам

или владельцам пунктов выдачи заказов письменное мотивированное уведомление о наложении штрафа¹² и т. д. С одной стороны, инициатива установить правовые основы взаимоотношений товарных агрегаторов с контрагентами считается необходимой, поскольку все более часто в Федеральную антимонопольную службу поступают жалобы представителей малого и среднего бизнеса на работу с маркетплейсами: это и необоснованное взимание штрафов, навязывание невыгодных условий и др. Однако предлагаемые указанным законопроектом изменения представляются чрезмерно урезающими возможности маркетплейсов и даже ущемляющими в некотором смысле их свободу: например, кажется бесосновательным установление ограничения на реализацию маркетплейсами товаров собственного производства. Такое ограничение следует признать нецелесообразным, необоснованным и в целом вредным по следующим причинам:

1) реальной коммерческой практике неизвестны какие-либо значимые и подтвержденные примеры антиконкурентных действий маркетплейсов по недобросовестному продвижению собственных товаров в ущерб аналогичным товарам продавцов на маркетплейсе;

2) представляется, что при обнаружении соответствующего недобросовестного поведения со стороны владельцев маркетплейсов вполне достаточными являются имеющиеся средства защиты в рамках ФЗ № 135-ФЗ от 26.07.2006 «О защите конкуренции»;

3) ограничение заведомо вредит конкуренции и потенциально способствует снижению качества товаров на маркетплейсе и нарушению прав потребителей: часто владелец маркетплейса предъявляет к товарам, которые он реализует, значительно более строгие требования (в том числе для пресечения контрафакта), чем обычные продавцы, которые реализуют аналогичные, но контрафактные товары низкого качества (и такие примеры реализации контрафакта обычными продавцами являются массовыми и хорошо известными на российских маркетплейсах);

4) это ограничение может оставить потребителей на маркетплейсах наедине с исключительно контрафактным товаром по некоторым товарным позициям, поскольку возможности маркетплейсов по борьбе с реализацией продавцами контрафакта ограничены формальными требованиями к сопроводительным документам, которые легко подделываются.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 7-КГ23-4-К2 от 05.09.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ О внесении изменения в ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей». ФЗ № 135-ФЗ от 01.05.2022. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ О внесении изменений в ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» и в статьи 12 и 18 Закона РФ «О защите прав потребителей». Законопроект № 445923-8, внесенный 25.09.2023 депутатами Государственной Думы РФ С. М. Мироновым, М. Г. Деягиным, Д. Г. Гусевым и др. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8?ysclid=ltxaaxi3rp182815078> (дата обращения: 18.03.2024).

¹² Материалы совместного заседания Общественных советов Министерства экономического развития и Федеральной антимонопольной службы 17.10.2023.

В законодательство уже введены специальные нормы, направленные именно на недопущение злоупотребления рыночной силой (доминирующим положением) данных структур – это нормы пятого антимонопольного пакета, которых вполне достаточно.

Еще одна законодательная инициатива была внесена 05.03.2024 сенатором А. В. Кутеповым и депутатом Госдумы В. В. Гутеневым¹³. Предлагается принять отдельный ФЗ «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в РФ», а также внести изменения в действующий ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ». В целях недопущения монополизации рынка электронной торговли в рассматриваемом законопроекте прослеживается необходимость специального правового регулирования деятельности «агрегаторов информации о товарах, занимающих значимое положение на рынке», т.е. тех маркетплейсов, на которых доля сделок между продавцами (без учета сделок владельца агрегатора, выступающего в качестве продавца товара) превышает 20 % от общего объема сделок, совершенных на товарных агрегаторах за предшествующий календарный год. Для таких маркетплейсов устанавливается предельный размер стоимости услуг, оказываемых агрегатором продавцу – не более 10 % от стоимости товара, в отношении которого оказаны такие услуги. В случае нарушения продавцом договорных обязательств доминирующему на рынке товарному агрегатору запрещается взимать штрафы, суммарный размер которых превышает 15 % от стоимости услуг, в отношении которых допущено нарушение.

Как указывается в пояснительной записке к законопроекту, потребность в закреплении этих норм объясняется многочисленными злоупотреблениями маркетплейсов, имеющих значительное положение на рынке и обладающих большой экономической властью, которые проявляются, в частности, в «неограниченной возможности одностороннего изменения условий работы на агрегаторах, в том числе в худшую для продавцов и владельцев пунктов выдачи заказов сторону, наложении строгих санкций за любые нарушения, допущенные продавцом или владельцем пункта выдачи заказов, вплоть до блокирования профиля продавца на платформе агрегатора». Возможности разрешения споров на маркетплейсах и установление механизмов саморегулирования принимаемых решений зачастую рассматриваются как преимущество онлайн-разрешения

споров [16, с. 21; 17, с. 60; 18, с. 15–16; 19, с. 204; 20, с. 701; 21, с. 147], но они не лишены деструктивного потенциала [22, с. 72].

Поэтому не вызывает сомнений необходимость регламентации порядка разрешения споров в сфере электронной торговли [23, с. 230–231; 24]. Во избежание споров, возникающих из-за отсутствия четких условий сотрудничества, целесообразным представляется указание в законе существенных условий договора, заключаемого продавцом и маркетплейсом: ст. 3 законопроекта обязывает владельца маркетплейса включить в договор положения о перечне оказываемых услуг, порядке определения и изменения цены на товар, порядке определения срока выплаты денежных средств, перечне санкций за нарушение договора, основаниях и порядке их применения и т.д. Ключевым изменением, отраженным в законопроекте, является запрет требовать с покупателя деньги за возврат товара. Кажется целесообразным отказаться от универсального применения предлагаемой нормы, поскольку, например, доставка крупногабаритных или хрупких (подверженных высокому риску повреждения при транспортировке) товаров требует более значительных затрат, и получение от покупателя компенсационных платежей в таком случае представляется вполне обоснованным.

Думается, что данный законопроект также направлен на излишнюю регламентацию и избыточное вмешательство в работу маркетплейсов. По мнению авторов законопроекта, его целью является «регулирование деятельности маркетплейсов таким образом, чтобы был баланс между маркетплейсами и покупателями в части качества товара, а также между маркетплейсами и продавцами – в части условий сотрудничества»¹⁴. Анализ содержания законодательной инициативы свидетельствует о том, что законопроект не соответствует этой цели – уравновесить экономические интересы продавцов и маркетплейса. В статьях законопроекта перечисляются многочисленные обязанности владельцев товарных агрегаторов (проводить процедуру идентификации продавца, обеспечивать соразмерность санкций, налагаемых на продавцов, выявленному нарушению положений договора; предоставлять продавцам по запросу мотивированное обоснование применения санкций и др.) и лишь несколько требований, предъявляемых к продавцам товаров (предоставлять маркетплейсу достоверную информацию для подтверждения подлинности профиля продавца, предоставлять необходимую информацию

¹³ О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в РФ и о внесении изменений в ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ». Законопроект № 568223-8, внесенный 05.03.2024 сенатором РФ А. В. Кутеповым и депутатом Государственной Думы РФ В. В. Гутеневым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8?ysclid=lu1pnykmd490125795> (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁴ А. Кутепов: Наш законопроект устанавливает основы государственного регулирования деятельности маркетплейсов. *Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации*. 05.03.2024. URL: <http://council.gov.ru/events/news/154181/> (дата обращения: 19.03.2024).

по мотивированному требованию владельца агрегатора, оказывать содействие маркетплейсу для своевременного предоставления ответа на обращения третьих лиц и иные действия).

Наряду с этими законодательными инициативами можно отметить отсутствие законодательных предложений по вопросу ответственности маркетплейса перед потребителями, что представляется неверным, т. к. существующий в действующем законодательстве подход, отождествляющий владельцев маркетплейсов исключительно как субъектов, оказывающих информационные услуги, является неактуальным.

Заключение

Можно отметить, что существует необходимость в разработке эффективных правовых норм в данной области, которые закрепляли бы минимальный стандартный набор требований, предъявляемых к владельцам маркетплейсов, который необходим для обеспечения предсказуемости и стабильности правоотношений, возникающих в ходе использования услуг товарных агрегаторов. Наряду с этим значительная часть деятельности маркетплейсов должна оставаться саморегулируемой, что необходимо для своевременной адаптации к быстро меняющимся условиям рынка. Иначе установление всеобъемлющих основ

государственного регулирования будет создавать барьеры для развития этого сегмента электронной торговли.

Таким образом, в настоящий момент первостепенной является проблема ответственности маркетплейсов перед иными участниками онлайн-торговли: продавцами и потребителями. Однако неурегулированность этого вопроса, отсутствие в законодательстве норм, четко определяющих основания и пределы ответственности маркетплейса, непременно ведет к возникновению многочисленных споров, коллизий, нарушению прав, появлению различных подходов к применению уже существующих, но неупорядоченных и неоднородных законодательных норм и т. д. Поэтому такие отношения нуждаются в правовом фундаменте, который позволил бы обеспечить продавцам уверенность в добросовестности маркетплейсов и гарантировал бы должную охрану и защиту интересов потребителей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / Reference

1. Рожкова М. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров. *Хозяйство и право*. 2018. № 9. С. 21–32. [Rozhkova M. Responsibility of aggregators and their platforms for online dispute resolution. *Economy and Law*, 2018, (9): 21–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xypxal>
2. Самойлова А. К. Юрико-фактические свойства договора, заключаемого с использованием площадок-агрегаторов информации. *Гражданин*. 2023. № 3. С. 38–42. [Samoilova A. K. Legal and factual properties of the contract concluded with the use of information aggregator platforms. *Civilist*, 2023, (3): 38–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxalbi>
3. Филиппова С. Ю. Использование информационных технологий при заключении торговых договоров и исполнении обязательств из них. *Цифровое право*. 2022. Т. 3. № 3. С. 58–78. [Filippova S. Yu. Conclusion and performance of commercial contracts with the use of information technologies. *Digital Law*, 2022, 3(3): 58–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-3-58-78>
4. Томассен Л., Линколн К., Эконис Э. Ритейлизация. Как выжить в эпоху диктата розничных сетей, используя силу и власть ритейлеров на благо своего бизнеса. М.: Добрая книга, 2010. 352 с. [Thomassen L., Lincoln K., Aconis A. *Retailization: Brand survival in the age of retailer power*. Moscow: Dobraia kniga, 2010, 352. (In Russ.)]
5. Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам. *Гражданин*. 2022. № 1. С. 12–19. [Chegovadze L. A. The aggregators as the objects of the civil rights and the responsibility of their owners under the obligations. *Civilist*, 2022, (1): 12–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpbzwwq>
6. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 8. С. 68–82. [Belov V. A. Digital intermediation and consumer relations: Legal nature and responsibility. *Actual problems of Russian law*, 2022, 17(8): 68–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082>
7. Долгов С. Г. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси. *Гражданское право*. 2021. № 1. С. 3–7. [Dolgov S. G. The civil law liability of taxi aggregators. *Civil Law*, 2021, (1): 3–7. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2021-1-3-7>

8. Миронова С. М., Кожемякин Д. В. Правовые подходы к ответственности владельцев агрегаторов такси перед потребителями. *Цивилист*. 2022. № 2. С. 11–18. [Mironova S. M., Kozhemyakin D. V. Legal approaches to the liability of the owners of taxi aggregators to the consumers. *Civilist*, 2022, (2): 11–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpwnti>
9. Маркелова А. А. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси: между договорным и деликтным правом. *Цифровое право*. 2021. Т. 2. № 4. С. 8–19. [Markelova A. A. Civil liability of taxi-aggregation companies: Between contract and tort law. *Digital law*, 2021, 2(4): 8–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-4-8-19>
10. Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора. *Гражданское право*. 2018. № 6. С. 3–6. [Deryugina T. V. The legal nature of an agreement mediating origination of legal relationships involving an aggregator. *Civil Law*, 2018, (6): 3–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2018-6-3-6>
11. Суворов Е. Д. Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 9. С. 57–67. [Suvorov E. D. Some problems of e-commerce: On the question of aggregator owners liability to customers. *Bulletin of economic justice of the Russian Federation*, 2019, (9): 57–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztsyvm>
12. Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли. *Право и бизнес*. 2023. № 4. С. 8–15. [Gutnikov O. V., Chagina E. M. Protection of consumers interests in e-trade regulation. *Law and Business*, 2023, (4): 8–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/psdrxa>
13. Белов В. А. Информация об интересах и поведении потребителя как объект правоотношений в период цифровизации. *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 2. С. 59–71. [Belov V. A. Information about consumer interests and behavior as an object of legal relationships in the period of digitalization. *Journal of Russian Law*, 2023, 27(2): 59–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.017>
14. Богдан В. В. Недобросовестные условия в договорах с участием потребителей: модернизация законодательства и развитие судебной практики. *Цивилист*. 2023. № 3. С. 49–56. [Bogdan V. V. Bad faith terms in consumer contracts: Modernization of legislation and development of judicial practice. *Civilist*, 2023, (3): 49–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmbipo>
15. Никитин Н. В. Законодательство о защите прав потребителей. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 1. С. 7–12. [Nikitin N. V. Laws on protection of consumer rights. *Arbitrazh and civil procedure*, 2024, (1): 7–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2024-1-7-12>
16. Лопатина С. В. Применение альтернативных способов урегулирования споров маркетплейсами (информационными посредниками) в качестве альтернативы судопроизводству. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 8. С. 19–22. [Lopatina S. V. The application of alternative means of dispute settlement by marketplaces (information intermediaries) as an alternative to judicial proceedings. *Arbitrazh and civil procedure*, 2023, (8): 19–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-8-19-22>
17. Ермакова Е. П. Что входит в понятие онлайн-арбитража в КНР? *Российское правосудие*. 2022. № 10. С. 58–66. [Ermakova E. P. What is included in the concept of online arbitration in China? *Russian justice*, 2022, (10): 58–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.10.58-66>
18. Цирин А. М., Цирин М. А. Онлайн-урегулирование споров в сфере электронной коммерции. *Международное публичное и частное право*. 2020. № 6. С. 14–17. [Tsirin A. M., Tsirina M. A. Online regulation of disputes in electronic commerce. *International public and private law*, 2020, (6): 14–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-6-14-17>
19. Курносов А. А. Онлайн-арбитраж в условиях расширения сферы применения технологий искусственного интеллекта. *Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире*, ред. Е. Е. Фролова, Е. П. Русакова. М.: РУДН, 2023. С. 200–207. [Kurnosov A. A. Online arbitration in the context of expanding the scope of application of artificial intelligence technologies. *Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world*, eds. Frolova E. E., Rusakova E. P. Moscow: RUDN, 2023, 200–207. (In Russ.)]
20. Rusakova E. P., Frolova E. E. Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*, 2022, 26(3): 695–704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>
21. Рожкова М. А. Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров. *Закон*. 2022. № 9. С. 145–158. [Rozhkova M. A. Prospects of legal regulation of online consumer dispute proceedings. *Zakon*, 2022, (9): 145–158 (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-9-145-158>

22. Цветков И. В., Филиппова С. Ю. Договорное регулирование товарного рынка: тенденции и перспективы в свете цифровизации экономики и использования современных технологий. *Закон*. 2019. № 5. С. 66–75. [Tsvetkov I. V., Filippova S. Yu. Contractual regulation of the commodity market: Trends and prospects in the age of digital economy and use of modern technologies. *Zakon*, 2019, (5): 66–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tyxnp0>
23. Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем). *Вестник гражданского процесса*. 2022. № 1. С. 208–235. [Gabov A. V. Online settlement of disputes between participants of digital platforms in the civil rights protection system. *Herald of civil procedure*, 2022, (1): 208–235. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-1-208-235>
24. Рожкова М. Онлайн-арбитраж, онлайн-урегулирование споров и блокчейн-арбитраж: новые правовые явления или разновидности уже существующих? *Хозяйство и право*. 2018. № 5. С. 47–60. [Rozhkova M. Online arbitration, online dispute resolution, and blockchain arbitration: new legal phenomena or variations of existing ones? *Economy and law*, 2018, (5): 47–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xnzolz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/slbyvy>

Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств

Курносов Александр Алексеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0009-0003-9405-7947>kurnosov_a_a1997@mail.ru

Аннотация: В соответствии со ст. 27 Закона Российской Федерации № 5338-1 от 07.07.1993 «О международном коммерческом арбитраже» и ст. 30 Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» в случае рассмотрения спора в институциональном арбитраже сторона или третейский суд вправе обратиться к компетентному суду с запросом об оказании содействия в получении доказательств, необходимых для рассмотрения дела. Цель – проанализировать особенности издания и исполнения запроса третейского суда об истребовании доказательств, адресуемого в компетентные суды Российской Федерации. Установлены существенные отличия данной категории требований от иных, рассматриваемых в порядке производства по делам о содействии в отношении третейского суда. К особенностям указанной категории требований необходимо отнести вид процессуального обращения, которым возбуждается производство по делу – это запрос третейского суда, а также фигуру заявителя, которым выступает институциональный третейский суд, рассматривающий спор и обращающийся за содействием. Посредством телеологического толкования и метода функционального анализа обосновывается допустимость нормоположений, исключающих право издания запроса арбитрами *ad hoc* и направления заявлений об истребовании доказательств непосредственно сторонами третейского разбирательства. Стороны арбитража должны привлекаться к участию в деле о содействии в качестве заинтересованных лиц. Обосновывается, что заявитель и заинтересованные лица в деле данной категории должны иметь ограниченный объем процессуальных прав и обязанностей, поскольку компетентным судом не осуществляется юрисдикционная деятельность, не рассматривается спор по существу, а выполняются координационные функции содействия. В результате выявлены недостатки регламентации процессуальной формы этой категории дел, не позволяющие ответить на вопрос о форме и содержании запроса третейского суда, о прилагаемых к нему документах. В частности, из-за выявленных коллизий в правовом регулировании не ясно, требуется ли к запросу третейского суда приобщать арбитражное соглашение, документ, подтверждающий оплату государственной пошлины, постановление о формировании состава арбитров и т.д. Проанализированы основания для отказа в исполнении запроса третейского суда; обоснована недопустимость чрезмерной дискреции компетентного суда в применении *каучукового* основания недопущения нарушения прав и законных интересов третьих лиц, не участвующих в третейском разбирательстве.

Ключевые слова: третейское разбирательство, содействие в отношении третейского суда, запрос третейского суда, исполнение судебного поручения, получение доказательств, средства доказывания

Цитирование: Курносов А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 2. С. 241–252. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-241-252>

Поступила в редакцию 18.03.2024. Принята после рецензирования 08.04.2024. Принята в печать 08.04.2024

full article

Subpoena of Evidence from Arbitration Court

Alexander A. Kurnosov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0009-0003-9405-7947>kurnosov_a_a1997@mail.ru

Abstract: International Commercial Arbitration is subject of Article 27, Law of the Russian Federation No. 5338-1, July 07, 1993, while Arbitration Proceedings in the Russian Federation are described in Article 30, Federal Law No. 382-FZ of December 29, 2015. If a dispute settlement goes to institutional arbitration, a party or an arbitration

court has the right to apply to a competent court with a subpoena of evidence. This article features the publication and execution of subpoena of evidence by arbitration court for the recovery of evidence. This category differs from other arbitration proceedings in that it requires a procedural appeal that initiates the proceedings, i.e., the subpoena of the arbitration court, and an applicant, i.e., the institutional arbitration court that is seeking assistance in the dispute. The author used the methods of teleological interpretation and functional analysis to justify the admissibility of normative provisions that exclude the right to issue a subpoena by *ad hoc* arbitrators and to send subpoena of evidence directly by the parties to the arbitration proceedings. The parties to the arbitration should be involved as interested parties. The applicant and the stakeholders have limited procedural rights and obligations since the court neither carries out jurisdictional activities nor considers the dispute *per se*, but coordinates assistance functions. As a result, some procedural shortcomings make it impossible to clarify the form and content of subpoena, as well as the type and content of documents that should be attached to it, e.g., an arbitration agreement, a state fee payment confirmation, a resolution on the arbitral panel, etc. The author also analyzed grounds for refusal to execute a subpoena of evidence. Excessive discretion and Delphic language should not violate the rights and legitimate interests of third parties, thus preventing them from participating in the arbitration.

Keywords: arbitration proceedings, assistance in relation to arbitration, subpoena of evidence, execution of a court order, obtaining evidence, means of proof

Citation: Kurnosov A. A. Subpoena of Evidence from Arbitration Court. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 241–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-241-252>

Received 18 Mar 2024. Accepted after review 8 Apr 2024. Accepted for publication 8 Apr 2024.

Введение

В соответствии со ст. 27 Закона Российской Федерации № 5338-1 от 07.07.1993 «О международном коммерческом арбитраже»¹ (Закон о МКА) и ст. 30 Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ»² (ФЗ об арбитраже) в случае рассмотрения спора в институциональном арбитраже сторона или третейский суд вправе обратиться к компетентному суду с запросом об оказании содействия в получении доказательств, необходимых для рассмотрения дела.

Прежнее правовое регулирование – ФЗ «О третейских судах в РФ» № 102-ФЗ³ от 24.07.2002, а также процессуальные кодексы до внесения в них изменений ФЗ № 409-ФЗ⁴ от 29.12.2015 – не содержало правил о возможности оказания содействия компетентным судам в вопросах истребования доказательств. Норма ст. 27 Закона о МКА в прежней редакции фактически оставалась неработающей, поскольку не была обеспечена соответствующими положениями АПК РФ и ГПК РФ. Поэтому появление рассматриваемого в настоящей статье механизма содействия третейскому разбирательству было встречено юридическим сообществом с поддержкой.

Необходимость такого механизма содействия компетентного суда в отношении третейского разбирательства обусловлена тем обстоятельством,

что компетенция третейского суда распространяется лишь на стороны арбитражного соглашения, иные же лица не обязаны реагировать на запросы арбитров и предоставлять сведения, необходимые для рассмотрения дела [1, с. 194]. По указанным причинам процессуальное законодательство зарубежных государств предусматривает различные механизмы обращения третейского суда и сторон третейского разбирательства к государственным судебным или иным уполномоченным на то органам за содействием в получении доказательств, а в отдельных случаях даже сами третейские суды наделяются полномочиями по самостоятельному истребованию доказательств [2, с. 33]. Например, как указывает Р. О. Зыков, поскольку арбитры не могут приводить свидетелей к присяге и опрашивать их под условием говорить правду, шведское законодательство об арбитраже допускает по инициативе стороны с предварительного согласия арбитров допрашивать свидетелей или экспертов в порядке содействия в государственном суде [3, с. 144].

Не выполняя государственные функции по отправлению правосудия, третейский суд лишен возможности принимать обязательные для любого лица акты, а потому отсутствие эффективного механизма истребования доказательств, находящихся у третьих лиц, в том числе у государственных органов, может

¹ О международном коммерческом арбитраже. Закон РФ № 5338-1 от 07.07.1993. *СПС КонсультантПлюс*.

² Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ. ФЗ № 382-ФЗ от 29.12.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

³ О третейских судах в РФ. ФЗ № 102-ФЗ от 24.07.2002. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившим силу п. 3 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ». ФЗ № 409-ФЗ от 29.12.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

негативно отразиться на востребованности третейского разбирательства как процедуры разрешения в действительности сложных споров. Для правильного рассмотрения частноправового спора зачастую требуется обращение к публичным реестрам, таким как единый государственный реестр юридических лиц или единый государственный реестр недвижимости, с целью получения сведений о правообладателях, о сути регистрационных действий и т.д. Между тем сторона третейского разбирательства самостоятельно не может получить сведения о правообладателях объекта недвижимости, т.к. эта информация сегодня не предоставляется частным лицам. Можно ли при рассмотрении спора о праве на объект недвижимости, таким образом, исключить вероятность принятия решения о правах не привлеченного к разбирательству лица – вопрос риторический.

Данные официальной судебной статистики (147 заявлений рассмотрено судами общей юрисдикции за первое полугодие 2023 г.⁵, и всего 3 определения вынесено арбитражными судами за этот же период⁶) не вполне репрезентативны, поскольку содержат сведения о количестве и результатах рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия в отношении третейских судов, без конкретизации категории таких заявлений. Более того, нельзя быть абсолютно уверенным в том, что в судебной статистике рассмотрение запросов третейских судов в получении доказательств относится к делам о содействии в отношении третейского разбирательства (что не подвергается сомнению в доктрине [4, с. 268]), т.к. соответствующие процессуальные правила сосредоточены не в § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ. Тем не менее низкая востребованность на практике содействия третейскому суду не может рассматриваться как повод к отказу от изучения соответствующего процессуального института, поскольку эффективное взаимодействие третейских и компетентных государственных судов выступает залогом развития арбитража как альтернативной формы разрешения споров в стране.

Развивая тезис, высказанный Е. И. Носыревой [5, с. 82, 88], на самом деле содействие оказывается не третейскому суду и даже не сторонам арбитражного соглашения, а самому институту – третейскому разбирательству, потому как истребование доказательств по запросу третейского суда необходимо для обеспечения юрисдикционной

процедуры, а не только для отдельных ее компонентов. Поэтому далее по тексту соответствующая категория дел будет именоваться как *содействие третейскому разбирательству*.

Поскольку рассмотрение запроса третейского суда о получении доказательств является формой содействия, к соответствующим процедурам субсидиарно должны применяться правила о содействии в отношении третейского разбирательства. В том числе это будет касаться и установленного ч. 5 ст. 240.3 АПК РФ и ч. 5 ст. 427.3 ГПК РФ запрета на повторное участие конкретного судьи в рассмотрении заявлений о контроле арбитражных решений в данном споре. Ввиду того что в силу реализации принципа *компетенции-компетенции* взаимодействие государственных и третейских судов в рамках одного дела предполагает реализацию единой функции, и судья компетентного суда всякий раз делает выводы об арбитрабельности спора, в отношении которого выполняются функции содействия и контроля, т.е. по правилам п. 1 ч. 1 ст. 21 АПК РФ, ст. 17 ГПК РФ такой судья участвовал при предыдущем рассмотрении дела и не может более выполнять функции контроля [6, с. 316].

Результаты

Инициатор обращения в компетентный суд с запросом

Правила оказания содействия компетентным судом в получении доказательств по запросу третейского суда определены в нормах ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ. Основанием для выполнения компетентным судом функций содействия по вопросам истребования доказательств является именно запрос третейского суда, рассматривающего спор на территории РФ. Исходя из положений действующего законодательства, а также статей 27, 30 и 31 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ⁷, инициатором направления запроса может быть как сам третейский суд, так и сторона третейского разбирательства, ходатайствующая о направлении запроса перед составом арбитров. Право самостоятельного обращения с заявлением об истребовании доказательств в компетентный суд сторонам третейского разбирательства не принадлежит, что следует из системного толкования приведенных норм ФЗ об арбитраже, Закона о МКА и процессуальных кодексов [7, с. 27] и п. 37 Постановления

⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 г. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2023/F3-svod-vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2023 г. Отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2023/1AS-svod_vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения: 15.03.2024).

⁷ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 г.). Принят в г. Нью-Йорке 25.06.2010 на 43-й сессии ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.⁸ Запрет сторонам третейского разбирательства самостоятельно инициировать истребование доказательств компетентным судом предопределен обязательностью арбитражного соглашения и юрисдикционными полномочиями третейского суда. Именно в компетенцию третейского суда в силу заключенного сторонами соглашения входит разрешение конкретного спора, а это значит, что именно состав арбитров должен с учетом позиций сторон определять предмет доказывания и устанавливать необходимость представления и истребования тех или иных доказательств. Иное понимание не только нивелировало бы качества самостоятельности третейского разбирательства, но и искусственно повышало бы нагрузку судебной системы.

Н. С. Зверева небезосновательно указывает на противоречие началам состязательности третейского разбирательства существующей возможности третейского суда самостоятельно, без предварительного разрешения ходатайства стороны спора, обратиться в компетентный суд с запросом об оказании содействия в получении необходимых доказательств [8, с. 228]. Между тем, как и в целом в цивилистическом процессе, дискреционные полномочия юрисдикционного органа по самостоятельному определению предмета доказывания и истребования доказательств должны обеспечивать реальную защиту нарушенного права заинтересованных лиц и потому применяться в условиях соблюдения баланса частных и публичных интересов. Нормативные предпосылки самостоятельного издания запроса третейским судом, таким образом, сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо начала третейского разбирательства.

Согласно ст. 27 Закона о МКА и ст. 30 ФЗ об арбитраже, запрос может издать третейский суд в рамках разбирательства, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением (ПДАУ). Согласно ч. 1 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 1 ст. 63.1 ГПК РФ, запросы не могут исходить от третейского суда в рамках третейского разбирательства для разрешения конкретного спора. Налицо коллизия: законодательство об арбитраже буквально устанавливает зависимость направления запроса от факта администрирования арбитража, а процессуальные кодексы – от вида арбитража. Как разъяснено в абз. 2 п. 37 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019, с запросом о содействии в получении доказательств вправе обратиться

третейский суд с местом арбитража на территории России, образованный в рамках третейского разбирательства, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением. Может ли такая формулировка с учетом положений п. 19 ст. 44 ФЗ об арбитраже допускать возможность формирования запроса третейским судом *ad hoc* в случае, если по соглашению сторон определено ПДАУ по выполнению отдельных функций администрирования арбитража, в том числе функций издания запроса об истребовании доказательств? Действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня функций по администрированию арбитража, а лишь указывает некоторые из них: назначение арбитров, разрешение вопросов об их отводе, прекращение полномочий арбитров, хранение материалов рассмотренного дела. Постановка данного вопроса обусловлена терминологическими трудностями и попыткой в результате третейской реформы 2015 г. разделить понятия *третейский суд* и *постоянно действующее арбитражное учреждение*. В депонированных на сайте Минюста России правилах по оказанию институциональными третейскими центрами функций администрирования арбитража конкретного спора отсутствует какое-либо указание на возможность ПДАУ направлять запросы в получении доказательств в случае администрирования ситуационного арбитража. Но в п. 2 ст. 3 соответствующих правил Российского арбитражного центра при РСПП⁹, например, помимо перечисленных функций формирования состава арбитров, содействия обмена корреспонденцией, депонирования авансов, гонораров арбитров, предоставления доступа к электронной системе центра предусмотрено, что по запросу сторон и состава арбитров центр также вправе выполнять иные дополнительные функции по администрированию арбитража.

По мнению М. Э. Морозова, различия полномочий арбитров *ad hoc* и арбитров институционального третейского центра по сбору доказательств и рассмотрению спора необъяснимы и ограничивают права стороны разбирательства, которая будет лишена возможности эффективной защиты своих интересов [9, с. 199–200]. А. Н. Балашов также отмечает, что компетентный, добросовестный и независимый арбитр *ad hoc* в своем статусе не отличен от арбитра в институциональном арбитраже, поэтому ограничение формы содействия в получении доказательств для ситуационного арбитража, по его мнению, необъяснимо [10, с. 22].

⁸ О выполнении судами РФ функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 10.12.2019. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Правила Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража по выполнению отдельных функций по администрированию арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (утв. Общим собранием учредителей Российского института современного арбитража, протокол № 35 от 30.09.2019). URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/pravila-rossijskogo-arbitrazhnogo-tsentra-pri-rossijskom-institute-sovremennogo-arbitrazha-po-vyipolneniyu-otdelnyih-funktsij-po-administrirovaniyu-arbitrazha-osuschestvlyаемого-tretejskim-sudom-obrazovannym-storonami-dlya-razresheni.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

Выявленная неопределенность должна быть устранена посредством телеологического толкования, учитывающего цель третейской реформы 2015 г., направленной на устранение рисков факторов бесконтрольного существования арбитражных центров. Избрав консервативную разрешительную модель создания третейских центров, государство подчеркнуло возможность существования режима наибольшего благоприятствования в рамках функций контроля и содействия со стороны компетентных судов именно для институциональных арбитражей. Речь идет о возможности для сторон институционального арбитража заключать соглашения, исключающие возможность оспаривания решений третейского суда (как решения предварительного характера о наличии компетенции, так и окончательного) и возможность обращения в компетентный суд с заявлением по вопросу формирования состава арбитров. У сторон ситуационного арбитража такого права нет.

Убеждены, что установление процессуальным законодательством запрета направления запроса о содействии в получении доказательств от арбитража *ad hoc* является логичным ограничением в контексте цели реформирования. Именно поэтому в п. 39 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 указано, что суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств также в случае направления запроса третейским судом для разрешения конкретного спора (*ad hoc*) либо третейским судом с местом арбитража за пределами Российской Федерации. Между тем, констатируя отсутствие права у ситуационного третейского суда на направление соответствующих запросов о содействии, необходимо по правилам ст. 127.1 АПК РФ и ст. 134 ГПК РФ отказывать в принятии к рассмотрению запроса в принципе, а не отказывать в исполнении запроса, рассматривая обращение по существу. У такого лица нет процессуального права на подачу обращения, а не права на удовлетворение требования.

Арбитраж *ad hoc* неспроста в мировой практике именуется изолированным. Он должен быть способным рассмотреть конкретный спор по материалам, представляемым сторонами, не взаимодействуя с компетентными судами без крайней на то необходимости. Таким образом, даже в случае выполнения функций администрирования ситуационного арбитража со стороны ПДАУ, право на направление запроса о содействии в получении доказательств у такого третейского суда отсутствует.

Запрос о содействии в получении доказательств издается третейским судом и может быть как направлен в компетентный суд самим третейским судом, так и выдан стороне арбитража для непосредственного направления указанного запроса в компетентный суд [11, с. 51]. Запрос адресуется в компетентный суд по месту нахождения истребуемых доказательств.

Запрос как вид процессуального обращения, субъектный состав в деле о содействии в получении доказательств

Процессуальное законодательство (ч. 4 ст. 4 АПК РФ и статьи 3–4 ГПК РФ) в качестве основных процессуальных документов, подаваемых в суд с целью возбуждения производства, называет исковое заявление и заявление. Запрос как процессуальный документ, передаваемый с целью возбуждения производства по делу, кодексами не называется. В то же время, согласно ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ, в компетентный суд адресуется именно запрос. Нужно ли подавать заявление, как это предусмотрено ч. 4 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.1 ГПК РФ, применительно к делам о содействии в отношении третейского суда, не раскрывается. Немногочисленные примеры из судебной практики показывают, что процессуальным документом, которым инициируется возбуждение производства по делу, является именно запрос третейского суда (см. например, дело Арбитражного суда Москвы № А40-63597/2021¹⁰ и дело Арбитражного суда Кемеровской области № А27-4270/2017¹¹). Как отмечается, запрос третейского суда – это новый и единственный в своем роде арбитражный акт, направляемый третейским судом непосредственно либо выдаваемый стороне для направления в государственный суд с целью получения письменных или вещественных доказательств, иных документов и материалов [12, с. 731].

Запрос должен исходить от третейского суда, а не от ПДАУ (т.к. действующее законодательство различает эти понятия), поэтому он может быть издан не ранее, чем будет сформирован состав арбитров для рассмотрения конкретного спора. Применительно к особенностям издания запроса и порядку его подачи в компетентный суд возникает ряд вопросов:

1. Кто является заявителем по делам данной категории – третейский суд или сторона третейского разбирательства? Например, в приведенном выше деле № А40-63597/2021 заявителем был определен Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, рассматривавший

¹⁰ Картоотека арбитражных дел. Дело № А40-63597/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/27d42b39-0ba1-4451-8610-4d0cb9d02061> (дата обращения: 15.03.2024).

¹¹ Картоотека арбитражных дел. Дело № А27-4270/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5237e74-cbe9-4360-8566-c62608e3fb5f> (дата обращения: 15.03.2024).

третейский спор и направивший в арбитражный суд запрос об истребовании от Министерства спорта РФ документов, необходимых для изучения дела. Процессуальный статус сторон третейского разбирательства в этом деле обозначен как *заинтересованные лица*. Аналогичным образом распределены процессуальные роли в деле № А27-4270/2017 Арбитражным судом Кемеровской области – постоянно действующий третейский суд, направивший запрос, определен в статусе заявителя (в карточке дела – *истца*), а стороны третейского разбирательства, так и обозначенные в судебном акте, разнесены в карточке дела в столбце *ответчики*, т. е. являются заинтересованными лицами. Как указывают С. З. Женетль и Н. А. Иваненко, отсутствие нормативного решения вопроса о процессуальном статусе третейских судов, обращающихся в компетентный суд с запросом о содействии в получении доказательств, вносит правовую неопределенность [7, с. 29]. Действительно, нужно ли извещать третейский суд о судебном заседании? Какими распорядительными правами будет обладать третейский суд как участник процессуальных отношений? Если запрос передает сторона третейского разбирательства, ходатайствовавшая об издании такого запроса, останется ли третейский суд заявителем?

Лицами, участвующими в деле, являются субъекты, обладающие юридическим интересом в исходе дела, что предопределяет полноту их прав и процессуальных обязанностей [13, с. 65–66]. Как заявитель, так и заинтересованные лица в судебных процедурах имеют интерес в исходе дела, и судебные акты непосредственно затрагивают их права и обязанности. Обладает ли третейский суд юридическим интересом в соответствующем деле или интересом обладают только стороны арбитража? Очевидно, что интерес, если он и есть, не связан с защитой права, это интерес в создании условий для реализации собственных юрисдикционных полномочий. Он похож на интерес суда, направляющего судебное поручение в гражданском или арбитражном процессе. Представляется, что третейский суд не вступает с компетентным судом в отношения подчинения, здесь нет субординации. Д. А. Андреев предлагает функцию содействия в получении доказательств квалифицировать как административную, в рамках которой компетентный суд предоставляет третейскому суду техническую возможность получить доказательства, которые тот не может получить самостоятельно [14, с. 109]. С позиции теории административного права перед нами координационные отношения, поэтому и закон не допускает оспаривания определений компетентных судов по делам о содействии в отношении третейского разбирательства. И третейский суд, и стороны третейского разбирательства состоят с компетентным судом в процессуальных отношениях, обладают отдельными

процессуальными правами и несут обязанности. Раз скоро компетентный суд рассматривает запрос третейского суда, он вправе отказать в его исполнении не только по техническим причинам. Процедуру содействия в получении доказательств нельзя отождествлять с порядком исполнения судебного поручения по правилам статей 73, 74 АПК РФ и 62, 63 ГПК РФ.

Поскольку соответствующий запрос рассматривается в рамках самостоятельного дела, для целей администрирования судебного разбирательства и применения существующих процессуальных правил, заявителем должен признаваться именно третейский суд, вне зависимости от того, направляет ли он запрос в компетентный суд самостоятельно или передает через указанную в запросе сторону третейского разбирательства. Стороны третейского разбирательства в деле, возбуждаемом компетентным судом на основании запроса о содействии в получении доказательств, должны привлекаться в статусе заинтересованных лиц. Заинтересованные лица, участвуя в данной категории дел о содействии, также не имеют материального интереса. Полномочия компетентного суда лишь опосредованно связаны с юрисдикционными полномочиями третейского суда. В обоих случаях перед нами организационный интерес, отличный от классического материального и процессуального интереса лиц, участвующих в деле.

Изложенное представление о фигуре заявителя также не вписывается в общий порядок подачи документов в электронном виде. В связи с тем что третейский суд не имеет подтвержденной учетной записи на портале *Госуслуги* и в сервисе *Мой Арбитр*, арбитры не должны рассматриваться как представители сторон, а значит, запросы не могут быть направлены в компетентные суды в электронном виде. Разумеется, это вопрос технический, а не правовой. Отсутствие соответствующей опции при подаче документов в электронном виде через сервис *Мой арбитр* или *ГАС Правосудие* обусловлено отсутствием эмпирического материала, несовершенством цифровой платформы, но не может опровергать выше приведенные утверждения о правовом статусе лиц, участвующих в деле.

Не должно рассматриваться как препятствие для восприятия третейского суда в статусе заявителя по делам указанной категории и отсутствие гражданской правосубъектности этого органа. Подобная ситуация для отечественного цивилистического процесса не нова, например, в делах административного судопроизводства публичные полномочия органа, не являющегося юридическим лицом в организационно-правовом смысле, оказываются предопределяющими, и участковые избирательные комиссии, призывные комиссии, государственные экзаменационные комиссии и т. п. признаются административными ответчиками в случае оспаривания их решения, действия

или бездействия. Иными словами, неправосубъектность органа в материальных правоотношениях не становится препятствием для наделения процессуальной право- и дееспособностью в случае выполнения данными лицами публичных полномочий.

2. *Какими правами и обязанностями должны обладать заявитель и заинтересованные лица при рассмотрении запроса третейского суда?* Несмотря на то что третейский суд и стороны разбирательства должны признаваться лицами, участвующими в деле о содействии третейскому разбирательству, они не могут обладать всеми правами, предусмотренными статьями 41, 49 АПК РФ, статьями 35, 39 ГПК РФ. Наличие ограниченного организационного интереса и отсутствие полномочий по разрешению спора в этом деле у компетентного суда предопределяет сжатый перечень прав и обязанностей третейского суда и сторон разбирательства как лиц, участвующих в данном деле. Так, третейский суд как заявитель может издать запрос и направить его в компетентный суд, очевидно может его и отозвать до вынесения итогового определения в случае, когда обстоятельства для оказания содействия в получении доказательств отпали. Поскольку при рассмотрении заявления компетентный суд устанавливает ряд обстоятельств, в том числе исключает основания для отказа в исполнении запроса, заявитель и заинтересованные лица должны обладать полномочиями по представлению объяснений по вопросам, связанным с рассмотрением запроса. Эти пояснения не должны касаться рассматриваемого третейским судом спора, а только вопросов реализации полномочий компетентного суда по исполнению или отказу в исполнении запроса арбитров – арбитрабельности спора, невозможности получения доказательств сторонами самостоятельно, нарушении прав не привлеченных лиц и пр. Не должны касаться пояснения сторон арбитража вопросов целесообразности получения данных доказательств, т.к. компетентный суд при исполнении запроса не рассматривает спор по существу, не определяет предмет доказывания по арбитражному делу – это исключительная компетенция третейского суда.

3. Содержание запроса о содействии в получении доказательств предопределено, с одной стороны, исключительными юрисдикционными полномочиями третейского суда по определению целесообразности получения тех или иных доказательств, а с другой – должно раскрывать объективную неспособность сторон представить сведения, необходимые для рассмотрения дела. Как разъяснено в ч. 2 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 2 ст. 63.1 ГПК РФ, в запросе третейского суда указываются обстоятельства, подлежащие выяснению, а также доказательства, которые должен получить арбитражный суд, исполняющий запрос. *Должен ли компетентный суд оценивать необходимость*

получения истребуемых доказательств для правильного рассмотрения дела третейским судом? Поскольку полномочия по определению предмета доказывания по делу и круга доказательств, необходимых для правильного разрешения требования, относятся к исключительной компетенции юрисдикционного органа, государственный суд при выполнении функций содействия не может вторгаться в вопросы целесообразности издания третейским судом запроса.

4. *Какие документы должны быть приложены третейским судом к запросу?* Процессуальное законодательство не устанавливает требований к приложениям к запросу. Однако из оснований к отказу в исполнении запроса очевидно, что компетентным судом проверяется арбитрабельность спора. При этом, согласно п. 3 ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ, препятствием для исполнения запроса третейского суда является именно объективная неарбитрабельность спора: запрос не может быть исполнен, если соответствующая категория спора не может быть передана на рассмотрение третейского суда в силу прямого нормативного запрета (ч. 2 ст. 33 АПК РФ, ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ). На это обращено внимание и в абз. 2 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019. Формально компетентный суд должен ограниченно руководствоваться принципом *компетенции-компетенции* и не должен проверять действительность заключенного сторонами арбитражного соглашения. Д. А. Андреев отмечает, что на практике третейские суды арбитражное соглашение к своему запросу не прикладывают [15, с. 173]. Государственный суд должен установить отсутствие признаков, с очевидностью свидетельствующих об отсутствии компетенции третейского суда, исходя из имеющихся данных [14, с. 113]. Полноценная проверка действительности арбитражного соглашения в рамках рассматриваемой процедуры может привести к затягиванию процесса, увеличению издержек и усложнению процедуры защиты прав заинтересованных лиц. Поэтому телеологически оправданной выглядит позиция об отсутствии необходимости приобщения к запросу заверенной копии арбитражного соглашения.

К заявлениям о содействии в отношении третейского разбирательства (как мы указывали выше, содействие в получении доказательств относится к данной категории дел) в силу ч. 4 ст. 240.2 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.2 ГПК РФ должны быть приложены: 1) заверенная копия искового заявления в третейский суд с доказательствами его получения ответчиком; 2) подлинное соглашение о третейском разбирательстве или его надлежащим образом заверенная копия; 3) документы, подтверждающие обстоятельства, являющиеся основанием для обращения заявителя в суд за содействием в отношении третейского суда;

4) документы, представляемые в обоснование требования заявителя; 5) документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в порядке и в размере, которые установлены федеральным законом; 6) доверенность или иной документ, подтверждающие полномочия лица на подписание заявления о содействии.

Если третейский суд признается заявителем в делах рассматриваемой категории, является ли его запрос об оказании содействия в получении доказательств аналогом заявления по делу о содействии в отношении третейского разбирательства? Положительный ответ на этот вопрос будет означать, что третейский суд должен будет оплатить госпошлину при обращении в арбитражный суд в размере 6000 руб., а при обращении в суд общей юрисдикции еще предстоит разобраться, будем ли мы рассматривать третейский суд в соответствии со ст. 2 ФЗ об арбитраже как состав должностных лиц, арбитров, и тогда ожидать оплаты 300 руб., или будем относиться к нему как к ПДАУ, подразделению некоммерческой организации, и требовать оплаты 6000 руб. (ч. 6 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 6 ст. 427.1 ГПК РФ)? Отрицательный ответ на поставленный вопрос позволит относиться к исключению правил рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств из § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ как намеренному, сделанному с целью установить действительно специальные правила процессуальной формы. Это будет означать, что ни доказательств оплаты госпошлины, ни копии иска, ни копии арбитражного соглашения не потребуется при рассмотрении запроса третейского суда. Косвенно подтверждает обоснованность отрицательного ответа и то обстоятельство, что стороны третейского разбирательства правом направления запроса в компетентный суд не обладают (а в силу ч. 4 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.1 ГПК РФ заявителями в делах о содействии третейскому разбирательству признаются именно лица, участвующие в арбитраже). Повторимся, правом направления запроса обладают лишь институциональные третейские суды, дорожащие своей репутацией и обеспечивающие должный профессионализм в вопросах определения собственной компетенции по рассмотрению спора. Поэтому высока вероятность того, что особый статус заявителя запроса предопределяет отсутствие необходимости приложения каких бы то ни было документов к такому арбитражному акту. Тем не менее обосновать можно оба решения, поэтому в этом вопросе требуется официальное разъяснение или изменение процессуального закона.

Поскольку рассмотрение запроса третейского суда об истребовании доказательств осуществляется в процедуре содействия третейскому разбирательству, правила § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ должны применяться субсидиарно по отношению к ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ в случаях, когда это не противоречит специальной норме. Так как запрос исходит от третейского суда, подпись председательствующего арбитра, заверенная в ПДАУ, будет достаточным основанием полагать, что запрос подписан уполномоченным должностным лицом, заявителем, поэтому никакой доверенности и диплома об образовании или ученой степени от подписанта не требуется. При этом нужно ли прикладывать постановление о формировании состава арбитров, или факт издания запроса и этот вопрос разрешает? Можно сделать вывод, что сам факт издания запроса третейского суда является достаточным доказательством подачи иска и возбуждения третейского разбирательства, предварительной проверки заключенности, действительности и исполнимости арбитражного соглашения, формирования состава арбитров, поэтому соответствующие документы к запросу могут не прилагаться. Но на текущий момент нет никаких безусловных оснований не прикладывать к запросу третейского суда документ об оплате государственной пошлины.

Виды истребуемых доказательств

Согласно ч. 3 ст. 74.1 АПК РФ, запрос третейского суда может быть направлен для получения письменных и вещественных доказательств и иных документов и материалов в соответствии со статьями 75, 76 и 89 АПК РФ. Аналогичная норма ч. 3 ст. 63.1 ГПК РФ сформулирована несколько иначе: истребованы могут быть письменные и вещественные доказательства и аудио- и видеозаписи, предусмотренные статьями 71, 73 и 77 ГПК РФ. Разница диспозиций указанных норм обусловлена перечнем средств доказывания, предусмотренных процессуальными кодексами неодинаково. Так, в ГПК РФ нет категории *иные документы*, к которым судебная практика, например, относит т. н. внесудебные экспертные заключения или экспертные заключения, полученные при рассмотрении судами иных дел¹², а в АПК РФ нет отдельно указанных в качестве средств доказывания аудио- и видеозаписей. Отмеченное не означает, что в зависимости от характера спорного правоотношения третейский суд ограничен в выборе истребуемых доказательств. Речь идет о праве третейского суда истребовать доказательства в виде объектов внешнего мира, уже существующих, а не специально создаваемых для целей

¹² См. например: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе, п. 13. Постановление Пленума ВАС РФ № 23 от 04.04.2014; О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства, абз. 3 п. 56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 04.03.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

рассмотрения спора. Если обращаться к традиционной классификации доказательств в цивилистическом процессе в зависимости от источника их возникновения, третейский суд вправе просить о содействии в получении вещественных доказательств [16, с. 304–305; 17, с. 120–121], а личные и смешанные доказательства он уже должен получить сам в рамках арбитражной процессуальной формы.

Процессуальные законы запрещают по запросу суда допрашивать свидетелей, назначать экспертизу, получать консультации специалиста, объяснения сторон и иных лиц. Такие ограничения наводят на мысль о необходимости реализации руководящих полномочий – разъяснении уголовно-правовых последствий нарушения обязанностей по представлению доказательств, а также полномочий по корректировке вопросов и отражению полученной доказательственной информации. Поэтому третейские суды вправе просить истребовать лишь объективные, неискажаемые сведения, не предполагающие возможности вторжения компетентного суда в доказывание.

Сам третейский суд не лишен возможности допрашивать свидетелей с их согласия, назначать экспертизу или привлечь специалистов для получения консультаций. А в случае уклонения таких лиц от взаимодействия с третейским судом не исключается обращение к иным сведущим лицам или придание доказательственного значения соответствующему поведению [18, с. 20; 19, с. 526]. Неискажаемые объекты внешнего мира, такие как письменные доказательства, электронные документы, видеозаписи или вещественные доказательства, существуя объективно, могут иметь принципиальное значение для правильного рассмотрения дела, т. к. допускать реализацию юрисдикционных полномочий арбитров без формирования материалов дела может быть неприемлемо.

Основания для отказа в удовлетворении запроса

При рассмотрении компетентными судами дел о содействии в отношении третейского разбирательства имеет место судебский контроль. Компетентный суд обеспечивает контроль посредством ограничения доступа сторон третейского разбирательства к информации, не относящейся к их делу, касающейся деятельности иных лиц, не связанных арбитражным соглашением, или относящейся к охраняемой законом тайне [20, с. 60]. Согласно ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ, основаниями для отказа в исполнении запроса третейского суда являются:

- запрос направлен для получения доказательств, не предусмотренных законом (письменных, вещественных доказательств и аудио- и видео-

записей и иных материалов, перечень которых раскрыт ранее);

- исполнение запроса может нарушить права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в третейском разбирательстве;
- запрос направлен в отношении неарбитрабельного спора;
- запрос позволяет обеспечить доступ к информации, составляющей государственную тайну;
- запрос позволяет обеспечить доступ к информации, составляющей служебную, коммерческую, банковскую или иную охраняемую законом тайну, в отношении лиц, не участвующих в третейском разбирательстве.

Как разъяснено в Определении КС РФ от 29.09.2020¹⁵, отмеченные ограничения направлены на защиту прав и интересов лиц, не вовлеченных в третейское разбирательство. Это соотносится с принципами состязательности и равноправия сторон, из которых вытекает недопустимость по общему правилу принятия судебных актов, затрагивающих права лиц, не принимающих участие в разрешении спора.

Тем временем 2 и 5 основания к отказу в исполнении запроса, не позволяющие нарушать права лиц, не участвующих в третейском разбирательстве, несут в себе деструктивный потенциал и должны применяться сдержанно. Формально любой обладатель информации, если речь не идет о публичных органах, ведущих соответствующие реестры или архивы, имеющий доказательственную информацию, может быть с ней связан. Понуждение к представлению документов или иных объектов частных лиц предопределяет, что информация может быть использована в ущерб интересов таких лиц. Поэтому компетентному суду при исполнении запроса арбитров требуется проверить, не выходит ли просьба о содействии за пределы арбитражного спора, и при необходимости удовлетворить.

Обеспечение доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства

Согласно п. 41 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019, с учетом положений процессуальных кодексов не исключается возможность рассмотрения судом вопроса об обеспечении доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства. Таким образом, Пленум ВС РФ, запрещая возможность обращения сторон третейского разбирательства с заявлением об истребовании доказательств для нужд третейского разбирательства, допускает реализацию самостоятельного права в случае необходимости обеспечения доказательств [4, с. 273]. С одной стороны, такое решение может быть объяснено целью

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Сургутнефтегазбанк» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 и 5 ч. 4 ст. 74.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Определение КС РФ № 2260-О от 29.09.2020. СПС КонсультантПлюс.

института обеспечения доказательств, которая состоит в их срочной, незамедлительной фиксации в условиях риска утраты, но в то же время такой подход вступает в явное противоречие с изложенной выше концепцией реализации юрисдикционных полномочий третейского суда. Кроме того, учитывая принципиально различное правовое регулирование правил обеспечения доказательств в арбитражном и гражданском процессе, стороны третейского разбирательства окажутся в неодинаковом положении в зависимости от категории спора. Так, в арбитражном процессе (ст. 72 АПК РФ) обеспечение доказательств осуществляется по правилам обеспечения иска, т. е. с привлечением при исполнении Федеральной службы судебных приставов. Согласно ч. 2 ст. 90 АПК РФ, обеспечительные меры могут применяться и на основании заявления стороны третейского разбирательства, в том числе и до обращения с иском в установленном порядке. Эта модель обоснованно критикуется как неэффективная [21, с. 174], уступающая в своей простоте и временной экономичности нотариальному порядку обеспечения доказательств [22, с. 53; 23, с. 41]. Что касается обеспечения доказательств в гражданском процессе, то в соответствии с правилами статей 64–66 ГПК РФ предусматривается более простая и действенная модель незамедлительной фиксации и исследования доказательств непосредственно судом в судебном заседании, в том числе и в выездном заседании. Однако нормы, допускающей стороне третейского разбирательства обращаться в суд общей юрисдикции с заявлением об обеспечении доказательств, ГПК РФ не содержит. Поэтому позиция Пленума ВС РФ в вышеуказанном п. 41 Постановления № 53 от 10.12.2019 приведена со ссылкой на ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, т. е. сформирована с применением процессуальной аналогии.

Мы убеждены, что в абсолютном большинстве случаев обеспечение доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства должно осуществляться в рамках соответствующего нотариального действия, т. е. без дополнительной нагрузки судебной системы.

Заклучение

Право направления запроса о содействии в получении доказательств стало одной из новелл в результате реформы арбитража в России [24, с. 55]. До принятия ФЗ об арбитраже и внесении соответствующих изменений в процессуальные кодексы констатировалось,

что предусмотренные процессуальным законодательством полномочия государственных судов по истребованию доказательств не могут применяться к третейским судам, поскольку обратное противоречило бы сущности третейского разбирательства и свидетельствовало бы о нарушении его принципов [25, с. 35]. До сих пор практика выполнения функций содействия в получении доказательств по запросу третейского суда не сформирована. Встречаются лишь единичные примеры обращения институциональных центров к компетентным судам. Причиной невостребованности изучаемого механизма содействия, с одной стороны, являются недостатки правового регулирования процессуальной формы, а с другой – низкая востребованность третейского разбирательства в стране.

В перспективе компетентные суды не должны стать универсальной *кассой взаимопомощи*, ассистируя третейским судам в рассмотрении дела, иначе нивелируется эффект альтернативности третейского разбирательства. Сторонам будет проще начать рассматривать спор в государственном суде, а не обращаться к нему неоднократно за содействием. Содействие в вопросах получения доказательств – важный механизм, требуемый для поддержания третейского разбирательства в случае необходимости получения объективной информации, недоступной сторонам. В этом плане неэффективность механизма исполнения запроса третейского суда породит увеличение судебной нагрузки по рассмотрению дела по существу, потому как стороны арбитражного соглашения будут лишены возможности полноценного рассмотрения своего дела в третейском суде.

С учетом выявленных проблем необходимо совершенствовать правовое регулирование рассмотренной процедуры, а также на уровне Пленума Верховного Суда РФ дать дополнительные руководящие разъяснения по вопросам содержания запроса третейского суда, порядка его издания и направления в компетентный суд.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ануров В. Н., Егоров К. В., Замазий А. В., Кукина Т. Е., Лебедев К. К., Макарова О. А., Микшис Д. В., Мифтахов Р. Р., Михайлов А. В., Морозов М. Э., Носырева Е. И., Поваров Ю. С., Рузанова В. Д., Савранский М. Ю., Севастьянов Г. В., Ситдикова Р. И., Скворцов О. Ю., Царегородцева Е. А., Шевченко Г. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический). М.: Статут, 2016. 352 с. [Anurov V. N., Egorov K. V., Zamaziy A. V.,

- Kukina T. E., Lebedev K. K., Makarova O. A., Mikshis D. V., Miftahov R. R., Mikhaylov A. V., Morozov M. E., Nosyreva E. I., Povarov Y. S., Ruzanova V. D., Savranskiy M. Yu., Sevastianov G. V., Sitdikova R. I., Skvortsov O. Yu., Tsaregorodtseva E. A., Shevchenko G. N. *Article-by-article scientific-practical commentary on the Federal Law "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation"*. Moscow: Statut, 2016, 352. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yfsfxhr>
2. Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008. 277 с. [Kurochkin S. A. *State courts in arbitration proceedings and international commercial arbitration*. Moscow: Wolters Kluwer, 2008, 277. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qqvmer>
 3. Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. М.: Статут, 2014. 283 с. [Zykov R. O. *International arbitration in Sweden: law and practice*. Moscow: Statut, 2014, 283. (In Russ.)]
 4. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 416 с. [Kurochkin S. A. *Domestic and international commercial arbitration*. 2nd ed. Moscow: Statut, 2021, 416. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rcgegi>
 5. Носырева Е. И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов. *Вестник гражданского процесса*. 2017. Т. 7. № 4. С. 79–100. [Nosyreva E. I. Legal nature and procedural features of the function of court assistance regarding arbitration. *Herald of Civil Procedure*, 2017, 7(4): 79–100. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/udjupj>
 6. Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Волков Н. А., Балаян Э. Ю., Леонова Т. Ю., Попова Т. Ю., Исакова Е. Г., Ивлев С. В., Трезубов Е. С., Комиссарова Е. Л., Козлова Н. В., Боголюбов Е. А., Невзорова М. Т., Лученок Е. В., Арефьева Т. С. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект. М.: Проспект, 2019. 432 с. [Gavrilov S. O., Gavrilova A. V., Kazmin V. N., Kazmina M. V., Volkov N. A., Balayan E. Yu., Leonova T. Yu., Popova T. Yu., Isakova E. G., Ivlev S. V., Trezubov E. S., Komissarova E. L., Kozlova N. V., Bogolyubov E. A., Nevzorova M. T., Luchenok E. V., Arefieva T. S. *The history and modern trends in the development of the civil society and the state: The human rights aspect*. Moscow: Prospect, 2019, 432. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392296811-2019-432>
 7. Женетль С. З., Иваненко Н. А. Порядок процессуального взаимодействия третейского суда и суда общей юрисдикции в связи с запросом о содействии в получении доказательств (ст. 57 и 63.1 ГПК РФ): закон и практика его применения. *Администратор суда*. 2023. № 4. С. 27–30. [Zhenetl S. Z., Ivanenko N. A. The procedure of procedural interaction between the mediation court and the court of general jurisdiction in connection with the request for assistance in obtaining evidence (articles 57 and 63.1 of the civil procedural code of the Russian Federation): The law and practice of its application. *Court's Administrator*, 2023, (4): 27–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-4-27-30>
 8. Зверева Н. С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции. М.: Статут, 2017. 384 с. [Zvereva N. S. *Interaction of alternative methods of dispute resolution and civil proceedings in Russia and France*. Moscow: Statut, 2017, 384. (In Russ.)]
 9. Морозов М. Э. Ограничения полномочий арбитра *ad hoc*. *Третейский суд*. 2021. № 3/4. С. 198–204. [Morozov M. E. Limitations on *ad hoc* Arbitrator's Authority. *Arbitration Court*, 2021, (3/4): 198–204. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nhoujn>
 10. Балашов А. Н. К вопросу о формах взаимодействия государственных судов с третейскими судами (арбитражами). *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 12. С. 19–23. [Balashov A. N. On forms of cooperation between state courts and arbitration (commercial) courts. *Arbitration and Civil Procedure*, 2019, (12): 19–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qnocne>
 11. Ситкарева Е. В. Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства). *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 4. С. 49–52. [Sitkareva E. V. Assistance and control of state courts in arbitration (arbitration proceedings). *Laws of Russia: Experience, analysis, practice*, 2017, (4): 49–52. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yplwvb>
 12. Абесадзе С. А., Андреева Т. К., Ануров В. Н., Арель Г., Асосков А. В., Бабичев Ю. А., Гребельский А. В., Грешников И. П., Грищенкова А. В., Гузей С. В., Данилевич А. С., Дудко А. Г., Жукова Г. К., Замазий А. В., Зеленин А. Д., Козьменко А. В., Комаров А. С., Кропотов Л. Г., Крохалев С. В., Кузнецов В. А., Кульков М. А., Курочкин С. А., Марисин И. Н., Микшис Д. В., Мифтахов Р. Р., Морозов М. Э., Муранов А. И., Никифоров И. В., Носырева Е. И., Панов А. А., Ращевский Е. С., Суспицына И. И., Трусова Е. А., Хвалей В. В., Хегер С., Храпова О. К., Янков В. В. Международный коммерческий арбитраж. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Третейский суд; М.: Статут, 2018. 965 с. [Abesadze S. A., Andreeva T. K., Anurov V. N., Arel G., Asoskov A. V., Babichev Yu. A., Grebelsky A. V., Greshnikov I. P., Grescenkova A. V., Guzey S. V., Danilevich A. S., Dudko A. G., Zhukova G. K., Zamaziy A. V., Zelenin A. D., Kozmenko A. V., Komarov A. S., Kropotov L. G., Krokhaliev S. V., Kuznetsov V. A.,

- Kulkov M. A., Kurochkin S. A., Marisin I. N., Mikshis D. V., Miftahov R. R., Morozov M. E., Muranov A. I., Nikiforov I. V., Nosyreva E. I., Panov A. A., Paschevsky E. S., Suspicyna I. I., Trusova E. A., Hvalev V. V., Höger S., Hrapova O. K., Yarkov V. V. *International commercial arbitration*. 2nd ed. St. Petersburg: Arbitration Court; Moscow: Statut, 2018, 965. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xupfur>
13. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 3-е изд., перераб. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 703 с. [Osokina G. L. *Civil procedure. General part*. 3rd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2013, 703. (In Russ.)]
 14. Андреев Д. А. Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств. *Третейский суд*. 2021. № 2. С. 103–117. [Andreev D. A. Assistance by state courts to arbitral tribunals in the taking of evidence. *Arbitration Court*, 2021, (2): 103–117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/votbas>
 15. Андреев Д. А. Проблемы взаимодействия третейских и государственных судов в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного третейскому разбирательству. *Третейский суд*. 2020. № 1/2. С. 169–175. [Andreev D. A. Interaction between arbitral tribunals and state courts in the light of the Russian Supreme Court Plenum Decree dedicated to arbitration. *Arbitration Court*, 2020, (1/2): 169–175. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/awjbzo>
 16. Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н., Опалев Р. О., Михайлов С. М., Раскатова Н. Н., Фокина М. А., Юдин А. В., Юсупов Т. Б. Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с. [Afanasiev S. F., Baulin O. V., Lukyanova I. N., Opalev R. O., Mikhailov S. M., Raskatova N. N., Fokina M. A., Yudin A. V., Yusupov T. B. *Course of evidence law: Civil procedure. Arbitration process. Administrative legal proceedings*. 2nd ed. Moscow: Statut, 2019, 656. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ixfryi>
 17. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Городец, 2021. 304 с. [Treushnikov M. K. *Forensic evidence*. 5th ed. Moscow: Gorodets, 2021, 304. (In Russ.)]
 18. Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле). *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 4. С. 12–32. [Yudin A. V. "Evidence of behavior" in the civil and arbitration procedure (to the question of the evidentiary value of the facts the procedural conduct of persons involved in the case). *Herald of Civil Procedure*, 2016, (4): 12–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/whtegv>
 19. Трезубов Е. С. Улики поведения и стандарты доказывания в российском цивилистическом процессе. *Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра*, ред. В. А. Бублик. М.: Городец, 2023. С. 522–535. [Trezubov E. S. Evidence of behavior and standards of proof in the Russian civil procedure. *Civil procedure: Yesterday, today, tomorrow*, ed. Bublik V. A. Moscow: Gorodets, 2023, 522–535. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ftbgon>
 20. Терехова Л. А. Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов. *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 54–62. [Terekhova L. A. Performance by courts of assistance functions in respect of arbitration. *Herald of Civil Procedure*, 2016, (6): 54–62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xdrwrr>
 21. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Обеспечение доказательств в цивилистическом процессе: развитие теории, законодательства и практики. *Вестник гражданского процесса*. 2021. Т. 11. № 5. С. 159–190. [Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Securing evidence in civil procedure: Development of theory, legislative and practice. *Herald of Civil Procedure*, 2021, 11(5): 159–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-5-159-190>
 22. Бегичев А. В. Виды обеспечения доказательств в гражданском и арбитражном процессах. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 6. С. 49–54. [Begichev A. V. Types of evidence perpetuation in civil and arbitrazh procedures. *Laws of Russia: Experience, analysis, practice*, 2013, (6): 49–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qcozzh>
 23. Бегичев А. В. Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств. *Нотариус*. 2020. № 1. С. 41–43. [Begichev A. V. Issues of the use of electronic technologies by notaries in perpetuation of evidence. *Notary*, 2020, (1): 41–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2020-1-41-43>
 24. Казаченок С. Ю. Анализ влияния новелл законодательства России о третейских судах на деятельность международного коммерческого арбитража. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 4. С. 53–57. [Kazachenok S. Yu. Analysis of novelties to Russian legislation on arbitration courts influencing the international commercial arbitration court's activity. *Laws of Russia: Experience, analysis, practice*, 2017, (4): 53–57. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yplwvl>
 25. Рузанова В. Д. Некоторые вопросы ведения третейского разбирательства (арбитража). *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 4. С. 33–37. [Ruzanova V. D. Some questions of a procedure in a referees court (arbitration tribunal). *Laws of Russia: Experience, analysis, practice*, 2017, (4): 33–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yplwtx>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qsfpw>

Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе

Моторина Ирина Станиславовна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0004-7325-6848>

motorinavuz@mail.ru

Аннотация: Внедрение примирительных институтов в правовую систему является одной из мер по снижению судебной нагрузки, а в ряде стран рассматривается как способ обеспечения доступа к правосудию и укрепления социального мира посредством *десудебизации споров*. Цель – проанализировать явления примирительных процедур в судебной деятельности с позиции системного подхода. В работе раскрываются следующие понятия: *система социального управления, правовое регулирование, судебная деятельность, правосудие, судебное правоприменение, альтернативные способы разрешения споров, примирительные процедуры*. Используются методы формальной логики, системного анализа юридических явлений, формально-юридический и функциональный методы частно-научного исследования. На основе системного анализа и доктринальных наработок выделена система регулирования общественных (социальных) отношений, в которой процедуры примирения и правосудия объединяются. Описаны виды примирительных институтов в России и предложена их классификация на частные, частно-публичные и публичные институты примирения. Сделан вывод, что институты публичного примирения являются следствием интеграции частного примирения в деятельность юрисдикционных органов. Предлагается авторское понимание публичных начал в примирительных процедурах. Публичные начала в примирительных процедурах присутствуют, если в юрисдикции государственного органа, например суда, находятся полномочия по регулированию, организации, проведению примирения или утверждению результатов примирения. Раскрываются преимущества примирительных процедур перед правосудием для сторон: 1) цель деятельности – примирение, при достижении которого обе стороны правового спора считают принятое решение, возможно, не идеальным, но удовлетворительным; 2) возможность использования более широкого спектра регуляторов, оказывающих влияние на выстраивание взаимоотношений сторон как правовых, так и неправовых (морали, религии, нравственных, культурных, корпоративных норм и т.д.); 3) простота процедуры примирения для спорящих сторон по сравнению с разрешением спора судом. В результате выделены преимущества развития примирительных процедур для общества в целом. Обосновывается необходимость развития и поиска путей популяризации примирительных институтов в судебной деятельности, поскольку примирение сторон ведет не только к укреплению социального мира, снижению судебной нагрузки, является одной из мер по *десудебизации споров*, но также выгодно непосредственно для сторон. По мнению автора, расширение сферы применения альтернативных форм урегулирования споров будет целесообразно только при понимании сторонами личной выгоды от использования примирительных процедур.

Ключевые слова: система социального управления, правовое регулирование, судебная деятельность, правосудие, правоприменение, судебное правоприменение, альтернативные способы разрешения споров, примирительные процедуры, институт примирения, преимущества примирения перед правосудием

Цитирование: Моторина И. С. Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 2. С. 253–262. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-253-262>

Поступила в редакцию 03.02.2024. Принята после рецензирования 25.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Benefits of Conciliation Procedures in Legal Practice

Irina S. Motorina

Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0004-7325-6848>

motorinavuz@mail.ru

Abstract: Conciliation institutions reduce caseload. Some states also see them as a way to ensure public access to justice and strengthen social peace. This article introduces a systematic approach to conciliation procedures, or pre-court mediation. It describes such concepts as social management system, legal regulation, judicial activity, justice, judicial enforcement, alternative methods of dispute resolution, and conciliation procedures. The research relied on the methods of formal logic, legal system analysis, formal legal method, and functional methods. The author identified a system of social regulation that combines reconciliation and legal procedures, as well as classified domestic conciliation institutions as private, private-public, and public. Institutions of public conciliation appear when private reconciliation integrates with jurisdictional activities. Public principles enter conciliation procedures if the state body, e.g., court, has the right to regulate, organize, or conduct reconciliation, as well as approve its results. Pre-court reconciliation has some advantage for the parties. First, it is effective if both parties sought reconciliation: even if the decision is not ideal, they may still find it satisfactory. Second, mediators are free to employ a wider range of regulators, both legal and non-legal, e.g., morality, religion, traditions, corporate norms, etc. Third, conciliation procedure is much less complex than a trial. Pre-court mediation is beneficial for the society in general and needs to be popularized as an effective de-litigating tool that is profitable for both parties. However, the scope of alternative forms of dispute settlement could be expanded only if the parties understand the personal benefits they get from pre-court mediation.

Keywords: social management system, legal regulation, judicial activity, justice, law enforcement, judicial enforcement, alternative methods of dispute resolution, conciliation procedures, institute of reconciliation, advantages of mediation over court procedures

Citation: Motorina I. S. Benefits of Conciliation Procedures in Legal Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 253–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-253-262>

Received 3 Feb 2024. Accepted after review 25 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Внедрение примирительных институтов в правовую систему является одной из мер по снижению судебной нагрузки, а в ряде стран рассматривается как способ обеспечения доступа к правосудию и укрепления социального мира посредством *десудебизации споров*. Примирение в судебных делах становится особенно актуальным в условиях кризиса экономики, вызванного в том числе пандемией COVID-19, специальной военной операцией России, проводимой с 24 февраля 2022 г., нестабильностью политических отношений.

Цель – проанализировать явления примирительных процедур в судебной деятельности с позиции системного подхода. Именно системный подход позволит наиболее полно изучить сложные объекты, оценить место изучаемого явления в системе регулирования социальных отношений. Содержание вне целого может расцениваться как необоснованная уверенность и предположение [1, с. 100].

Результаты исследовательской деятельности, изложенные в работе, получены при использовании концепции интегративного правопонимания, которая была разработана В. В. Ершовым. Данная концепция включает в понятие права явления, которые оказываются онтологически однородными. Это принципы права (как национального, так и международного) и нормы права (правовые акты, договоры, обычаи) [2, с. 120].

Результаты

Описание понятийного аппарата

Для достижения поставленной цели раскрыты такие понятия, как *система социального управления, правовое регулирование, судебная деятельность, правосудие, судебное правоприменение, альтернативные способы регулирования споров, примирительные процедуры*. Согласно принципу разделения государственной власти в РФ (ст. 10 Конституции РФ¹) все суды без каких-либо

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

исключений отнесены к самостоятельным органам государственной власти, осуществляющим *судебное правоприменение*. В свою очередь правоприменение (в частности, судебное правоприменение) является частью *системы социального управления* (наряду с правом, индивидуальным и правовым регулированием общественных отношений). Социальному управлению свойственно регулирование социальных отношений и целенаправленность для организации нормального функционирования общества [2, с. 31].

Судебное правоприменение является частью социального управления обществом. При этом, в отличие от других средств общественного управления, ему присущи возможность применения принуждения, осуществление деятельности в строгом соответствии с процессуальными нормами и воздействие на отношения посредством права [3, с. 123–124].

Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный или третейский суд в силу их компетенции (п. 1 ст. 11 ГК РФ²). Но наряду с этим третейский суд не вершит правосудие и не наделен полномочиями судебной власти, но он осуществляет защиту нарушенных гражданских прав, что вытекает из анализа ч. 2 ст. 118 Конституции РФ³, ч. 1, ч. 3 ст. 1 ФКЗ № 1-ФКЗ от 31.12.1996 «О судебной системе РФ»: «Судебная власть осуществляется судами (только судами) посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»⁴.

Правосудие – это особый вид государственной деятельности, осуществляемый только судами посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, сущность которого состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии с принципами и нормами международного и национального права, реализуемыми в России, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод либо законных интересов лиц, участвующих в деле [4, с. 108].

Близко к понятию правосудия находится понятие судебной деятельности, под которой понимается деятельность судов (правоприменительная), направленная на рассмотрение и разрешение вопросов, которые отнесены к компетенции судов. В ряде случаев понятия *правосудие* и *судебная деятельность* используют как синонимы. И. Ю. Носков указывает на имеющуюся дискуссионность в раскрытии понятия *судебная деятельность* [5, с. 176], а также на то, что традиционно в данное понятие включают не только процессуальную деятельность (собственно правосудие),

но и деятельность судов организационно-правового характера, поддерживающую осуществление правосудия. Таким образом, судебная деятельность – понятие более широкое, включающее в себя правосудие. Можно сделать вывод, что в ходе судебной деятельности осуществляется индивидуальное регулирование спорных правоотношений посредством *правосудия*.

Под альтернативными способами разрешения споров (АРС) понимаются способы разрешения правовых споров, альтернативные правосудию [6, с. 19]. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов отмечаются различия, сказывающиеся на систематизации АРС. Л. Кадые полагает, что АРС – это совокупность разнообразных правомерных процедур, не относящихся к традиционному судебному разбирательству [7, р. 148], а другие считают, что это «совокупность разнообразных правомерных процедур, не относящихся к любым юрисдикционным способам разрешения споров» [8, с. 99; 9, с. 76]. В работе под АРС предлагается понимать процедуры, существующие не только вне судебного процесса, но и внутри него, как альтернатива полномасштабному правосудию. По критерию *наделения третьего лица правом разрешения спора* учеными выделяется две группы АРС [10, с. 128; 11, с. 39–41; 12, с. 147–148]:

1. Примирительные или фасилитативные процедуры (от англ. *facilitate* – помогать, способствовать) без полномочий посредника по разрешению спора (переговоры, примирение сторон, медиация, консультирование, модерация, претензионный порядок) [13, с. 27; 14, с. 152; 15, с. 65].

2. Процедуры, в которых посредник привлекается для разрешения спора: а) основанные на модели *частного суда* (квазисудебные процедуры, например, арбитраж, поскольку дела там рассматривают негосударственные судьи); б) экспертные процедуры (например, ранняя нейтральная оценка, экспертиза) [16, с. 149].

Несмотря на то что процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом исторически возник как альтернатива государственному суду, ряд зарубежных [17, р. 53] и отечественных [18, с. 79] ученых отмечают происходящую *юридизацию* арбитражной процедуры, приводя в пример международный коммерческий арбитраж, который все более приближается к государственному правосудию.

Нотариальный способ разрешения конфликта, переговоры в примирительных комиссиях (статьи 401–404 ТК РФ⁵ относят переговоры в комиссиях по трудовым спорам к примирительным процедурам)

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 24.07.2023). Ч. 1. Ст. 10. СПС КонсультантПлюс.

³ Конституция РФ...

⁴ О судебной системе РФ. ФКЗ № 1-ФКЗ от 31.12.1996 (ред. от 16.04.2022). СПС КонсультантПлюс.

⁵ Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

также рассматриваются в юриспруденции как виды APC [19, с. 35]. Обязательный претензионный порядок регулирования споров исследуется некоторыми авторами как разновидность APC [20, с. 78]. Другие относят обязательный претензионный порядок не к APC, а к досудебному порядку регулирования споров, при несоблюдении которого исковое заявление возвращается, оставляется без движения или без рассмотрения [21, с. 179; 22, с. 45–50; 23, с. 120]. Ю. С. Колясникова к самостоятельным примирительным процедурам в России относит заключение мирового соглашения [24, с. 157].

Изучая примирительные институты в разных странах, автор приходит к выводу, что они могут отличаться по названию и содержанию, например: медиация, консилиация, судебное примирение, посредничество, согласительные процедуры (*переговоры, сверка документов, соглашение по фактическим обстоятельствам*), модерация, но их объединяет наличие способа урегулирования правового конфликта, основанного на договоренностях сторон, и альтернативность по отношению к правосудию.

Система, объединяющая правосудие и примирительные процедуры

При исследовании явления примирительных процедур в судебной деятельности проанализируем систему, в которой примирение и правосудие объединяются – систему регулирования общественных отношений. В этой системе многообразие социальных регуляторов можно разделить на правовые (*действительное право*) и прочие – *неправовые* регуляторы социальных отношений. Регуляторы общественных отношений можно дополнительно классифицировать по критерию определенности количества участников социальных отношений, разделив их на две группы: 1) устанавливаемые между определенным количеством людей, в частности договоры; 2) устанавливаемые между неопределенным количеством людей, например: религиозные, моральные нормы, а также нормы права [25, с. 16].

Многие ученые в области юриспруденции отмечают, что ситуация, при которой нормы права, реализуемые в государстве, охватили бы все богатство конкретных фактических отношений, является недостижимой. Особенности и нюансы общественных отношений требуют их индивидуального регулирования [26, с. 28].

Индивидуальное регулирование социальных отношений может осуществляться посредством саморегулирования, как, например, в случае односторонней сделки (п. 2 ст. 154 ГК РФ) или посредством договорного регулирования (п. 3 ст. 154 ГК РФ). В случае отсутствия

спора договорное регулирование отношений осуществляется сторонами договора. При возникновении спора стороны пытаются урегулировать его путем переговоров, а при невозможности – посредством обращения к уполномоченным лицам и органам: 1) к примирителям, медиаторам и прочим посредникам с целью выработки добровольного соглашения либо 2) к уполномоченным органам власти. Таким образом, процедуры примирения и правосудия объединяются в единой системе – это система социального регулирования отношений в обществе.

В ходе судебной деятельности индивидуальное регулирование спорных правоотношений происходит посредством правосудия, которое осуществляется властным органом – судом, уполномоченным принимать обязательное для исполнения решение. Процесс рассмотрения дела при этом может прерываться (откладываться, приостанавливаться) для проведения примирительных процедур с целью выработки добровольного соглашения спорящих сторон. При индивидуальном регулировании спорных правоотношений посредством правосудия стороны ограничены правом, за рамки которого судье выходить запрещено. При индивидуальном регулировании спорных правоотношений посредством примирительных процедур возможно использование более широкого спектра регуляторов, оказывающих влияние на выстраивание взаимоотношений сторон, как правовых, так и неправовых (морали, религии, нравственных, культурных, корпоративных норм и т. д.).

Примирительные правовые институты, действующие в РФ

В РФ предлагается выделять институты частного, частно-публичного и публичного примирения. Институты публичного примирения являются следствием интегрирования институтов частного посредничества в деятельность юрисдикционных органов. В российском праве примирительные институты закреплены как в отраслевых законах – в процессуальном законодательстве, так и в специальном законе. Примером института частного примирения (частного посредничества) в России можно назвать институт медиации, который был создан специальным законом № 193-ФЗ⁶ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», где в роли примирителя выступает физическое лицо, привлекаемое в качестве посредника (ч. 3 ст. 2 указанного закона), в том случае, если стороны еще не обратились в суд за разрешением спора.

Институтом публичного примирения (публичного посредничества) в России является институт

⁶ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). ФЗ № 193-ФЗ от 27.07.2010. СПС КонсультантПлюс.

судебного примирения, в котором в роли примирителя выступает судья в отставке. Данное требование к фигуре примирителя закреплено Федеральным законом № 197-ФЗ от 26.07.2019 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ и процессуальными кодексами в актуальной редакции. Правовое регулирование института судебного примирения, в отличие от института частного посредничества, осуществляется не специальным законом, а Регламентом проведения судебного примирения⁸ и положениями процессуальных кодексов ГПК РФ⁹, АПК РФ¹⁰, КАС РФ¹¹, в которых появились статьи под названием «Судебное примирение», регламентирующие проведение судебного примирения (в АПК РФ – ч. 6 ст. 138.5, в ГПК РФ – ч. 6 ст. 153.6, в КАС РФ – ч. 6 ст. 137.6). Поскольку в юрисдикции суда находятся полномочия по регулированию, организации, проведению судебного примирения, а также по утверждению результатов примирения, можно сделать вывод, что судебное примирение выступает видом публичного примирения. Этот вывод подтверждается тем, что только судьи в отставке могут быть судебными примирителями. В соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 10 ФЗ № 30-ФЗ от 14.03.2002 «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» советы судей субъектов РФ ведут списки судей, пребывающих в отставке и изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе¹². Судьи в отставке сохраняют свою принадлежность к судейскому сообществу (с позиции структурно-функционального подхода судейское сообщество является частью судебной системы), а Регламент проведения судебного примирения утверждается Пленумом ВС РФ¹³, что свидетельствует об интегрированном характере судебного примирения.

На основании предлагаемого критерия классификации примирительных процедур (степени интеграции посредничества в деятельность юрисдикционных органов) в России можно выделить также модель частно-публичного примирения. К модели частно-публичного примирения предлагается отнести нотариальную медиацию, т. к. она совмещает частные начала – при организации медиации и ее проведении,

а публичные – при удостоверении нотариусом медиативного соглашения, достигнутого сторонами в соответствии с соглашением о проведении процедуры медиации, которая предусмотрена ФЗ № 193-ФЗ от 27.07.2010. Кроме того, нотариально удостоверенные медиативные соглашения являются исполнительными документами¹⁴, направляемыми (предъявляемыми) для принудительного исполнения в орган принудительного исполнения¹⁵. К такой же модели примирения можно отнести и проведение примирения сторон при возбужденном судебном процессе, когда стороны ведут переговоры без участия судьи, а суд удостоверяет мировое соглашение. Если спор передан на рассмотрение суда и стороны решают применить процедуру медиации до принятия решения по спору (в ряде источников данный вид медиации называется судебной медиацией), то названный вид примирения сторон будет относиться тоже к смешанной модели частно-публичного примирения, поскольку удостоверение мирового соглашения будет находиться в компетенции суда.

В настоящее время результаты примирения по ГПК РФ (ст. 153.7), АПК РФ (ст. 138.6) и КАС РФ (ст. 137.7) включают: 1) мировое соглашение (соглашение о примирении по КАС); 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от жалобы (представления) в любой инстанции; 5) признание обстоятельств. АПК РФ дополняет их 6) соглашением по обстоятельствам дела; 7) подписанием письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака. При утверждении мирового соглашения (соглашение о примирении) суд прекращает производство по делу (ст. 220 ГПК РФ, ст. 150 АПК РФ, ст. 137.1 КАС РФ) полностью или в части, что лишает сторону возможности повторно заявлять тождественные требования. В уголовном процессе также имеется возможность примирения сторон. Она предусмотрена в отношении преступлений небольшой или средней тяжести в том случае, если лицо привлекается к уголовной ответственности впервые и готово загладить причиненный вред потерпевшему (ст. 76 УК РФ¹⁶, ст. 25 УПК РФ¹⁷).

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 197-ФЗ от 26.07.2019. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Об утверждении Регламента проведения судебного примирения. Постановление Пленума ВС РФ № 41 от 31.10.2019. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс РФ № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс РФ № 95-ФЗ от 24.07.2002 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Кодекс административного судопроизводства РФ № 21-ФЗ от 08.03.2015 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹² Об органах судейского сообщества в РФ. ФЗ № 30-ФЗ от 14.03.2002. СПС КонсультантПлюс.

¹³ О Верховном Суде РФ. ФКЗ № 3-ФКЗ от 05.02.2014. П. 13.1. Ч. 3. Ст. 5. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Основы законодательства РФ о нотариате. Утв. ВС РФ № 4462-1 от 11.02.1993. Ст. 59.1. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Об исполнительном производстве. ФЗ № 229-ФЗ от 02.10.2007. П. 3.1. Ч. 1. Ст. 12. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001. СПС КонсультантПлюс.

Преимущества примирительных процедур перед правосудием для сторон и общества

Преимущества примирительных процедур для сторон перед правосудием, выделяемые рядом исследователей, довольно противоречивы. При изучении конституционной составляющей, относящейся к примирительным процедурам, Г. В. Севастьянов выделяет конституционное право сторон на выбор наиболее эффективного способа разрешения спора, не запрещенного законом (п. 2 ст. 45 Конституции РФ) [27, с. 74]. Наличие возможности обращения к примирительным процедурам в ходе судебной деятельности Д. Б. Елисеев связывает с конституционными правами сторон на получение квалифицированной правовой помощи [28, с. 92].

А. Н. Кузбагаров полагает, что примирение будет востребовано при стимулировании сторон в арбитражном и гражданском судопроизводстве, например, при возврате части госпошлины в случае примирения. К преимуществам примирения перед правосудием он также относит: 1) укрепление партнерских отношений; 2) избегание длительности тяжбы и ее дороговизны; 3) конфиденциальность; 4) проявление экономической свободы в отношениях [29]. Однако данные преимущества примирения перед правосудием можно поставить под сомнение. При возникновении спора сторонам нужна не экономическая свобода, а наиболее быстрый и дешевый вариант прекращения спора. К сожалению, при обращении к посреднику не всегда удается укрепить партнерские отношения. Кроме того, использование примирительных процедур не гарантирует результата в виде разрешения спора, в отличие от судебного решения. Если спор не разрешен, то стороны вновь будут вынуждены обратиться в суд, что неизбежно скажется на увеличении финансовых и временных затрат сторон. При недостижении цели сторон, т. е. примирения, рассмотрение спора затягивается, а стоимость восстановления права увеличивается. Относительно сохранения конфиденциальности информации при примирительных процедурах также встречаются обоснованные недоверие и критика.

Автор считает, что в качестве первого неоспоримого преимущества примирительных процедур по отношению к юрисдикционному разрешению спора судом для сторон следует выделить возможность использования более широкого спектра регуляторов, оказывающих влияние на выстраивание правовых и неправовых взаимоотношений сторон (в том числе с использованием моральных, религиозных, культурных, корпоративных норм и т. д.). В то время как при индивидуальном регулировании правоотношений

спорящих сторон посредством правосудия для вынесения судебного решения в рамках интегративной концепции правопонимания стороны ограничены только правом и не смогут ссылаться на неправовые регуляторы отношений.

Вторым преимуществом примирительных процедур перед правосудием является простота процесса примирения для спорящих сторон. Сложно оспорить тот факт, что судебный процесс представляется более сложной процедурой по сравнению с примирением. Такой социальный регулятор, как право, оказывается более сложным регулятором общественных отношений по сравнению с *неправом* (религией и моралью), о чем свидетельствуют научные исследования, посвященные сохранению чистоты права при отправлении правосудия.

По мнению В. В. Ершова, существующее на сегодняшний день размытие права неправом при осуществлении правосудия приводит к нарушениям прав сторон судебного разбирательства [30, с. 12]. При использовании же процедуры примирения стороны вольны выбирать любые средства и методы, выстраивать и менять примирительный процесс по своему усмотрению для достижения взаимоприемлемого результата.

Третье преимущество примирительных процедур перед правосудием для сторон – более высокая обобщенная удовлетворенность сторон при достижении примирения. В результате достижения примирения обе стороны правового спора считают принятое решение, возможно, не идеальным, но удовлетворительным. Цель правосудия – обеспечение защиты прав человека (ст. 18 Конституции РФ). Однако правильное разрешение спора, т. е. разрешение спора в строгом соответствии с правовыми нормами, не является единственной ценностью для сторон. При длительной защите права возрастает стоимость защиты права, а ценность самого права снижается. При длительном судопроизводстве возрастают издержки. Учитывая данное обстоятельство, примирение (даже если оно сведено к компромиссу и отказу от части требований) может оказаться лучше судебного решения. Большое значение в степени ценности судебных актов имеет срок судебной защиты. На это указывают принятые в России нормативные акты¹⁸, закрепляющие в законодательстве *разумный срок судопроизводства* как принцип процессуального права.

Кроме того, при принятии решения судом как минимум одна сторона остается неудовлетворена итогом разрешения правового спора. На сайте Евросоюза

¹⁸ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. ФЗ № 68-ФЗ от 30.04.2010; О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». ФЗ № 69-ФЗ от 30.04.2010. СПС КонсультантПлюс.

имеются данные статистики, согласно которым делается вывод, что опыт европейских потребителей, использующих процедуру альтернативного разрешения споров, показывает, что 70 % были удовлетворены тем, как была рассмотрена их жалоба в ходе этой процедуры, а при разрешении спора судом – только 45 % потребителей¹⁹. В связи с чем, например, в судах Франции на долю мелких правонарушений приходится около 30 % споров, рассмотренных с применением процедуры альтернативного разрешения споров²⁰.

Помимо значимости примирительных процедур для сторон в судебной деятельности, следует указать на их социальную (общественную) значимость. Е. И. Носырева и Д. Б. Елисеев к социальной значимости примирительных процедур относят возможность достижения эффективного функционирования судебной системы путем ее разгрузки. На X Всероссийском Съезде судей РФ в декабре 2022 г. отмечено о рассмотрении судами первой инстанции более 39 млн дел в 2021 г. с высоким качеством и в разумные сроки, обеспечение которых достигалось в основном за счет повышения интенсивности судейского труда²¹.

В XXI в. судебная система подвергается перегруженности и структурному дисбалансу. К таким выводам приходят исследователи, занимающиеся анализом судебной нагрузки [31, с. 58]. В работе Е. В. Бурдиной приводятся данные за 2017–2021 гг., свидетельствующие об увеличении производительности труда судей на 40 %, и делается вывод, что при этом повышение финансирования судебной системы не осуществлялось должным образом [32, с. 78]. При повышении спроса в системе социального регулирования общественных отношений на примирительные процедуры спрос на властные решения снизится, что приведет и к снижению нагрузки судей. И из множества мер по снижению судебной нагрузки, предлагаемых учеными, наиболее существенный резерв, полагаем, содержится не столько в мерах по внедрению в судебную деятельность искусственного интеллекта [33, с. 112; 34, с. 101; 35, с. 267], сколько в примирительной деятельности, находящейся на сегодняшний день в *замороженном виде*. В отличие от примирительных процедур, которые имеют риск быть невостребованными сторонами, внедрение искусственного интеллекта имеет гораздо больше рисков и влечет большое количество опасностей и сомнений, чему в научной литературе последнее время уделяется особое внимание [36, с. 4; 37, с. 51; 38, с. 92].

Помимо перечисленных достоинств примирительных процедур, внедрение методов АРС в судебную деятельность рассматривается рядом исследователей, а именно М. Каппеллетти [39] и В. О. Аболониним [40, с. 44], как способ обеспечения доступа к правосудию и переход к правосудию будущего, имеющего социальную цель – снижение конфликтности общества и укрепление социального мира. Социальная (общественная) значимость примирительных процедур в судебной деятельности описана в литературе достаточно полно, в отличие от значимости этих процедур для сторон, которая, на взгляд автора, описана довольно противоречиво. При развитии примирительных институтов для достижения их востребованности следует делать акцент прежде всего на объективную выгоду для сторон, а не на их социальную значимость.

Заключение

Формирование модели и выбор способа интеграции институтов примирения в правовую систему страны зависит от типа правовой системы, правовой культуры и задач, которые формулируются государствами в процессе управления, при создании примирительных институтов, которые должны быть целесообразными и направленными на развитие. В работе было раскрыто, что система регулирования общественных отношений включает в себя несколько социальных регуляторов, как правовых, так и неправовых. В ходе судебной деятельности регулирование спорных правоотношений осуществляется посредством *правосудия*, которое при этом может прерываться для проведения примирительных процедур с целью выработки соглашения спорящих сторон. Если в процессе правосудия судье и сторонам запрещено выходить за рамки права, то при проведении примирительных процедур возможно использование более широкого спектра регуляторов (морали, культурных, корпоративных норм и т.д.).

В настоящее время институты примирения закрепляются в российском праве как в отраслевых законах – в процессуальном законодательстве (институт судебного примирения), так и в специальном законе (институт медиации). Существующие примирительные институты предложено классифицировать на частные, частно-публичные и публичные. Институты публичного примирения являются следствием интеграции частного примирения в деятельность юрисдикционных органов для достижения социальных целей. Однако статистические данные сегодня

¹⁹ European Union. URL: <http://europa.eu> (accessed 23 Jan 2024).

²⁰ Viaut L. Le droit des modes alternatifs de règlement des conflits peut-il être une discipline juridique autonome? *Actu-Juridique.fr*. 11.06.2020. URL: <https://www.actu-juridique.fr/international/arbitrage-mar/le-droit-des-modes-alternatifs-de-reglement-des-conflits-peut-il-etre-une-discipline-juridique-autonome/> (accessed 23 Jan 2024).

²¹ О развитии судебной системы РФ. Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 01.12.2022. *ИПП Гарант*.

демонстрируют низкую востребованность примирительных процедур в России, соответственно, поставленные государством социальные цели можно считать не достигнутыми. В то же время в ряде зарубежных стран примирительные процедуры активно используются, в связи с чем следует продолжать поиски путей повышения спроса на примирительные процедуры.

При развитии и популяризации примирительных институтов в судебной деятельности, по мнению автора, следует делать акцент не на их социальную значимость (укрепление социального мира, десудебизацию споров, снижение судебной нагрузки), а на объективную выгоду для сторон. Выгода для сторон от использования примирительных процедур перед процедурой правосудия сводится к трем составляющим: 1) возможность использования более широкого спектра

регуляторов, оказывающих влияние на выстраивание взаимоотношений сторон; 2) цель деятельности – примирение, при достижении которого обоюдная удовлетворенность сторон будет выше от принятого решения (обе стороны правового спора считают принятое решение не идеальным, но удовлетворительным); 3) более простая процедура разрешения спора для спорящих сторон по сравнению с правосудием.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с. [Hegel G. W. F. *Encyclopedia of the philosophical sciences. The science of logic*. Moscow: Mysl, 1974, Vol. 1, 452. (In Russ.)]
2. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с. [Ershov V. V. *Legal and individual regulation of public relations*. Moscow: RSU, 2018, 628. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kfbqni>
3. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с. [Petrukhin I. L., Baturov G. P., Morshchakova T. G. *Theoretical foundations of the effectiveness of justice*. Moscow: Nauka, 1979, 392. (In Russ.)]
4. Лебедев В. М. Научные основы современной российской модели правосудия. *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 5. С. 103–115. [Lebedev V. M. Scientific foundations of the modern Russian model of justice. *Journal of Russian Law*, 2023, 27(5): 103–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.055>
5. Носков И. Ю. К вопросу о понятии «судебная деятельность». *Состояние и перспективы развития судебной системы РФ*, ред. В. А. Терехин, С. Б. Погодин. Пенза: ПГУ, 2014. С. 173–181. [Noskov I. Yu. Concept of judicial activity. *State and prospects of development of the judicial system of the Russian Federation*, eds. Terekhin V. A., Pogodin S. V. Penza: PSU, 2014, 173–181. (In Russ.)]
6. Борисова Е. А. Российская процедура медиации: концепция развития. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2011. № 5. С. 18–30. [Borisova E. A. Russian mediation procedure: The concept of development. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2011, (5): 18–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oooddv>
7. Cadiet L. Panorama des modes alternatifs de reglement des conflits en droit francais. *Ritsumeikan Law Review*, 2011, (28): 147–167.
8. Николюкин С. В. Альтернативные способы урегулирования споров в системе защиты гражданских прав. *Образование и право*. 2012. № 9. С. 93–114. [Nikolyukin S. V. Alternative dispute resolution in the system of protection of civil rights. *Education and law*, 2012, (9): 93–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyupmhz>
9. Сулакшин С. С., Буянова Е. Э., Кулаков В. В., Погорелко М. Ю., Сазонова Е. С., Толстых В. Л., Филиппова С. Ю. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. М.: Научный эксперт, 2013. 272 с. [Sulakshin S. S., Buyanova E. E., Kulakov V. V., Pogorelko M. Yu., Sazonova E. S., Tolstykh V. L., Filippova S. Yu. *Alternative ways of resolving disputes between business entities*. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2013, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xszigid>
10. Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2024. 324 с. [Skvortsov O. Yu. *Arbitration proceedings in the Russian Federation*. Moscow: Iurait, 2024, 324. (In Russ.)]
11. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. М.: Городец, 2005. 320 с. [Nosyreva E. I. *Alternative dispute resolution in the USA*. Moscow: Gorodets, 2005, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtaidrt>
12. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров: понятие и общие признаки. *Третейский суд*. 2006. № 2. С. 138–149. [Sevastianov G. V. Alternative dispute resolution: The concept and general features. *Arbitration court*, 2006, (2): 138–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jzgpbx>

13. Петухов Н. А., Моторина И. С. Толкование понятия «судебная медиация». *Судья*. 2019. № 9. С. 26–32. [Petukhov N. A., Motorina I. S. Interpretation of the term "judicial mediation". *Judge*, 2019, (9): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpqcacn>
14. Надин И. Н. Примирение сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в спорах о детях. *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 11. С. 150–162. [Nadin I. N. Conciliation of the parties at the stage of preparing the case for trial in disputes about children. *Journal of Russian Law*, 2021, 25(11): 150–162. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.141>
15. Михайлова Е. В. Виды примирительных процедур по российскому законодательству. *Пролог: журнал о праве*. 2023. № 1. С. 62–70. [Mikhailova E. V. Types of conciliation procedures under Russian law. *Prologue: Law Journal*, 2023, (1): 62–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2023.1.7>
16. Карабельников Б. Р. Эволюция международного коммерческого арбитража и его место в правовой и экономической системе. *Закон*. 2012. № 5. С. 147–155. [Karabelnikov B. R. The evolution of international commercial arbitration and its place in the legal and economic systems. *Zakon*, 2012, (5): 147–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxnvml>
17. Oppetit V. B. Les modes alternatifs de reglement des differends de la vie economique. *Justices*, 1995, (1): 53.
18. Петрунева А. Н. Принудительное исполнение решения третейского суда как «публичный» элемент процессуальной формы арбитража. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 5. С. 77–98. [Petruneva A. N. Compulsory enforcement of arbitrary award as a "public" element of procedural form of arbitration. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, (5): 77–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.77.98>
19. Филипова И. А. Медиация в трудовых спорах: опыт США, Германии и Франции и возможности его использования при реформировании российского законодательства. *Адвокат*. 2015. № 7. С. 34–39. [Filipova I. A. Mediation in labor disputes: The experience of the USA, Germany and France and possibilities of using this experience when reforming the Russian legislation. *Advokat*, 2015, (7): 34–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujbpyz>
20. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ред. В. О. Аболонин, С. К. Загайнова. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 272 с. [Commentary to the Federal Law "On alternative dispute settlement with a mediator", eds. Abolonin V. O., Zagaynova S. K. Moscow: Infotropic Media, 2012, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsixwr>
21. Банников Р. Ю. О соотношении медиации и досудебного порядка урегулирования споров. *Развитие медиации в России: теория, практика, образование*, ред. Е. И. Носырева, Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 175–185. [Bannikov R. Yu. On the relationship between mediation and the pre-trial dispute settlement procedure. *The development of mediation in Russia: Theory, practice, education*, eds. Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Moscow: Infotropic Media, 2012, 175–185. (In Russ.)]
22. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 579 с. [Kleandrov M. I. *Economic justice in Russia: Past, present, future*. Moscow: Wolters Kluwer, 2006, 579. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwqriz>
23. Фильченко Д. Г. Влияние процедуры медиации на течение сроков исковой давности. *Развитие медиации в России: теория, практика, образование*, Е. И. Носырева, Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 118–126. [Filchenko D. G. The influence of the mediation procedure on the duration of the limitation period. *The development of mediation in Russia: Theory, practice, education*, eds. Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Moscow: Infotropic Media, 2012, 118–126. (In Russ.)]
24. Колясникова Ю. С. Судебное примирение как способ урегулирования споров на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. *Третейский суд*. 2009. № 4. С. 156–160. [Kolyasnikova Y. S. Judicial accommodation like the form to resolve of disputes on the of preparation of the case to trial. *Arbitration Court*, 2009, (4): 156–160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuwbpl>
25. Ершов В. В. Право и правосудие как парные категории. *Российское правосудие*. 2014. № 1. С. 5–17. [Ershov V. V. Law and justice as pair categories. *Russian justice*, 2014, (1): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmzrvp>
26. Ершов В. В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики. *Российское правосудие*. 2013. № 1. С. 24–31. [Ershov V. V. Law and "not law": Debating points of theory and practice. *Russian justice*, 2013, (1): 24–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qclpvt>
27. Севастьянов Г. В. Государственная поддержка негосударственных методов разрешения споров. *Третейский суд*. 2000. № 4. С. 66–78. [Sevastyanov G. V. State support for non-governmental dispute resolution methods. *Arbitration court*, 2000, (4): 66–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsjlcb>

28. Елисеев Д. Б. Сущность и проблема классификации конфликта. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2010. № 4. С. 89–94. [Eliseev D. B. The matter of conflict and problems of its classification. *North Caucasian Legal Vestnik*, 2010, (4): 89–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkxuld>
29. Кузбагаров А. Н. Правовая регламентация отношений по примирению сторон в частноправовых конфликтах. *Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России*. 2005. № 4. С. 99–103. [Kuzbagarov A. N. Legal regulation of relations on reconciliation of parties in private law conflicts. *Vestnik of the St. Petersburg university of the ministry of internal affairs of Russia*, 2005, (4): 99–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgxrmv>
30. Ершов В. В. Судебное усмотрение? Индивидуальное регулирование? *Российское правосудие*. 2013. № 8. С. 5–16. [Ershov V. V. Judicial discretion? Individual judicial regulation? *Russian justice*, 2013, (8): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzsmmb>
31. Моторина И. С., Петухов Н. А. Введение должности судебного медиатора в судах общей юрисдикции и арбитражных судах как способ снижения судебной нагрузки в рамках концепции реформы правосудия. *Евразийский Союз Ученых*. 2018. № 8-5. С. 55–62. [Motorina I. S., Petuhov N. A. Judicial mediators in courts of general jurisdiction and arbitration courts as a way to reduce caseload as part of justice reforms. *Eurasian Union of Scientists*, 2018, (8-5): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ppwdxv>
32. Бурдина Е. В. Финансирование судов: новые подходы в России и зарубежных странах. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 2. С. 70–91. [Burdina E. V. Court funding: New approaches in Russia and foreign countries. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, (2): 70–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.70.91>
33. Лужина А. Н. Цифровая реформа правосудия: Франция и Россия. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2022. № 3. С. 110–119. [Luzhina A. N. Digital justice reform: France and Russia. *Social and Humanities Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and law*, 2022, (3): 110–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.10>
34. Черноусов Д. А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022. Т. 41. № 2. С. 98–106. [Chernousov D. A. Artificial intelligence: The first steps towards subjectivity in law. *Works on intellectual property*, 2022, 41(2): 98–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14453>
35. Щербачева Л. В. Введение искусственного интеллекта в судебную систему. *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 4. С. 266–268. [Shcherbacheva L. V. Introduction of artificial intelligence into the judicial system. *Bulletin of Economic Security*, 2022, (4): 266–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-4-266-268>
36. Трофимова А. Х. Искусственный интеллект и ответственность при его применении. *Sciences of Europe*. 2022. № 96. С. 3–6. [Trofimova A. H. Artificial intelligence and responsibility in its use. *Sciences of Europe*, 2022, (96): 3–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.6809708>
37. Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. *Российский судья*. 2022. № 10. С. 49–53. [Burdina E. V. Digital access to court in the Russian Federation: Legal regulation problems. *Russian Judge*, 2022, (10): 49–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-10-49-53>
38. Иванова А. П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2022. № 3. С. 89–98. [Ivanova A. P. Artificial intelligence in the administration of justice: new opportunities and new challenges. *Social and Humanities Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and law*, 2022, (3): 89–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.08>
39. Cappelletti M. Alternative dispute resolution processes within the framework of the world-wide access-to-justice-movement. *The Modern Law Review Limited*, 1993, (56): 282–296. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2230.1993.TB02675.X>
40. Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2012. № 12. С. 43–48. [Abolonin V. O. Development of the civil court through the change of the basic paradigm. *Arbitration and civil procedure*, 2012, (12): 43–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjnjzn>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xyuybi>

Современные тенденции определения подведомственности споров

Терехова Лидия Александровна

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

lydia@civpro.info

Elibrary Author SPIN: 1478-7958

Аннотация: В 2018 г. законодатель применительно к гражданскому судопроизводству исключил термин *подведомственность*, посчитав его несовременным в виду создания единого Верховного Суда, а также по причине отсутствия такого термина в Конституции Российской Федерации. Однако само явление, обозначенное термином *подведомственность*, удалить из доктрины и судебной практики не представляется возможным по следующим причинам: с помощью правил подведомственности дела распределяются между судебными и несудебными органами; выявляются дела неправового характера, где заявитель в принципе не может рассчитывать на защиту государства. В качестве положительных достижений Закона 2018 г. необходимо назвать устранение проблем с отказом в принятии исковых заявлений; возможность передачи неподсудных дел по надлежащей подсудности; возможность перехода к рассмотрению дела по правилам другого вида судопроизводства. В качестве отрицательных моментов следует указать, что авторы Закона 2018 г. ошибочно видели в подведомственности лишь распределение дел между различными судами, что, с их точки зрения, легко решалось заменой термина *подведомственность* на *подсудность*. В работе критикуется подобный узкий подход. Кроме того, анализируя современные проблемы судебной деятельности, автор предлагает обратить внимание на следующие назревшие проблемы: обретение понимания того, что не каждое дело достойно именно судебного рассмотрения; осознание места и роли цифровых технологий в судопроизводстве. Обе выявленные тенденции существенно влияют на судебную компетенцию, их решение способно создать новые, современные правила подведомственности дел судам, не входящие при этом в противоречие с конституционной гарантией права на судебную защиту. Цель – показать необходимость правил подведомственности и важные направления их совершенствования. Задачи: определить место подведомственности среди иных институтов процессуального права, показать межотраслевой характер данного института; определить значение подведомственности как способа разграничения дел между судебными и несудебными органами; выявить основные направления реформирования института подведомственности гражданских дел судам гражданской юрисдикции. Методы, используемые в исследовании: формально-логический, сравнительный, анализ и синтез, формально-юридический. В результате выделены следующие направления дальнейшего развития подходов в определении круга дел, рассматриваемых судами: 1) определение дел, для которых предпочтительны несудебные формы разрешения; 2) определение уровня включения информационных технологий в судебную систему как с точки зрения обновления правил судопроизводства, так и с признанием необходимости изменения самой судебной системы и возможного выделения судов, разрешающих *малые дела* исключительно в электронной процедуре.

Ключевые слова: компетенция, подведомственность, подсудность, судебная подведомственность, судебная защита прав, всеобщность судебной защиты, разрешение юридических дел, цифровизация судопроизводства

Цитирование: Терехова Л. А. Современные тенденции определения подведомственности споров. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 263–270. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-263-270>

Поступила в редакцию 21.03.2024. Принята после рецензирования 12.04.2024. Принята в печать 15.04.2024

full article

Modern Trends in Determining the Jurisdiction of Disputes

Lidiia A. Terekhova

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

lydia@civpro.info

Elibrary Author SPIN: 1478-7958

Abstract: Since 2018, the term *jurisdiction* cannot be applied to civil proceedings as the legislator found it outdated after the single Supreme Court had been introduced. In fact, this term has never been mentioned in the Constitution of the Russian Federation. However, the phenomenon designated by the term cannot be removed from the doctrine and judicial practice for the following reasons. First, the rules of jurisdiction distribute cases between judicial and non-judicial bodies. Second, they make it possible to identify cases of a non-legal nature that cannot claim state protection. The law of 2018 had some positive consequences. Now, the refusal procedure is less complicated. Non-judicial cases can be easily transferred under proper jurisdiction where they will be considered according to a different type of legal proceedings. As for the negative consequences, it seems that the legislator interpreted jurisdiction only as the distribution of cases between different courts and substituted the term *subject matter jurisdiction* with *court jurisdiction*. The author criticizes this narrow approach and highlights two urgent issues: 1) not every case has to go to court; 2) digital technologies are important in legal proceedings. These trends can optimize judicial competence, as well as create new rules of court jurisdiction without violating the constitutional right to judicial protection. The article describes the rules of jurisdiction and their improvement, as well as determines the place of jurisdiction among other procedural institutions and introduces some ways to reform the subordination of civil cases to courts of civil jurisdiction. Jurisdiction has an intersectoral nature and is a way of distributing cases between judicial and non-judicial bodies. A combination of standard scientific methods with the formal-legal analysis made it possible to identify the following development directions. 1) Non-judicial cases need proper criteria. 2) New information technologies should enter the judicial system to update the court procedure, e.g., minor cases could be reviewed in court exclusively as an electronic procedure.

Keywords: competence, subject matter jurisdiction, court jurisdiction, judicial jurisdiction, judicial protection of rights, universality of judicial protection, resolution of legal cases, digitalization of legal proceedings

Citation: Terekhova L. A. Modern Trends in Determining the Jurisdiction of Disputes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2024, 8(2): 263–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-263-270>

Received 21 Mar 2024. Accepted after review 12 Apr 2024. Accepted for publication 15 Apr 2024.

Введение

В соответствии с российским законодательством возникающие споры о субъективных правах и юридических обязанностях и иные юридические дела рассматриваются различными по характеру своей деятельности органами, и суд – только один из таких органов. Следовательно, возникает проблема разграничения деятельности различных органов в этой сфере. Разрешить эту проблему и призван такой институт гражданского процессуального права, как подведомственность. Последняя определяется в доктрине как совокупность гражданских процессуальных норм, устанавливающих границы полномочий различных органов по рассмотрению и разрешению юридических дел, а также порядок их реализации [1, с. 378–381; 2, с. 6].

Такое понятие, как *компетенция*, принято считать более широким. Оно состоит из двух обязательных

элементов: властных полномочий и подведомственности, т.е. определения тех предметов, на которые распространяется власть субъекта, которыми он ведает. Там, где функционирует публичная власть, должна существовать и подведомственность. Поскольку субъекты публичной власти действуют во всех сферах и отраслях социальной жизни, нормы о компетенции и ее важнейшем элементе – подведомственности – имеются во всех отраслях права [3, с. 48–50]. Действительно, в юридической литературе подведомственность традиционно рассматривается как межотраслевой институт [3, с. 48–50; 4; 5, с. 151–152; 6, с. 13–14; 7, с. 80–83; 8].

Использование понятия *подведомственность* имеет давнюю историю (что усматривается из самого названия) и раскрывается как в работах дореволюционного, так и советского периодов развития

гражданского процессуального права [9, с. 130–146; 10, с. 49; 11, с. 153–174; 12, с. 139; 13, с. 180–198]. До недавнего времени понятие подведомственности широко использовалось в гражданском и арбитражном процессуальных законодательствах.

Результаты

Изменение терминологии или изменение сущности?

Термин *подведомственность* ушел из Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов в связи с принятием Федерального закона № 451-ФЗ от 28.11.2018¹. В качестве одной из причин такого законодательного решения была обозначена несовременность термина *подведомственность*, поскольку в этот период происходит объединение под началом Верховного Суда РФ систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов [8]. Подобный подход представляется непроработанным и непоследовательным, ведь понятие подведомственности традиционно существует не только для разграничения компетенции судебных органов, оно используется (и даже в большей мере) при разграничении компетенции судебных и несудебных органов. Сосредоточенность законодателя именно на узком подходе несправедлива.

Собственно, все доводы за исключением подведомственности обычно сводились к устранению проблем с отказом в принятии исковых заявлений по основанию их неподведомственности [14; 15; 16, с. 60–62]. В качестве положительных достижений проведенной реформы, помимо устранения проблем с отказом в принятии исковых заявлений, отмечается, что неподсудные дела можно передавать по надлежущей подсудности; имеется возможность переходить к рассмотрению дела по правилам другого вида судопроизводства [14]. Плюсы на этом заканчиваются, и начинаются проблемы. Главная из них – необходимость разграничения сфер ведения между судами и арбитражами (третейскими судами), судами и органами бесспорной юрисдикции – никуда не исчезла. Правила для такого разграничения востребованы. Следовательно, ликвидация термина не могла ликвидировать явление, им обозначаемое.

А. Ф. Воронов обоснованно напоминает, что вопрос о том, является ли дело правовым, также считается вопросом определения подведомственности [17].

По-прежнему актуально и такое назначение правил подведомственности, как регулирование нагрузки между судами и иными органами с целью наиболее рационального (в интересах всего общества) распределения между ними нагрузки по рассмотрению юридических дел.

Согласимся с высказанными в науке замечаниями о том, что устранение термина *подведомственность* из процессуального законодательства не приводит к его ликвидации как правового явления [5, с. 151; 17; 18, с. 1–2, с. 12; 19]. Также точно подмечено, что не представляется возможным установить причины различий в законодательном оформлении трех кодексов довольно простого до недавнего времени правового вопроса [20].

Характерно, что для определения круга дел, рассматриваемых в административном судопроизводстве, термин *подведомственность* (ст. 17 в Кодексе административного судопроизводства) сохранен. Как заявляет в этой связи А. Ф. Воронов, сохранение категории *подведомственность* является верным, потому что через категорию *подсудность* невозможно отграничить компетенцию несудебных органов от судебных, а предложенная в арбитражном процессуальном кодексе (АПК) категория *компетенция* имеет излишне общий характер [21, с. 101].

В результате, как отмечает В. В. Ярков, приходится использовать все три понятия (подведомственность, подсудность, компетенция), поскольку и законодатель зачастую не видит разницы. Но более единообразный подход все же необходим, т.к. уже сейчас для размежевания и уточнения сфер деятельности начинают появляться новые понятия: *внутрисистемная подсудность*, *внутригосударственная подсудность* и такое изменение понятийного аппарата – не всегда положительный результат [22, с. 467–469].

Несмотря на разнообразие уже имеющихся и вновь вводимых терминов, заметно, что в особо чувствительных случаях и законодатель, и правоприменители прибегают к более нейтральному и всеобщему термину *компетенция*, как бы скрываются за ним. Подобное поведение – также ретранслятор объективной потребности в четкой терминологии.

В пояснительной записке к законопроекту ФЗ № 451 от 28.11.2018 его авторы обосновали исключение понятия *подведомственность* следующими причинами: 1) приведением в соответствие с ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, устанавливающей именно *подсудность*; 2) несовременностью термина ввиду объединения под началом Верховного Суда РФ систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов [8]. Здесь возобладал узкий подход. Результат – выведение судов из общего круга органов, имеющих право разрешать юридические дела, что вряд ли верно, потому как это превращает суды в некую обособленную корпорацию с обособленной компетенцией, при том что суды явно нуждаются в снижении нагрузки на них.

В доктрине законодательное нововведение встретили прохладно, поскольку институт подведомственности

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (ст. 6, ст. 10). ФЗ № 451 от 28.11.2018. СПС КонсультантПлюс.

в науке гражданского процессуального права наиболее стабилен и проработан, кроме того, опирается на насущные потребности практики разграничения ведения над возникающими юридическими делами (среди которых не только споры) между различными органами. Как уже было отмечено ранее, само по себе исключение из законодательства термина *подведомственность* не могло устранить явления, обозначаемого им, а также необходимости существования правил распределения подлежащих рассмотрению дел между различными (и не только судебными) органами. Последнее обстоятельство важно для общества в целом, т. к. имеются категории дел, при разрешении которых иной, несудебный орган может быть более эффективным.

В этой ситуации А. Ф. Воронов совершенно обоснованно заметил, что наука – не комментатор принятых законов [17]. Реформа процессуального права, по мнению Е. В. Любимовой, изменила правила судопроизводства, тесно связанные с нормами подведомственности и подсудности, но необходимость разграничения понятий *подведомственность*, *подсудность*, *компетенция* все также востребована [18, с. 1–2, 12].

Подведомственность – это устоявшееся правовое понятие, которое сохраняет свое значение, поскольку характеризует разграничение предметов ведения между различными юрисдикционными органами, наделенными правом разрешения юридических дел. Само по себе исключение термина подведомственности из АПК и гражданского процессуального кодекса не исключает его из понятийного аппарата процессуального права [19].

В связи с тем что сохраняется необходимость разграничения сфер ведения между судами, несудебными органами и органами бесспорной юрисдикции, на поставленный вопрос – что изменилось: терминология или сущность явления – следует ответить, что изменилась только терминология. Необходимость распределения дел между различными юрисдикционными органами была, есть и будет. Следовательно, были, есть и будут правила подведомственности.

Разработка критериев подведомственности

Означает ли сохранение сущности процессуального института подведомственности, что у последней не имеется проблем? Это определено не так по целому ряду причин. Реформирование подведомственности как насущная задача выделялась еще до принятия Конституции 1993 г. Изменения в обществе последних лет, включая цифровизацию, также требуют учета.

В советский период развития законодательства нашей страны Н. А. Чечина отмечала, что наукой гражданского процессуального права не разработан, а законодателем не применяется сколько-нибудь обоснованный критерий, в соответствии с которым

те или иные категории гражданских дел могут быть исключены из судебной подведомственности или, наоборот, в нее включены. Она полагала (на примере дел, которые в настоящее время относят к делам административного судопроизводства), что для упорядочения судебной подведомственности и сокращения количества дел, нуждающихся в судебном разбирательстве, необходимо постараться выявить причины и разработать условия, в соответствии с которыми должно быть проведено разграничение подведомственности юрисдикционных органов, найти наиболее оптимальные способы защиты тех или иных прав применительно к развитию общественных отношений того времени [23, с. 48]. Таким образом, Н. А. Чечина выступала за установление перечня подведомственных дел и определение критериев подведомственности дел судам.

Ирония в том, что выявленные Н. А. Чечиной проблемы своего разрешения не получили, но они до сих пор остаются актуальными. Так, указанные ею проблемы количества дел в судах, для сокращения которых необходимо упорядочить правила подведомственности, никуда не исчезли, а только усилились. Призыв к упорядочению правил подведомственности не произвольным путем, а на основе учета достигнутого уровня развития общественных отношений в современной ситуации можно *считать* как признание достигнутой обществом возможности (уровня) обеспечить рассмотрение любого возникшего спора (дела) именно судом. Ведь принятая в 1993 г. Конституция РФ провозгласила всеобщность именно судебной защиты нарушенных прав, что самым прямым образом отразилось и на правилах подведомственности.

В вышеуказанной работе 1987 г. Н. А. Чечиной было выделено в качестве проблемы отсутствие критерия, в соответствии с которым те или иные категории гражданских дел могут быть исключены из судебной подведомственности или, напротив, в нее включены. Отметим, что монография вышла до принятия Конституции РФ 1993 г. с ее известным положением-гарантией всеобщего права на обращение именно за судебной защитой. Следовательно, указанные в монографии предложения исходили из необходимости перечня дел или хотя бы критерия для определения такого перечня. Однако и в настоящее время вопрос о разграничении сфер ведения остается актуальным, хотя и по иным, чем в 1987 г., причинам. Обстоятельства и общественная жизнь изменились кардинально. Тем не менее на повестке дня и сегодня стоит вопрос о критериях отнесения дел к судебной подведомственности. Основная идея состоит в том, что не каждое юридическое дело достойно именно судебного рассмотрения. Соответственно, вопрос о создании перечня дел, подведомственных суду, необходимо решать и решать так, чтобы не входить в противоречие с конституционной гарантией.

Наиболее смело в обозначенном направлении выступил С. В. Лазарев, обосновав в рамках общей концепции *управления движением дела* такое процессуальное средство управления, как ограничение и исключение дел, не требующих судебного рассмотрения [24, с. 184–197]. Автор делает попытку разрешить противоречие между провозглашенной всеобщностью судебной защиты и очевидной реальностью, в которой суды явно не справляются с нахлынувшим на них потоком дел. Он не ставит под сомнение ценность и универсальность права на судебную защиту, но в то же время предостерегает от абсолютизации какой-либо одной формы защиты, включая судебную. Ценным представляется такое наблюдение: судебная защита означает не только *субъекта*, ее осуществляющего, но и *процедуру* ее осуществления (судебное разбирательство дела в развернутой процедуре). Введение приказного и упрощенного производств снижает уровень процессуальных гарантий участникам судопроизводства. Но вполне очевидно, что *снижение* судебной нагрузки не может выступать *целью правосудия*.

Из тезиса о том, что любой спор *можно* рассмотреть и разрешить в судебном порядке, не следует, что любой спор *должен* разрешаться в судебном порядке, а также что судебный порядок с развернутой судебной процедурой является для рассмотрения этого спора самым подходящим. Для выявления дел, которые действительно требуют судебного рассмотрения, предлагается система *фильтров* [24, с. 197]. Какие конкретно дела исключать из судебной процедуры? Для этого предлагается обратиться к теории права и применить такой критерий, как *стадии правоприменительного процесса*.

Все правоприменительные действия, по мысли С. С. Алексеева, состоят из трех основных стадий: установление фактических обстоятельств дела (процесс доказывания и т. д.), выбор и анализ норм права (установление юридической основы дела), решение дела, выраженное в акте применения права [25, с. 614–615]. Если каждая из указанных стадий не требует судебного участия, то дело может быть исключено из судебной компетенции или не требовать развернутой судебной процедуры [24, с. 198].

В научных исследованиях также предложена концепция *единого правового комплекса* судебных и несудебных форм защиты права и выработки соотношения между обязательными досудебными, исключительно судебными и альтернативными порядками защиты права, эффективного для государства, общества и частного лица. Цели, установленные

для цивилистического процесса, при этом должны сохранять значение абсолюта, в сравнении с которыми цели, определяемые для других форм защиты права, смогут выступать либо как производные от главной цели, либо как промежуточные этапы достижения главной цели – защиты права. Порядки защиты права между собой должны быть согласованы определенным образом, гарантирующим в том числе и востребованность альтернативных процедур [26, с. 16–17].

Идеи, предложенные в работах С. В. Лазарева и Е. Г. Стрельцовой, на наш взгляд, следует поддерживать. Они исходят из объективно сложившейся ситуации, когда суды связаны необходимостью рассматривать дела, простота, а иногда и мелочность которых явно несоразмерны классической развернутой судебной процедуре. Следование по пути бесконечного упрощения процедур девальвирует саму идею правосудия, а снижение нагрузки на суды целью правосудия не является. Тот компромисс, который можно предложить обществу, достаточно прост: это фильтрация дел на основе законодательно установленных критериев. Повторим наш тезис: не каждое дело достойно судебного рассмотрения.

Современный процесс все более развивается в сторону его дематериализации и деритуализации [27]. Именно поэтому отмеченная фильтрация дел должна быть востребована.

Применение вышеназванных критериев уже сейчас позволит устранить, например, приказное производство из судебной компетенции. Но отметим, что приказное производство готово и к другой форме – к полной цифровизации процесса, которая может быть поручена специализированным судам. Такие *малые* суды изначально от необходимости проводить разбирательство в его классическом варианте освобождены.

Электронные технологии – это направление, с которым все сферы жизни, включая судопроизводство, вынуждены считаться. В. В. Ярков заметил, что нахождение участников оборота и спора в цифровой среде позволяет иначе организовать и сам процесс правосудия, и выбор компетентной юрисдикции. Интернет модифицирует понятие места нахождения лица, места заключения / исполнения договора, места осуществления определенной деятельности [22, с. 472–473]. Добавим, что технологии могут стать и одним из критериев подведомственности дел.

Так, «Концепция развития технологий машиночитаемого права»² предусматривает переход к применению технологий во всех отраслях законодательства и в судебной деятельности. В ст. 5 разд. III Концепции названы преимущества машинописного права

² Концепция развития технологий машиночитаемого права. Утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Протокол № 31 от 15.09.2021. Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.

для судопроизводства: скорость судебного процесса, упрощение участия в нем, снижение количества технических ошибок. Предполагаются использование конструктора исковых заявлений и разработка единых машиночитаемых шаблонов судебных решений. Подчеркнем, что электронное дело может вести и не обязательно суд. Судам следует оставить классическое судебное разбирательство.

Невозможно не разделить и скептическое отношение многих авторов к цифровизации судопроизводства: цифровые технологии с технической точки зрения вполне способны заменить многие из технологий, ранее применявшихся в гражданском судопроизводстве, но пока не способны это сделать в полной мере по социально-экономическим и психологическим причинам. С одной стороны, очевиден не до конца раскрытый потенциал электронных (цифровых) технологий, с другой – очевидна и неготовность большинства граждан их принять [28, с. 64–65].

В целом же достигнутые технические решения определенным образом уже сейчас влияют на их использование как судами, так и другими юрисдикционными органами. Возможно, что будут созданы специальные суды, разрешающие дела в электронной процедуре либо, напротив, электронные дела будут выведены из судебной компетенции. В любом случае для этого потребуются установление правил подведомственности дел.

Заклучение

Представляется, что проблемы нагрузки на судебную систему, распределения гражданских дел между различными юрисдикционными органами в настоящее время должны решаться через новые правила подведомственности, уводящие огромное число несложных, типовых дел в сферу упрощенных процедур, причем не обязательно судебных, либо выполняемых специальными судами (судьями) нижнего звена. Развитие общественных отношений в 2020-е гг., на наш взгляд, предполагает учет следующих обстоятельств при определении места рассмотрения дела и способа его

рассмотрения: 1) предмет спора (дела); 2) сложность юридического дела; 3) возможность его бесконтактного (прежде всего электронного) рассмотрения.

Возможно, потребуются новые процессуальные правила о разграничении предметов ведения искусственного интеллекта и судьи. Учет предмета и сложности юридического дела возможно произвести через новое разделение судов на те, где работают судьи и решают сложные дела, требующие развернутой судебной процедуры (классической), и суды, разрешающие дела в упрощенных процедурах. Поскольку электронное рассмотрение дела – не обязательно судебное, здесь потребуются правила именно подведомственности, а не подсудности.

Исходя из отмеченного выше, следует выделить следующие основные направления дальнейшего развития подходов в определении круга дел, рассматриваемых судами: 1) определение дел, для которых предпочтительны несудебные формы разрешения; 2) определение уровня включения информационных технологий в судебную систему как с точки зрения обновления правил судопроизводства, так и с признанием необходимости изменения самой судебной системы и возможного выделения судов, разрешающих *малые дела* исключительно в электронной процедуре.

Не каждое юридическое дело (конфликт) достойно именно судебной процедуры. Исключение дел из такой процедуры не означает лишения конституционных гарантий. Конституционному Суду РФ необходимо выявить истинный смысл фразы *каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод* в совокупности с другими конституционными и не только нормами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2013. 704 с. [Osokina G. L. *Civil Procedure. General information*. Moscow: Norma, 2013, 704. (In Russ.)]
2. Осокина Г. Л. Подведомственность и подсудность дел гражданского судопроизводства. Томск: ТГУ, 1993. 40 с. [Osokina G. L. *Jurisdiction in civil proceedings*. Tomsk: TSU, 1993, 40. (In Russ.)]
3. Бахрах Д. Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни. *Журнал российского права*. 2005. № 4. С. 46–60. [Bahrah D. N. Jurisdiction of legal cases and its levels. *Journal of Russian Law*, 2005, (4): 46–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opcszz>
4. Грубцова С. П. Медиабельность и арбитрабельность: общее и особенное. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 2. С. 15–18. [Grubtsova S. P. Mediability and arbitrability: General and special. *Arbitration and civil procedure*, 2020, (2): 15–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-2-15-18>

5. Конова Ф. Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства. *Вестник гражданского процесса*. 2022. Т. 12. № 1. С. 127–157. [Konova F. R. Influence of doctrine on transformation of the concept of "competence of the court" in the context of reforming civil law procedural legislation. *Herald of Civil Procedure*, 2022, 12(1): 127–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-1-127-157>
6. Невоструев А. Г. К вопросу о подведомственности в гражданском судопроизводстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 5. С. 13–17. [Nevostruev A. G. On jurisdiction in civil proceedings. *Arbitration and civil procedure*, 2022, (5): 13–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-5-13-17>
7. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск: [б. и.], 1973. 124 с. [Osipov Yu. K. *Jurisdiction of legal matters*. Sverdlovsk: [b. i.], 1973, 124. (In Russ.)]
8. Ярков В. В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и / или новые решения? *Закон*. 2019. № 4. С. 92–103. [Yarkov V. V. Changing the rules of delimitation of jurisdiction between courts: New words and / or new solutions? *Zakon*, 2019, (4): 92–103. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mdpvrc>
9. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 441 с. [Vaskovsky E. V. *Textbook of civil procedure*. Moscow: Zertsalo, 2003, 441. (In Russ.)]
10. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1894. 392 с. [Golmsten A. H. *Textbook of Russian civil proceedings*. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva, 1894, 392. (In Russ.)]
11. Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 320 с. [Goykhbarg A. G. *Civil procedure course*. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1928, 320. (In Russ.)]
12. Малышев К. И. Курс гражданского процесса. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. 449 с. [Malyshev K. I. *Civil process course*. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1876, 449. (In Russ.)]
13. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с. [Yudelson K. S. *Soviet civil procedure*. Moscow: Gosiurizdat, 1956, 439. (In Russ.)]
14. Павлова М. С. Реформа института подведомственности: содержание и итоги. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 6. С. 34–39. [Pavlova M. S. A reform of the institution of jurisdiction: The content and results. *Arbitration and civil procedure*, 2023, (6): 34–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-6-34-39>
15. Пономаренко В. А. О процессуальных последствиях нарушений компетенции судов общей и арбитражной юрисдикции. *Закон*. 2013. № 3. С. 101–112. [Ponomarenko V. A. Procedural consequences of violations of the competence of general and arbitration jurisdiction courts. *Zakon*, 2013, (3): 101–112. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxacnb>
16. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: общая характеристика, тенденции развития. *Вестник гражданского процесса*. 2012. № 2. С. 41–75. [Slepchenko E. V. Civil proceedings: General characteristics and trends. *Herald of Civil Procedure*, 2012, (2): 41–75. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oxizut>
17. Воронов А. Ф. Есть ли подведомственность? (преподавание, наука, практика). *Вестник гражданского процесса*. 2020. Т. 10. № 5. С. 13–46. [Voronov A. F. Does a competence (not jurisdiction) exist now? (teaching, science, practice). *Herald of Civil Procedure*, 2020, 10(5): 13–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-13-46>
18. Любимова Е. В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 27 с. [Lyubimova E. V. *Criteria for jurisdiction in civil and administrative proceedings*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2022, 27. (In Russ.)]
19. Ярков В. В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 7. С. 31–37. [Yarkov V. V. Division of jurisdictions between courts: Key novelties. *Arbitration and civil procedure*, 2019, (7): 31–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/buiwcv>
20. Борисова Е. А. Подведомственность гражданского дела: передать нельзя рассматривать. *Закон*. 2020. № 5. С. 177–186. [Borisova E. A. Jurisdiction of civil cases: Transferring vs considering. *Zakon*, 2020, (5): 177–186. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wvpdq>
21. *Административное судопроизводство*, ред. А. Ф. Воронов, В. В. Молчанов. М.: Статут, 2024. 674 с. [Administrative proceedings, eds. Voronov A. F., Molchanov V. V. Moscow: Statut, 2024, 674. (In Russ.)]
22. Ярков В. В. Очерк 32. Подведомственность: последствия реформ и тенденции развития. *Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации*, ред. В. В. Молчанов. М.: Статут, 2023. С. 464–480. [Yarkov V. V. Essay 32. Jurisdiction: Consequences of reforms and development trends. *Russian proceduralists on rights, law, and judicial practice: 20th anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation*, ed. Molchanov V. V. Moscow: Statut, 2023, 464–480. (In Russ.)]

23. Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: ЛГУ, 1987. 103 с. [Chechina N. A. *The main directions of development of the science of Soviet civil procedural law*. Leningrad: LSU, 1987, 103. (In Russ.)]
24. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022. 330 с. [Lazarev S. V. *Judicial management of the case*. Moscow: Statut, 2022, 330. (In Russ.)]
25. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. In: Алексеев С. С. *Собрание сочинений*. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с. [Alekseev S. S. *Problems of the theory of law: a course of lectures*. In: Alekseev S. S. *Collected works in ten volumes*. Moscow: Statut, 2010, vol. 3, 781. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrwtcn>
26. Стрельцова Е. Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 51 с. [Streltsova E. G. *Interaction of judicial and alternative procedures for the protection of subjective rights and forced execution of executive documents in a social state*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2024, 51. (In Russ.)]
27. Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 11. С. 3–6. [Yarkov V. V. Principles of civil procedure law in the conditions of deritualization and dematerialization of justice. *Arbitration and civil procedure*, 2020, (11): 3–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-11-3-6>
28. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В., Незнамов А. В., Ярков В. В. Цифровые технологии в гражданском процессе: некоторые проблемы и перспективы. *Вестник гражданского процесса*. 2019. Т. 9. № 4. С. 52–95. [Branovitsky K. L., Rents I. G., Neznamov A. V., Neznamov An. V., Yarkov V. V. Digital technologies in the civil procedure: Problems and prospects. *Herald of the Civil Process*, 2019, 9(4): 52–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-4-52-95>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ouxwcb>

Критерии соответствия первичного встречного обеспечения его каузе

Трезубов Егор Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-2607-0405>

egortrezubov@mail.ru

Колмогоров Сергей Александрович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Elibrary Author SPIN: 8656-4798

Аннотация: Встречные обеспечительные меры в арбитражном процессе призваны защищать имущественные интересы заявителя и иных лиц, создавая условия исполнения судебного акта по текущему делу или иному, о взыскании убытков от применения мер по обеспечению иска. Цель исследования – выделить критерии, которым должно соответствовать встречное обеспечение, предоставляемое истцом с целью гарантирования возмещения возможных для ответчика убытков от принятия мер по обеспечению иска. Обосновывается, что, представляя встречное обеспечение, истец повышает свои шансы на принятие основных обеспечительных мер (мер по обеспечению иска), поскольку так он гарантирует соразмерность последних. Истребуя встречное обеспечение от истца, ответчик или иные заинтересованные лица, напротив, стремятся зародить сомнения в соразмерности принятых мер по обеспечению иска и должны доказывать вероятность проигрыша истца в деле, а также вероятность причинения вреда от принятых обеспечительных мер. Представление и истребование встречного обеспечения рассматривается авторами как процессуальный механизм, в основе которого лежит состязательность и автономия воли, в связи с чем аргументируется необходимость исключения права суда на истребование первичного встречного обеспечения по собственной инициативе. Потому как первичное встречное обеспечение призвано гарантировать возмещение убытков от принятия мер по обеспечению иска, обосновывается возможность применения различных способов обеспечения деликтного обязательства для этих целей, не ограничиваясь независимой гарантией и поручительством. Описывается процессуальный порядок применения и возврата денежных средств, внесенных заявителем на депозитный счет суда в качестве первичного встречного обеспечения. В результате раскрываются критерии, которым должно соответствовать первичное встречное обеспечение для целей достижения гарантийного эффекта: срок обеспечения, размер, экономическая рентабельность. Названные критерии определяются с учетом уникального механизма каждого из приемлемых способов обеспечения обязательств.

Ключевые слова: обеспечительные меры, встречное обеспечение, первичное встречное обеспечение, обеспечение иска, контробеспечение, поручительство, независимая гарантия, банковская гарантия

Цитирование: Трезубов Е. С., Колмогоров С. А. Критерии соответствия первичного встречного обеспечения его каузе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 271–282. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-271-282>

Поступила в редакцию 09.04.2024. Принята после рецензирования 02.05.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Primary Undertaking in Damages and its Cause: Criteria for Compliance

Egor S. Trezubov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-2607-0405>

egortrezubov@mail.ru

Sergey A. Kolmogorov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Elibrary Author SPIN: 8656-4798

Abstract: Counter interim measures in the arbitration process protect the property interests of the applicant party. They provide the recovery of provisional expenses. This research identifies the criteria for the counterclaim provided by the plaintiff in order to compensate for possible provisional expenses. By presenting counter-undertaking in damages, the plaintiff increases the chances of basic interim measures to secure the claim because that way the plaintiff guarantees their proportionality. By demanding counter-undertaking in damages from the plaintiff, the defendant or other interested parties, on the contrary, seek to raise doubts about the proportionality of the measures taken to secure the claim. As a result, they have to prove the likelihood of the plaintiff losing the case, as well as the likelihood

of harm from the interim measures taken. The presentation and reclamation of counter-undertaking in damages is a procedural mechanism based on the adversarial nature and autonomy of will. Thus, the right to reclaim the primary counter-undertaking on its own initiative should be excluded from the court. The primary counter-security is designed to guarantee the compensation of expenses. Therefore, the authors justified the possibility of using various ways to secure a tort obligation for these purposes, not limited to an independent guarantee. The article describes the application and refund procedure for money deposited by the applicant to the court's deposit account as primary counter-undertaking in damages. As a result, the criteria that the primary counter-undertaking in damages include the security period, the amount, and the economic profitability. These criteria were determined based on the unique tools for each legal way of securing obligations.

Keywords: interim measures, counter-collateral, primary counter-collateral, security for a claim, counter-collateral, surety, independent guarantee, bank guarantee

Citation: Trezubov E. S., Kolmogorov S. A. Primary Undertaking in Damages and its Cause: Criteria for Compliance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 271–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-271-282>

Received 9 Apr 2024. Accepted after review 2 May 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Встречные обеспечительные меры в арбитражном процессе призваны защищать имущественные интересы заявителя и иных лиц, создавая условия исполнения судебного акта по текущему делу или иному, о взыскании убытков от применения мер по обеспечению иска. Официальная статистика применения встречного обеспечения в арбитражном процессе отсутствует, однако широко востребованным этот институт признать невозможно. Во многом это связано с чрезвычайно сложным правовым регламентированием соответствующих отношений и неочевидностью критериев, которым должна отвечать надлежащая конструкция [1, с. 12–15]. В зависимости от цели применения выделяются два вида встречных обеспечительных мер: первичные и вторичные. Первичное встречное обеспечение предоставляется истцом (заявителем) по собственной инициативе, по предложению арбитражного суда или в силу удовлетворения ходатайства ответчика (заинтересованного лица). Такие меры призваны служить гарантией возмещения возможных для ответчика убытков от принятия мер по обеспечению иска в случае, если требования истца в данном деле не будут удовлетворены. Первичное встречное обеспечение предоставляется путем внесения денежных средств на депозитный счет арбитражного суда, посредством предоставления поручительства, банковской гарантии или иного финансового обеспечения. Здесь тесно переплетена процессуальная и материальная природа возникающих правоотношений, требующая теоретического осмысления. Цель существования соответствующих правовых конструкций первичного

встречного обеспечения и критерии соответствия обеспечительных мер этой цели составляют объект настоящего исследования. Вторичное встречное обеспечение предоставляется ответчиком в деле по требованию о взыскании денежных средств взамен мер по обеспечению иска с целью возможности исполнения решения суда путем перечисления внесенных ответчиком на депозитный счет арбитражного суда денежных средств в пользу истца [2, с. 6; 3, с. 23]. Поскольку конструкция вторичного обеспечения, с одной стороны, проще конструкции первичного обеспечения, а с другой стороны, имеет свою каузу, то в рамках настоящей работы внимание этому виду встречного обеспечения мы не уделяем.

Результаты

Порядок представления первичного встречного обеспечения

Предоставление встречного обеспечения по инициативе истца (заявителя)

В соответствии с ч. 1 ст. 94 АПК РФ первичное встречное обеспечение может быть предоставлено истцом по собственной инициативе, по ходатайству ответчика или по инициативе суда. Согласно ч. 4 ст. 93 АПК РФ в обеспечении иска не может быть отказано, если лицо, ходатайствующее об обеспечении иска, предоставило встречное обеспечение. Несмотря на такую категоричную формулировку приведенной нормы, Пленум ВС РФ, сохраняя прежнюю позицию ВАС РФ¹, в п. 45 Постановления № 15 от 01.06.2023² разъяснил, что предоставление

¹ О применении арбитражными судами обеспечительных мер. Постановление Пленума ВАС РФ № 55 от 12.10.2006 (ред. от 27.06.2017). Абз. 2. П. 11 (утратило силу). СПС КонсультантПлюс.

² О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 01.06.2023. СПС КонсультантПлюс.

заявителем встречного обеспечения в отсутствие оснований принятия обеспечительных мер не может являться самостоятельным основанием принятия таких мер. Обоснованность этой правовой позиции не оспаривается и в литературе [4, с. 156–157]. Ю. В. Тай и С. Л. Будылин указывают, что при отсутствии определения арбитражного суда о встречном обеспечении, устанавливающего размер встречного обеспечения и срок его предоставления, стороны не могут предоставлять встречное обеспечение по собственной инициативе [5, с. 114]. Однако эта позиция противоречит не только указанной выше норме АПК РФ, но и не поддержана в правоприменительной практике. Более того, именно в интересах истца (заявителя) действовать на опережение и ускорить процесс принятия мер по обеспечению иска, не допуская вероятность оставления заявления об обеспечении иска без движения (аналогичное правило предусмотрено и в ч. 4 ст. 99 АПК РФ). И такое поведение истца ни в коем случае нельзя считать *вмешательством в правосудие*. На практике *встречные обеспечительные меры предоставляются истцом с целью увеличения своих шансов на принятие судом мер по обеспечению иска*, которые в арбитражном процессе применяются крайне редко и с особой осторожностью (так, за 2023 г. арбитражными судами признаны обоснованными лишь 11346 из 36794 заявлений о принятии обеспечительных мер)³. Меры по обеспечению иска устанавливают ограничения для ответчика еще до признания его должником в предусмотренном правоотношении, поэтому при разрешении требования истца о принятии основных обеспечительных мер суд должен установить как фактические основания принятия этих мер (вероятность удовлетворения иска, риск неисполнения или затруднения исполнения будущего решения), так и юридические условия приемлемости испрашиваемой меры – ее соразмерность и связь с предметом иска. Если соразмерность обеспечительной меры рассматривается как критерий установления баланса интересов сторон, не допускающий необоснованное причинение убытков ответчику [6, с. 9, 20–21; 7, с. 37], то предоставление истцом встречного обеспечения является механизмом управления риском отказа в удовлетворении его заявления об обеспечении иска. Первичное встречное обеспечение повышает шансы истца на принятие мер по обеспечению иска, выступает дополнительной гарантией для установления условия их соразмерности. Принимая от истца встречное обеспечение,

суд оценивает его гарантийную функцию, проверяет соразмерность, но лишь в ключе локального предмета доказывания по вопросу принятия мер по обеспечению иска. Собственная кауза первичного встречного обеспечения здесь должна отходить на второй план, поскольку ее установление находится в сфере интересов оппонента. Поэтому вопрос о принятии первичного встречного обеспечения, предложенного по инициативе суда, должен решаться в порядке, предусмотренном ст. 93 АПК РФ, т. е. не позднее следующего рабочего дня после поступления заявления истца и документа, подтверждающего предоставление обеспечения.

Наиболее очевиден эффект первичного встречного обеспечения, предположительно, при применении обеспечительной меры, определенной ч. 3 ст. 199 АПК РФ – приостановление исполнения оспариваемого ненормативного акта или решения [8, с. 72]. На основании разъяснений, данных Президиумом ВАС РФ в Информационном письме № 83 от 13.08.2004, соответствующее заявление рассматривается по правилам гл. 8 АПК РФ (Обеспечительные меры арбитражного суда), кроме того, недопустимо удовлетворение заявления о приостановлении действия оспариваемых ненормативного акта или решения, если это может нарушить баланс интересов заявителя и третьих лиц, публичных интересов, а также может повлечь за собой утрату возможности исполнения оспариваемого акта, решения при отказе в удовлетворении требования заявителя по существу спора⁴. Допустим, налогоплательщик оспаривает решение налогового органа о взыскании с него недоимки по налогам и сборам и соответствующих санкций за нарушение налогового законодательства, ходатайствуя о приостановлении действия оспариваемого акта налогового органа, заявитель будет указывать на вероятность причинения ему ущерба исполнением налогового решения в период судебного разбирательства. Однако для целей обеспечения соблюдения баланса интересов сторон правоотношения налогоплательщик должен гарантировать исполнение акта налогового органа в случае, если суд откажет в признании такого решения незаконным, а ненормативного акта – недействительным. Если же для налогоплательщика взыскиваемая сумма недоимки и санкции значительная, и стоимости его активов недостаточно для быстрого и эффективного исполнения решения налогового органа, ему придется представлять встречное обеспечение в виде поручительства или гарантии

³ Отчет о работе арбитражных судов РФ о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/1AS-svod_vse_sudu-2023.xls (дата обращения: 08.04.2024).

⁴ О некоторых вопросах, связанных с применением ч. 3 ст. 199 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 83 от 13.08.2004. П. 3. СПС КонсультантПлюс.

(независимой или банковской), чтобы гарантировать соблюдение искомого баланса. В противном случае фактический состав, входящий в локальный предмет доказывания при разрешении заявления о принятии обеспечительных мер, не будет установлен.

Предоставление первичного встречного обеспечения по инициативе суда или ответчика (заинтересованного лица)

В ч. 1 ст. 94 АПК РФ закреплено право ответчика и суда инициировать предоставление истцом встречного обеспечения. Согласно п. 45 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 арбитражный суд может самостоятельно оценить необходимость предоставления истцом встречного обеспечения, а при поступлении обоснованного ходатайства ответчика – потребовать предоставления встречного обеспечения – однако кауза такого процессуального действия не вполне понятна. При этом степень дискреции суда в вопросе истребования от истца встречного обеспечения, кажется, ничем не ограничена и способна свести на нет потенциал института обеспечения иска как механизма ускоренной защиты прав и законных интересов кредитора [9, с. 175; 10, с. 187]. Первичное встречное обеспечение предоставляется с целью возмещения возможных для ответчика убытков от принятия мер по обеспечению иска и призвано, таким образом, стать гарантией реализации правил ст. 98 АПК РФ о возмещении убытков и выплате компенсации потерпевшему в случае проигрыша истца. Первичное встречное обеспечение направлено на гарантирование исполнения потенциального решения по иску ответчика о возмещении ему убытков, причиненных обеспечительными мерами, установленными в текущем деле [11, с. 71].

В результате первичное встречное обеспечение представляет собой уникальный симбиоз процессуальных и материальных институтов – обеспечительных мер и способов обеспечения обязательств, на что обращается внимание в процессуальной литературе [12, с. 29–30]. Рассматриваемый институт призван создавать охранительное правоотношение на случай возникновения у ответчика права требования к истцу о возмещении убытков.

В пунктах 46 и 47 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 делается акцент на необходимость оценить соразмерность предоставляемого встречного обеспечения, его надлежащий вид и форму, реальность гарантийной функции обеспечения. Каузальность первичного встречного обеспечения, равно как и любой иной обеспечительной меры, будь то в цивилистическом процессе или в частном материальном праве, является его базовым, конституирующим признаком – встречное обеспечение должно создавать условия для реального восстановления

права ответчика от вероятного нарушения. Поэтому ответчик, ходатайствующий об истребовании встречного обеспечения от истца, должен доказать вероятность причинения ему убытков и их размер. Кроме того, ответчик должен зародить в глазах судьи сомнения в вероятности удовлетворения первоначального иска, т.к. право на возмещение убытков от примененных обеспечительных мер появится у ответчика лишь в случае проигрыша истца (в том числе в случае прекращения производства по делу или оставления заявления без рассмотрения по обстоятельствам, зависящим от истца).

Таким образом, в локальный предмет доказывания при рассмотрении ходатайства ответчика об истребовании от истца встречного обеспечения должны входить: вероятность проигрыша истца в деле (обратное доказывает истец при подаче заявления об обеспечении иска), вероятность причинения ответчику убытков от принятых мер по обеспечению иска (суть несоразмерность меры по обеспечению иска), размер возможного вреда ответчику от обеспечительных мер, а одним из юридических условий будет выступать вид и гарантийный потенциал (характеристика гарантийной функции) испрашиваемой обеспечительной меры. Если ответчик доказывает, заявляя ходатайство об истребовании от истца встречного обеспечения, вероятность проигрыша истца в деле, несоразмерность примененных мер обеспечения иска, почему не используется право ходатайствовать об отмене уже примененных мер по обеспечению иска? Представляется, что истребование ответчиком первичного встречного обеспечения имеет свою процессуальную цель убедить суд в вероятности причинения имущественного вреда ответчику в условиях непрогнозируемого результата исхода дела. Если ответчик может оспорить с достаточной вероятностью основания для принятия обеспечения иска, то по правилам ч. 7 ст. 93 и ст. 97 АПК РФ ему следует подавать ходатайство об отмене обеспечительных мер. Иными словами, с учетом каузы первичного встречного обеспечения существует тонкая грань между отменой мер по обеспечению иска и истребованием встречного обеспечения от истца, которое может стать лишь первым этапом на пути отмены примененных мер по обеспечению иска. Таким образом, целесообразность существования у ответчика права ходатайствовать об истребовании от истца встречного обеспечения не вызывает сомнений. Однако данное заявление, полагаем, необходимо рассматривать не ускоренно (не позднее чем на следующий рабочий день после поступления в суд), как это предписывает ст. 93 АПК РФ, а с проведением судебного заседания и вызовом лиц, участвующих в деле, т.е. по аналогии с правилами рассмотрения вопроса об отмене принятых обеспечительных мер. Такое предложение обусловлено сложным локальным предметом

доказывания при рассмотрении заявления заинтересованного лица. А сам вопрос не требует незамедлительного разрешения, в отличие от вопроса принятия обеспечительных мер.

Открытым остается вопрос о праве суда истребовать от истца встречное обеспечение. Действительно ли суду нужно это право, и не будет ли его дискреция в этом вопросе чрезмерна? При принятии мер по обеспечению иска или предварительных обеспечительных мер судом устанавливаются обстоятельства и условия для принятия меры, а именно две группы фактов: риск неисполнения или затруднения исполнения судебного постановления, предварительное наличие основания для удовлетворения заявленного искового требования и юридические условия принятия обеспечения; связь вида испрашиваемой меры и искового требования, а также ее соразмерность [13, с. 31]. Согласно ч. 4 ст. 94 АПК РФ, признавая необходимым предоставление встречного обеспечения, арбитражный суд не рассматривает заявление об обеспечении иска до истечения срока предоставления встречного обеспечения (устанавливается судом в пределах 15 рабочих дней) или до предоставления истцом документа, подтверждающего произведенное встречное обеспечение. В случае истребования встречного обеспечения при рассмотрении заявления о принятии предварительных обеспечительных мер такое заявление судом оставляется без движения (абз. 2 ч. 4 ст. 99 АПК РФ). О процессуальном решении, принимаемом судом в случае признания необходимым предоставления встречного обеспечения при рассмотрении заявления об обеспечении иска, в Кодексе информации нет. Здесь, как мы считаем, необходимо по аналогии закона руководствоваться правилами об оставлении без движения заявления (ст. 128 АПК РФ), поскольку иного механизма не рассматривать заявление, подлежащее рассмотрению в срочном порядке, процессуальное законодательство не содержит. Право суда оставить без движения заявление об обеспечении иска и истребовать встречное обеспечение, с одной стороны, свидетельствует о непринятии судом должного решения – раз он сомневается в соразмерности испрашиваемой заявителем обеспечительной меры, нужно отказать в обеспечении иска, потому как заявителем не выполнена обязанность по доказыванию. С другой стороны, в условиях реального риска неисполнения будущего решения суда оставление заявления об обеспечении иска без движения и предоставление заявителю срока на представление встречного обеспечения явно не отвечает критериям

срочности. В этот период лишь увеличатся риски неисполнения решения, если ответчик действительно неблагонадежный. Несмотря на предусмотренный ч. 5 ст. 94 АПК РФ, абз. 3 п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 срок рассмотрения заявления не позднее следующего дня после предоставления истцом документа о произведенном встречном обеспечении, пребывание в состоянии ожидания все же не отвечает критериям срочности и правовой определенности.

Таким образом, право суда истребовать встречное обеспечение от истца по собственной инициативе выглядит избыточным, основанным на чрезмерных дискреционных полномочиях.

Предмет первичного встречного обеспечения

Встречное обеспечение, предоставляемое истцом, направлено на возмещение возможных для заинтересованного лица убытков от принятия мер по обеспечению иска. Получается, что основным обязательством, которое обеспечивается за счет предоставления первичного встречного обеспечения, можно назвать обязательство по возмещению вреда от принятия мер по обеспечению иска. В предмет доказывания по делу о возмещении убытков или выплате компенсации (ст. 98 АПК РФ) в связи с обеспечением иска не входит установление виновности лица, инициировавшего принятие обеспечительных мер. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС15-18503 от 06.05.2016⁵ отмечается, что механизм взыскания убытков и компенсации, предусмотренный ст. 98 АПК РФ, является частным случаем возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, основан на положениях п. 3 ст. 1064 ГК РФ. Этот подход повторяется в Определении СКЭС ВС РФ № 307-ЭС19-8097(5) от 25.08.2023⁶. Однако с такой квалификацией невозможно согласиться, т.к. меры по обеспечению иска применяются судом по ходатайству истца, но не предполагают разрешение причинения вреда. Напротив, обеспечение иска должно быть механизмом, обеспечивающим соблюдение баланса интересов сторон, призвано создать условия для неизменности в спорном правоотношении (*status quo*) [14, с. 176–177]. Суд не разрешает причинять вред посредством мер по обеспечению иска. Иначе, если мы признаем, что иск, предъявляемый в силу ст. 98 АПК РФ, основан на правомерном причинении вреда, надлежащим ответчиком должен признаваться суд, допустивший причинение этого вреда.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС15-18503 от 06.05.2016 по делу № А53-1835/2015. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 307-ЭС19-8097(5) от 25.08.2023 по делу № А13-8408/2015. СПС КонсультантПлюс.

Убеждены, что вред ответчику от принятых мер по обеспечению иска возмещается на общих основаниях п. 1 и п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Возложение на истца обязанности по возмещению убытков ответчика по правилам ст. 98 АПК РФ является рисковым последствием применения мер по обеспечению иска по его заявлению. В этой связи серьезный вопрос вызывает природа требования ответчика о возмещении вреда: является ли это требование материально-правовым (иском о возмещении вреда) или это процессуальное требование, проистекающее из основного дела, но подлежащее рассмотрению в рамках обособленного спора? Представляется, что обосновать можно и тот, и другой подход к пониманию природы этого требования.

Поскольку, испрашивая меры по обеспечению иска, истец доказывает в числе прочего вероятность своего выигрыша в деле и соразмерность испрашиваемой меры, проиграв в деле, констатируется, что у него не было права на применение таких ограничений. Значит, обязательство по возмещению убытков – обычное деликтное обязательство. Право на возмещение таких убытков или выплату компенсации возникает в силу прямого указания закона. Поэтому и не применяется правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ о возможности освобождения от ответственности за причинение вреда, если вред причинен при отсутствии вины причинителя.

Право на предъявление иска о возмещении убытков по правилам ст. 98 АПК РФ возникает у заинтересованного лица не только в силу факта причинения вреда, но и при условии выигрыша этого заинтересованного лица (ответчика) в деле, в котором приняты меры по обеспечению иска. Реализация права заинтересованного лица, таким образом, основана на фактическом юридическом составе: принятие мер по обеспечению иска, причинение вреда заинтересованному лицу, причинно-следственная связь между вредом и обеспечительными мерами, вступление в силу судебного акта, констатирующего выигрыш истца. Учитывая момент возникновения соответствующего охранительного правоотношения по возмещению вреда, необходимо оценивать гарантийную функцию встречного обеспечения.

Гарантийная функция первичного встречного обеспечения

Размер встречного обеспечения

В соответствии с абз. 3 п. 46 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 арбитражный суд вправе признать встречное обеспечение ненадлежащим как по форме, так и по сумме обеспечения, если, по его мнению, такое встречное обеспечение не может являться достаточной гарантией возмещения убытков, в частности, из-за невозможности его быстрой реализации, несоразмерного характера, сомнений

в добросовестности гаранта. Последствие признания предоставленного встречного обеспечения ненадлежащим, по всей видимости – вынесение определения об отказе в принятии встречных обеспечительных мер.

В силу ч. 1 и ч. 3 ст. 94 АПК РФ в определении об истребовании встречного обеспечения судом указывается размер встречного обеспечения, определяемый в пределах 50–100 % имущественных требований истца, включая суммы процентов и иных санкций. Согласно абз. 2 п. 47 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023, если требование истца носит неимущественный характер, то размер встречного обеспечения определяется судом исходя из размера возможных убытков ответчика, причиненных обеспечительными мерами. Необходимость установления минимального размера встречного обеспечения, истребуемого от истца, определяемого в зависимости от возможных убытков ответчика, продиктована каузой этой обеспечительной меры (ст. 98 АПК РФ). Однако должен ли суд заниматься *юридическим шаманизмом* и без соответствующего заявления ответчика по собственной инициативе устанавливать возможные убытки ответчика? Скажем прямо, определить размер вероятных убытков даже со стандартом доказывания *prima facie* будет сложно. Потребуется учесть большое количество факторов, провести анализ текущих хозяйственных процессов ответчика. Поэтому суд просто лишен возможности определить размер первичного встречного обеспечения самостоятельно, без активной позиции ответчика. Это еще раз подтверждает обоснованность озвученного в конце предыдущего раздела настоящей статьи тезиса об избыточности полномочия по самостоятельному истребованию встречного обеспечения судом.

Предложенный диапазон 50–100 % размера имущественных требований истца – не более чем юридическая фикция. Размер убытков от принятия судом мер по обеспечению иска устанавливается по правилам ст. 15 ГК РФ и может включать в себя как реальный ущерб, так и упущенную выгоду. Очевидно, что размер убытков ответчика от обеспечительных мер не состоит в какой-либо четкой корреляции с ценой иска истца. Он может быть как значительно выше 100 %, так и меньше 50 % размера требований истца.

Вместо взыскания убытков ответчик вправе требовать от истца уплаты компенсации, определяемой в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости в размере 1 тыс. руб. – 1 млн руб., а по корпоративным спорам – 10 тыс. руб. – 1 млн руб. Кодексом заложены не различные средства правовой защиты, а различные механизмы расчета вреда [15, с. 34], одновременно применение которых невозможно.

Ходатайствуя об истребовании от истца первичного встречного обеспечения, ответчик должен доказать

вероятность причинения ему убытков от обеспечения иска, вероятность проигрыша истца в этом деле, определить приблизительный размер соответствующих убытков. Критерии определения размера суммы возмещения убытков, касающиеся характера ограничения (нарушения) имущественной сферы потерпевшего обеспечением иска и учета принципов разумности и справедливости, предполагают обоснование заинтересованным лицом негативных последствий, наступивших от обеспечительных мер, доказывание им причинно-следственной связи между негативными последствиями и обеспечением иска. Полагаем, что при невозможности обосновать даже с пониженным стандартом доказывания размер вероятных убытков, суд в случае рассмотрения требования как имущественного, так и неимущественного характера, если размер притязаний истца определяем (например, по делам о компенсации репутационного вреда или о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав), должен принять как надлежащий размер встречного обеспечения в 50 % от размера требований истца. Если ответчик обосновывает вероятность причинения ему убытков в большем объеме, то суд повышает сумму надлежащего размера в сторону 100 %. Но в случае разрешения требования, не подлежащего оценке, отправных координат нет, а доказать размер будущих убытков порой чрезмерно сложно. Поэтому разумнее было бы по неимущественным требованиям за отправную точку брать предельный размер компенсации, предложенной в ч. 2 ст. 98 АПК РФ – 1 млн руб.

Установление судом определенного размера встречного обеспечения не гарантирует полноценного возмещения убытков ответчику, это механизм управления процессуальными рисками [16, с. 23], поэтому он должен зависеть от процессуальной активности сторон спора, а не исключительно от дискреции суда.

Срок гарантийной функции встречного обеспечения

Как первичное, так и встречное обеспечение являются срочными мерами, преследующими указанную выше каузу. А значит, встречное обеспечение предоставляется на период его эффективности. Тем не менее нормативно вопрос периода, на который предоставляется встречное обеспечение, не регламентирован, что вызывает дискуссии в доктрине и проблемы в правоприменительной практике [17, с. 148; 18]. Применительно к сроку, в течение которого встречное обеспечение будет способствовать достижению его цели – гарантирования для ответчика возмещения возможных убытков от обеспечения иска, необходимо различать сами способы обеспечения, примененные истцом. В силу ч. 1 ст. 98 АПК РФ право на возмещение убытков у ответчика возникает после вступления

в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска. Такое право появляется и в случае т. н. *технического проигрыша* истца – прекращения производства по делу (кроме случаев, когда прекращение обусловлено примирением сторон) или оставления заявления без рассмотрения. Если встречное обеспечение внесено при рассмотрении заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, то право на возмещение убытков возникает, если не подано исковое заявление (абз. 2 п. 51 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023).

В случае внесения истцом на депозитный счет арбитражного суда денежных средств они будут находиться на счете до удовлетворения ходатайства истца об их возвращении. Такое ходатайство должно разрешаться при рассмотрении заявления об отмене встречного обеспечения в порядке ст. 97 АПК РФ (отмена обеспечения иска арбитражным судом)⁷, поскольку иных правил Кодекс не содержит, а встречное обеспечение является разновидностью обеспечительных мер. Как разъяснено в п. 52 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023, в случае полного или частичного отказа в иске, по которому были приняты обеспечительные меры и истцом внесено встречное обеспечение, денежные средства, внесенные на депозитный счет арбитражного суда, подлежат возврату лицу, ходатайствовавшему об обеспечении иска или о приостановлении исполнения судебных актов и предоставившему встречное обеспечение, по общему правилу после вступления в законную силу соответствующего судебного акта при наличии ходатайства данного лица о возврате указанных денежных средств. Однако если лицо, которому причинены убытки от обеспечения иска, обратится с иском о возмещении вреда, в соответствии с абзацами 3 и 4 п. 51 и абз. 2 п. 52 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023, то по его ходатайству внесенное истцом встречное обеспечение в первом деле трансформируется во вторичные обеспечительные меры в деле о взыскании убытков. Если лицо, которому причинены убытки от принятых мер по обеспечению иска, еще не может по объективным причинам подать иск, денежные средства истца должны сохраниться на депозитном счете суда как предварительная обеспечительная мера.

Иными словами, денежные средства, внесенные на депозитный счет суда в качестве первичного встречного обеспечения, должны оставаться на этом счете весь период рассмотрения дела. Если истец в деле выиграл – кауза первичного встречного обеспечения отпала – денежные средства должны быть возвращены. Если истец проиграл в первом деле, в котором приняты меры по обеспечению иска,

⁷ См. например: Определение ФАС Поволжского округа от 26.02.2006 по делу № А49-180/2005-46/14. СПС КонсультантПлюс.

кауза встречного обеспечения сохраняется, и у ответчика или иных заинтересованных лиц может возникнуть право на возмещение убытков от принятых мер по обеспечению иска. Соответственно, после вступления в законную силу итогового судебного акта по первому делу заинтересованное лицо подает иск в арбитражный суд о возмещении убытков от принятых мер по обеспечению иска и ходатайствует о принятии обеспечительной меры за счет ранее предоставленного встречного обеспечения в обеспечение требований о взыскании убытков (трансформация первичного встречного обеспечения во вторичное). Либо, если истец в первом деле ходатайствует о возвращении внесенных им денежных средств (отмене встречного обеспечения), то такое ходатайство рассматривается в судебном заседании, в котором ответчик может возражать против требования истца, указывая на возникновение убытков от мер по обеспечению иска и на желание подать иск в порядке ст. 98 АПК РФ. В связи с тем что законом не установлен срок, в течение которого заинтересованное лицо должно подать иск о возмещении убытков, в дискреционных полномочиях суда будет определение периода, объективно необходимого для подачи заинтересованным лицом такого иска, поскольку он должен будет соблюсти баланс интересов сторон и обеспечить возможную трансформацию первичного встречного обеспечения во вторичное в рамках уже нового дела, но в то же время не удерживать денежные средства на депозитном счете суда несоразмерно долгое время после окончания рассмотрения первого дела. Руководствоваться в этом случае сроком исковой давности неправильно, потому как общий трехлетний период для предъявления иска кажется чрезмерно длительным, за этот период денежные средства, внесенные истцом, утратят свою гарантийную функцию из-за инфляционных процессов. С учетом того, что ходатайство об отмене встречного обеспечения будет рассматриваться в судебном заседании, позиции сторон должны быть учтены при установлении отмеченного баланса интересов.

Намного сложнее обстоят дела в случае предоставления истцом в качестве встречного обеспечения поручительства [19], независимой гарантии или иного финансового обеспечения. Такие формы встречного обеспечения являются гражданско-правовыми способами обеспечения обязательств и должны соответствовать требованиям, устанавливаемым нормами материального права.

Для всех способов обеспечения обязательств срок оказывается существенным условием [20, с. 14; 21; 22, с. 408; 23, с. 347], т.к. по окончании срока, на который дано обеспечение, оно прекращается (п. 6 ст. 367 ГК РФ, пункты 2 и 1 ст. 378 ГК РФ). Этот срок не может быть поставлен в зависимость

от даты принятия или вступления в силу решения по текущему делу, потому как судебное постановление является юридическим актом, а не событием, которое неизбежно наступит (ст. 190 ГК РФ). Значит, срок встречного обеспечения должен быть определен конкретным периодом времени или датой. Истребуя от истца встречное обеспечение, арбитражный суд указывает в определении о предоставлении встречного обеспечения его размер и срок предоставления, но не определяет ни вид встречного обеспечения, ни условия соответствующих гражданско-правовых сделок. Таким образом, истцом должны быть сформулированы условия соответствующего обеспечительного обязательства под риском признания встречного обеспечения ненадлежащим [24; 25].

Поскольку кауза первичного встречного обеспечения заключается в возмещении возможных для ответчика или иных заинтересованных лиц убытков от принятия мер по обеспечению иска, срок предоставляемого обеспечения должен включать в себя предположительный момент возникновения права требования ответчика (момент неисправности должника в основном правоотношении), т.е. момент проигрыша истца и возникновения у ответчика убытков от принятия мер по обеспечению иска. Также срок действия встречного обеспечения должен включать в себя период реализации права заинтересованного лица на предъявление требования о взыскании убытков или выплаты компенсации. То обстоятельство, что обеспечиваемое правоотношение на момент предоставления встречного обеспечения еще не возникло, не имеет значения, т.к. обеспечено может быть и обязательство, которое возникнет в будущем (п. 1 ст. 361 ГК РФ).

В случае предоставления в качестве встречного обеспечения поручительства все условия договора поручительства должны быть согласованы его сторонами, т.е. ответчиком (или иным заинтересованным лицом, у которого могут возникнуть убытки от принятия мер по обеспечению иска) и поручителем (иным по отношению к должнику-истцу лицом). Ответчик как кредитор в обеспечиваемом правоотношении согласовывает с поручителем все необходимые условия, как существенные – срок поручительства и предмет обеспечения, так и иные – сумма ответственности поручителя, форма ответственности поручителя, отменяющие условия и т.д. Проверяет кредитор и фигуру поручителя. Поэтому, если в подтверждение произведенного встречного обеспечения истец представляет договор поручительства, заключенный надлежащим образом между ответчиком и поручителем (третьим по отношению к сторонам спора лицом), предмет этого договора отвечает каузе встречного обеспечения, то суд не должен тратить свое время на оценку гарантийной функции обеспечения, эти риски целиком должны возлагаться на ответчика.

Разумеется, поручительство в качестве встречного обеспечения в отечественном арбитражном процессе – явление редкое. Сложно представить себе ответчика, желающего тратить свое время на согласование условий договора поручительства, понимая, что это увеличит шансы истца на принятие мер по обеспечению иска. Поэтому более распространена ситуация представления независимой или банковской гарантии. Выдача банковской гарантии – это услуга кредитной организации, стоимость которой состоит в прямой зависимости от срока гарантии. В случае же предоставления независимой гарантии, несмотря на то что гарантом выступает коммерческая организация, нередко отношения покрытия в данном правоотношении характеризуются корпоративной или иной связью гаранта и принципала, не предполагающей извлечение прибыли от выдачи гарантии. Соответственно, если гарант и принципал состоят в неформальной некоммерческой связи друг с другом, они будут стремиться так определить срок гарантии, чтобы встречное обеспечение было признано судом надлежащим, но чтобы в то же время гарант не пребывал в состоянии неопределенности слишком длительное время (читай, чтобы к гаранту бенефициар так и не успел обратиться с требованием об осуществлении выплаты).

Согласно п. 4 ст. 368 ГК РФ, в гарантии, помимо всего прочего, указываются основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается гарантией, денежная сумма, подлежащая выплате, или порядок ее определения, обстоятельства, при наступлении которых должна быть выплачена сумма гарантии. В соответствии с п. 1 ст. 374 ГК РФ требование бенефициара об уплате денежной суммы по независимой гарантии должно быть представлено в письменной форме гаранту с приложением отмеченных в гарантии документов. В требовании или в приложении к нему бенефициар должен указать обстоятельства, наступление которых влечет выплату по независимой гарантии.

В итоге законом установлен внесудебный порядок предъявления требования бенефициара к гаранту. В судебном порядке взыскание суммы гарантии осуществляется только при отказе гаранта исполнить свою обязанность. Документом, которым подтверждается право требования бенефициара о возмещении ему убытков от обеспечения иска, по всей видимости, должно считаться решение суда, вступившее в законную силу. Можно допустить, что таким документом будет считаться и соглашение об определении размера убытков, заключенное между истцом и ответчиком в первом деле. Но в случае возникновения спора о размере и порядке возмещения причиненного вреда такое соглашение не будет заключено, что приведет к невозможности исполнения обязательства гаранта по выданной гарантии в силу действий сторон деликтного

правоотношения. Поэтому приоритетным видится указание именно решения суда по иску о взыскании убытков, предъявленному в порядке ст. 98 АПК РФ.

Таким образом, срока гарантии должно быть достаточно для того, чтобы были рассмотрены первое дело (в котором применены меры по обеспечению иска, из-за которых возможно возникновение убытков у ответчика), второе дело по иску о взыскании убытков, и решение по нему вступило в законную силу, и чтобы бенефициар смог обратиться с требованием к гаранту. С учетом нормативно установленных сроков рассмотрения дела судом первой и апелляционной инстанции срок гарантии явно должен превышать 20 месяцев (6 месяцев – срок рассмотрения дела в первой инстанции, 1 месяц – срок апелляционного обжалования, 3 месяца – срок рассмотрения апелляционной жалобы, и так по двум делам, плюс срок предъявления требования гаранту), но и этого может быть недостаточно ввиду особенностей исчисления процессуальных сроков в арбитражном процессе, да еще и при особом желании сторон затянуть спор.

Исходя из существа поименованных в ГК РФ способов обеспечения обязательств, иным финансовым обеспечением, приемлемым для целей встречного обеспечения, может признаваться также залог и обеспечительный платеж, может быть применен и непоименованный способ обеспечения, такой как обеспечительная передача права собственности. Не исключено с целью встречного обеспечения заключение договора страхования ответственности. Все, что может обеспечивать обязательство по возмещению вреда или гарантировать потерпевшему дополнительный источник удовлетворения его интересов, формально приемлемо как иное финансовое обеспечение по смыслу ст. 94 АПК РФ. Но нужно ли гражданскому быту и судопроизводству такое усложнение? Не приводит ли это к искусственному расширению локального предмета доказывания и не заставляет ли суд тратить время не на рассмотрение дела, а на разрешение отдельных процедурных вопросов – вопрос риторический.

Можно сделать вывод, что срок финансового обеспечения, определяемого без участия ответчика, может быть признан надлежащим лишь в том случае, когда он включает в себя период, достаточный для исполнения обязанности лица, предоставившего обеспечение.

Экономическая эффективность встречного обеспечения

Согласно абзацам 3 и 4 п. 46 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 арбитражный суд проверяет, является ли представленное истцом встречное обеспечение достаточной гарантией возмещения убытков, в частности, возможно ли его быстро реализовать, соразмерно ли оно, добросовестен ли гарант. При оценке соответствия банковской (независимой)

гарантии или поручительства требованиям законодательства необходимо проверять, кроме прочего, указано ли в поручительстве, за исполнение какого обязательства оно выдано, определены ли размер обеспечиваемого обязательства и объем ответственности поручителя, является ли поручительство солидарным и каков срок действия банковской (независимой) гарантии, поручительства.

Таким образом, Пленум ВС РФ, вслед за Пленумом ВАС РФ, рекомендует судам оценивать реальность удовлетворения требования о возмещении убытков за счет представленного встречного обеспечения. Как было отмечено ранее, договор поручительства заключается между ответчиком и поручителем, и суд не должен дополнительно оценивать финансовое благополучие поручителя – эти риски должен взять на себя ответчик. Что касается банковской гарантии, то неспроста в ч. 1 ст. 94 АПК РФ приоритетной называется именно эта форма независимой гарантии. Гарант по банковской гарантии почти всегда более благонадежен, чем любая иная коммерческая организация, на то и существуют лицензионные требования кредитных организаций. Финансовое благополучие гаранта по независимой гарантии на практике суды вынуждены проверять с особой тщательностью: истец представляет бухгалтерский баланс гаранта, отчет о прибылях и убытках, сведения об имуществе и правах требования гаранта, справки об остатках денежных средств на банковских счетах гаранта. В противном случае, усомнившись в добропорядочности гаранта, суд откажет в принятии такого встречного обеспечения, и это повлияет на применение в деле мер по обеспечению иска.

Заключение

Можно сделать вывод, что первичное встречное обеспечение в арбитражном процессе в материальном плане преследует цель защиты прав и законных интересов лиц от нарушений в связи с принятием по делу мер по обеспечению иска. Поэтому применяемые встречные обеспечительные меры могут быть признаны надлежащими лишь в том случае, когда гарантийный эффект обеспечения позволяет реализовать право потерпевшего на возмещение вреда, т.е. предоставлены на необходимый срок, предполагают реальную возможность получения денежного возмещения в размере, эквивалентном причиняемым ответчику или иным лицам убыткам.

Литература / References

1. Котлярова В. В. Применение встречного обеспечения в арбитражном процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2012. № 8. С. 11–16. [Kotlyarova V. V. Application of counter security in arbitration proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*, 2012, (8): 11–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfdgaf>

В процессуальном смысле истребование или предоставление встречного обеспечения может быть компонентом механизма принятия мер по обеспечению иска, повышая или понижая степень уверенности суда в соразмерности испрашиваемых мер, направленных на исполнение будущего решения суда (например, мер обеспечения иска, мер по приостановлению исполнения оспариваемого судебного акта) или на защиту имущественных интересов заявителя (например, предварительных обеспечительных мер, мер обеспечения по заявлению стороны третейского разбирательства). Поскольку при истребовании первичного встречного обеспечения необходимо доказывать вероятность проигрыша истца в деле и обосновывать вероятность причинения вреда от принятия мер по обеспечению иска, право суда истребовать встречное обеспечение от истца является излишним, нарушающим принцип состязательности. Истец (заявитель) вправе по собственной инициативе предоставить первичное встречное обеспечение, а оценивать его характеристики будет суд в определении о принятии встречного обеспечения. Право истребования первичного встречного обеспечения должно принадлежать только лицам, участвующим в деле, у которых может в перспективе возникнуть право предъявления иска в порядке ст. 98 АПК РФ. Учитывая, что в локальный предмет доказывания при рассмотрении заявления о принятии первичного встречного обеспечения входит фактический юридический состав, предопределяющий необходимость проверки гарантийной функции, вопрос о принятии встречного обеспечения, истребуемого от истца заинтересованными лицами, целесообразно решать в судебном заседании с вызовом лиц, участвующих в деле.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

2. Шевченко И. М. О каузе встречного обеспечения в арбитражном процессе. *Российский судья*. 2023. № 1. С. 2–6. [Shevchenko I. M. On the cause of a cross-undertaking in damages in an arbitral procedure. *Russian Judge*, 2023, (1): 2–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-1-2-6>
3. Горюнов К. М. Проблемные аспекты правового регулирования института встречного обеспечения иска в российском арбитражном судопроизводстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 11. С. 21–23. [Goryunov K. M. Challenging aspects of legal regulation of the institution of undertaking in damages in Russian arbitration proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, (11): 21–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2.023-11-21-23>
4. Скуратовский М. Л. О возможной регламентации арбитражного процесса. *Экономическое правосудие в Уральском округе*. 2018. № 3. С. 147–158. [Skuratovskiy M. L. On possible regulation of the arbitration procedure. *Economic justice in the Ural District*, 2018, (3): 147–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yptonf>
5. Тай Ю. В., Будылин С. Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! *Вестник гражданского процесса*. 2020. Т. 10. № 4. С. 89–130. [Tai Yu. V., Budylin S. L. Interim measures. How to rebuild Russia?! *Herald of Civil Procedure*, 2020, 10(4): 89–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-89-130>
6. Штанкова Н. В. Обеспечительные меры в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы доказывания оснований применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с. [Shtankova N. V. *Interim measures in the arbitration process of the Russian Federation: Problems of proving the grounds for application*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zphdyp>
7. Штанкова Н. В. Основания принятия обеспечительных мер арбитражными судами: актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики. *Законодательство и экономика*. 2016. № 1. С. 32–38. [Shtankova N. V. Grounds the adoption of interim measures in arbitration courts: Topical issues of improving the legislation and law enforcement practice. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2016, (1): 32–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vlmdtd>
8. Сасов К. А. Основания принятия мер обеспечения в арбитражном налоговом споре. *Закон*. 2012. № 12. С. 64–72. [Sasov K. A. Grounds for taking security measures in an arbitration tax dispute. *Zakon*, 2012, (12): 64–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjsmuf>
9. Стариков М. Ю. Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2020. 349 с. [Starilov M. Yu. *Preliminary protection measures in administrative proceedings in courts of general jurisdiction*. Cand. Law Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2020, 349. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jnarln>
10. Стариков М. Ю. Эффективность института мер предварительной защиты в административном судопроизводстве: постановка проблемы, условия и критерии применения, судебная практика. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2018. № 2. С. 176–188. [Starilov M. Yu. Effectiveness of the institution of measures of preliminary protection in administrative proceedings: Statement of the problem, conditions and criteria of application, judicial practice. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2018, (2): 176–188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xvfkdb>
11. Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии. М.: Статут, 2020. 206 с. [Selkova A. A. *Institute of interim measures in procedural law of Russia and England*. Moscow: Statut, 2020, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/otszjs>
12. Калинин В. Н. Частноправовые начала встречного обеспечения в арбитражном процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 12. С. 26–30. [Kalinin V. N. Private law origins of the cross-undertaking in damages in the arbitration procedure. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, (12): 26–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-12-26-30>
13. Трезубов Е. С., Лисина Н. Л. Особенности определения локального предмета доказывания при рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 10. С. 27–32. [Trezubov E. S., Lisina N. L. Features of identification of a local subject of proof in case of review of an application for an interim remedy. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, (10): 27–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-10-27-32>
14. Трезубов Е. С. Встречное обеспечение в арбитражном процессе России: от реалий к единому Гражданскому процессуальному кодексу. *Вестник гражданского процесса*. 2017. Т. 7. № 6. С. 170–191. [Trezubov E. S. Counter collateral of the claim in Russian arbitration procedure: From the realities to the unified Civil Procedure Code. *Herald of Civil Procedure*, 2017, 7(6): 170–191. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykhgpl>

15. Смольников Д. И. Взыскание компенсации в связи с обеспечением иска. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2016. № 7. С. 30–35. [Smolnikov D. I. Recovery of compensation in connection with securing the claim. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2016, (7): 30–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wiajwx>
16. Звягина Н. С. Обеспечительные меры как средство управления процессуальными рисками в арбитражном процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 12. С. 21–25. [Zvyagina N. S. Provisional remedies as a means of procedural risk management in the arbitration procedure. *Arbitration and Civil Procedure*, 2023, (12): 21–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-12-21-25>
17. Кливер Е. П. О некоторых вопросах обеспечения в арбитражном процессе и обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на депозитном счёте суда. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2016. № 4. С. 145–154. [Kliver E. P. On some issues of indemnity in the arbitration procedure and levy of execution on funds in the deposit account of the court. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2016, (4): 145–154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xhokvt>
18. Кливер Е. П. О некоторых вопросах обеспечения в арбитражном процессе и обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на депозитном счёте суда. *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 187–201. [Kliver E. P. On some questions of ensuring in arbitration procedure and collection of taxes due by seizure of cash on the court deposit account. *Herald of Civil Procedure*, 2016, (6): 187–201. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xdrwtz>
19. Сметанников А. Е. Особенности института поручительства в арбитражном процессе. *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*. 2008. № 2. С. 4–11. [Smetannikov A. E. Features of the institution of guarantee in the arbitration process. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2008, (2): 4–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijprob>
20. Поваров Ю. С. Существенные и иные условия банковской (независимой) гарантии. *Юридический вестник Самарского государственного университета*. 2015. Т. 1. № 1. С. 11–16. [Povarov Yu. S. Essential and other conditions of bank (independent) guarantee. *Juridical Journal of Samara University*, 2015, 1(1): 11–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uifref>
21. Кобченко И. Срок поручительства: анализ судебной практики. *Цивилистика*. 2020. Т. 2. № 4. С. 153–165. [Kobchenko I. Term of guarantee: Analysis of judicial practice. *Civilistics*, 2020, 2(4): 153–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gdbbng>
22. Сарбаш С. В. Поручительство: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». М.: Статут, 2021. 548 с. [Sarbash S. V. *Guarantee: Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2020, No. 45 On resolving disputes regarding guarantee*. Moscow: Statut, 2021, 548. (In Russ.)]
23. Зайцев В. В. Обеспечение исполнения обязательств: история, современность и перспективы развития. М.: Статут, 2021. 396 с. [Zaitsev V. V. *Fulfilling obligations: History, modernity, and development prospects*. Moscow: Statut, 2021, 396. (In Russ.)]
24. Киличенкова М. А. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц. *Арбитражные споры*. 2010. № 4. С. 65–82. [Kilichenkova M. A. Issues arising in connection with the application of the provisions of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in cases involving foreign citizens. *Arbitrazhnye spory*, 2010, (4): 65–82. (In Russ.)]
25. Абдулов И. В. Процессуальные средства защиты интересов ответчика от обеспечительных мер в арбитражном процессе. *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2016. № 2. С. 54–64. [Abdulov I. V. Procedural means of protecting the interests of the defendant from interim measures in the arbitration process. *Moscow District Commercial Court Bulletin*, 2016, (2): 54–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wkszyf>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор,
КемГУ; ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», КемГУ; egortrezubov@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный
секретарь, КемГУ; j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State
University; ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction
of Law, Kemerovo State University; egortrezubov@mail.ru

Luydmila S. Starikova, Executive Secretary,
Kemerovo State University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор: Анна Петровна Федькина.

Корректоры – Людмила Семеновна Старикова,
Анна Петровна Федькина.

Литературный редактор (английский язык) –
Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor: Anna P. Fedkina.

Proof-reader – Luydmila S. Starikova, Anna P. Fedkina.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 08.05.2024.

Дата выхода в свет 16.05.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 15,11. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemstu.ru

